ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (150). Август, 2015

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2015

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)

Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)

В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)

П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

П. В. ДРУЖИНИН
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)

Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

Т. В. МОРОЗОВА
доктор экономических наук (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. Н. РУДАКОВ
доктор экономических наук,
профессор (Петрозаводск)

С. В. СИГОВА
доктор экономических наук
(Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 5 (150). August, 2015

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Vladimir S. Syunev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2015

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)

Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexica)

T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)

V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKIY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)

P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)

K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
"Social Sciences & Humanities"

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. DRUZHININ
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

P. ZAIYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

T. MOROZOVA
Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)

M. RUDAKOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. SIGOVA
Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Кротов П. А., Пашков А. М.
К вопросу о дате основания Петрозаводска 7

Романько О. В.
Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942–1944): органы и формы деятельности 11

Максимова Л. А.
Модели взаимоотношений мигрантов и коренного населения в Коми в 1930–1950-е годы 17

Чудова Т. И.
Локальная традиция питания вашкинских коми 22

Шорохова И. В.
Петрозаводский университет в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов (по материалам газеты «Петрозаводский университет») 27

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Газизова А. И.
В поиске путей эффективного взаимодействия науки, образования и производства 35

Шерехова О. М.
Принципы становления межсубъектной творческой деятельности в образовательном процессе вуза на основе использования драматических игр . . . 41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бубнова Н. В.
Ономастическая «летопись» региона – основа объективного описания национального ономастического пространства 46

Романов Ю. А.
О традициях Ф. М. Достоевского в творчестве У. Фолкнера 52

Урванцева Н. Г.
Гоголевские юбилеи на страницах дореволюционной периодической печати города Петрозаводска. . 57

Котова А. В.
Об источниках парного сравнения в «Аргонавтике» Валерия Флакка (V, 343–349; 366–372) 61

Маташина И. С.
История первых переводов романов Ф. М. Достоевского на шведский язык 66

Всероссийская научная конференция «Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа (1895–1970)»

Земцовский И. И.
«Do it with Propp!» (Воспоминания из серии «В. Я. Пропп в Америке») 70

Золян С. Т.
Структура сюжета эпоса «Давид Сасунский»: инварианты и трансформации 73

Лойтер С. М.
В пространстве В. Я. Проппа (возвращаясь к детским Швамбраниям как явлениям фольклора) 82

Патроева Н. В.
Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского 87

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гладких Е. Г.
Оппортунизм в банковском секторе России. 92

Кучиц И. О.
Значимость институционального подхода в процессе регулирования национальной экономики 99

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чернов С. Н.
Особенности правового регулирования отношений в экономической, политической и социальной сферах в Арктической зоне 103

Сидоров Ю. В.
Отличия в понимании сущности электронного правосудия в России и за рубежом 108

Суханова Т. П.
Мониторинг правоприменения в системе органов исполнительной власти на примере Федеральной службы судебных приставов 112

Дискуссии

Пивоев В. М.
Является ли история гуманитарной наукой? 116

Рецензии

Шевченко В. И.
Рец. на кн.: Кирилина, Валентина Михайловна. Развитие сельского туризма в Республике Карелия на основе трансграничного сетевого взаимодействия 121

Научная информация 122

Информация для авторов 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство "Книга-Сервис"» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу http://biblioclub.ru

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/req.php

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Дата выхода в свет 31.08.2015. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 290

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
Адрес редакции, издателя и типографии:
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Август, № 5 **Исторические науки и археология** **2015**

УДК 93/94

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРОТОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, академик Академии военно-исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Меншиковский институт» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
pav_krotov.naval@mail.ru

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pashkov@psu.karelia.ru

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ ПЕТРОЗАВОДСКА

Впервые публикуется письмо А. Д. Меншикова Петру I от 28 августа 1703 года. В конце августа 1703 года Петр I, находившийся на Лодейнопольской верфи, отправил А. Д. Меншикова «на заводы». Оказавшись в деревне Горка, А. Д. Меншиков отправил оттуда письмо Петру I, в котором сообщал, что находится в 15 верстах от заводов и собирается в 4 утра 28 августа продолжить свой путь «на заводы». Исследователи считали, что в письме речь шла о поездке А. Д. Меншикова в устье реки Лососинка для участия в церемонии закладки Петровского завода. В статье показывается, что в своем письме А. Д. Меншиков сообщает о поездке на Устьрецкий завод, входивший в группу заводов А. Бутенанта. Вероятно, что только после посещения Устьрецкого завода А. Д. Меншиков отправился для участия в закладке Петровского завода. Таким образом, основание Петровского завода (а фактически и основание Петрозаводска) состоялось не ранее 29 августа 1703 года.

Ключевые слова: Петр I, А. Д. Меншиков, Устьрецкий завод, Петровский завод, основание Петрозаводска

В настоящее время историки не знают точной даты основания Петрозаводска. Обычно они опираются на фразу в «Походном журнале» Петра I за 1703 год «*В 29-й день Александр Данилович отсель поехал на заводы*»[1], истолковывая ее как отправку А. Д. Меншикова с Олонецкой верфи в Лодейном поле для участия в церемонии закладки Петровского завода, и делают на основании этого вывод, что Петровский завод (будущий Петрозаводск) был основан в конце августа – начале сентября 1703 года [3; 334, 404–405], [4; 212], [9; 171], [11; 8], [12; 6, 12], [13; 13].

Приведенная выше фраза из «Походного журнала» Петра I, действительно, в течение долгого времени рассматривалась в качестве первого письменного упоминания о Петрозаводске (еще не заложенном). Однако еще в 1957 году А. П. Глаголева привела цитату из письма А. Д. Меншикова Петру I от 28 августа 1703 года, направленного им по пути «на заводы» из деревни Горка: «В августе 1703 года А. Д. Меншиков отправился к месту будущей стройки заводов и, находясь в пути, 28 августа писал Петру I на Олонецкую верфь из села Горки, “не доезжая заводов за пятнадцать верст”: “...того ж часа поехал в лотке на заводы”. 29 августа здесь, на правом берегу реки Лососинки, в глухой и безлюдной местности, состоялась закладка, а в сентябре началась постройка доменного, молотового и оружейного завода, получившего сперва по месту своего нахождения название Шуйского завода, а затем переименованного в Петровский» [2; 58]. Однако А. П. Глаголева не ставила перед собой задачу источниковедческого анализа данного письма и его публикации.

Недавно петербургский литератор, журналист и краевед А. М. Шарымов предположил, что тот нарратив, который историки назвали «Походный журнал» Петра I, на самом деле был своего рода записной книжкой, возможно, солдата Бомбардирской роты Преображенского полка и корабела Олонецкой верфи Ивана Немцова, которая заполнялась нерегулярно, иногда задним числом, и по этой причине в ней могли появляться неверные датировки. Примером такой ошибочной датировки А. М. Шарымов обоснованно считает датируемое 29 августа 1703 года упомянутое выше известие об отправке А. Д. Меншикова на Петровский завод, хотя 28 августа последний уже находился в деревне Горка [14; 262].

Итак, ни А. П. Глаголева, ни А. М. Шарымов не привели полного текста письма от 28 августа и не прокомментировали его. Это можно объяснить тем, что перед ними стояли иные исследовательские задачи, и они не ставили перед собой цель анализировать данный текст с точки зрения уточнения даты основания Петровского завода.

Приведем полностью текст письма А. Д. Меншикова Петру I от 28 августа 1703 года.

© Кротов П. А., Пашков А. М., 2015

* * *

1703 года, августа 28. – Донесение санкт-петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А. Д. Меншикова Петру I о приезде его в село Горка, доставке туда из Архангельска почты, ящиков с лимонами и померанцами, отправлении их далее к Петру I на Олонецкую верфь и его состоявшемся отъезде в лодке по Онежскому озеру, вероятно, на Устьрецкий завод.

// **л. 535.** [1-]*Мой государь капитан, здравствуй на множество лет.*

Извествую милости твоей. Сего августа в 28 день после полунощи в 4-м часу от города Архангелского пришла почта. А застала меня в селе Горском, не доезжая до заводов за пятнатцать верст, и при той почте прислано ко мне шесть ящиков с лимонами и с помаранцами, и я того ж часа вышеписанные ящики с лимоны, и с помаранцы, и с писма до милости твоей послал к тебе, государю, и того ж часа // **л. 535 об.** *поехал в лотке на заводы*[-1].

[2-]Александр Меншиков[-2].

[1-]Из села Горок

августа в 28 день[-1].

Примечание. [1-1] *Первый почерк – писарский.* [2-2] *Второй почерк – собственноручная подпись А. Д. Меншикова.*

Российский государственный архив древних актов. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 2. Л. 535–535 об. Подлинник. Публикуется впервые.

Исходя из приведенного текста, можно сделать вывод, что в 20-х числах августа 1703 года Петр I действительно отправил А. Д. Меншикова «на заводы», но не факт, что он сразу поехал в устье реки Лососинки для участия в закладке Петровского завода. Учитывая, что А. Д. Меншиков отправился с Олонецкой верфи «на заводы», по его собственным словам, на лодке, можно предположить, что он мог совершить это путешествие на лодке-кижанке или на сойме. Известно, что кижанки, предназначенные для выхода в открытое озеро, были 8–9 метров длиной и имели 1–2 мачты. Соймы имели две мачты и в длину были более 9 метров [8; 66–67]. Затем лодка с А. Д. Меншиковым и его спутниками пересекла открытое Онего в северо-восточном направлении, возможно, ее несло попутным юго-западным ветром, и все путешественники оказались в деревне Горская (современное название – Горка). Уместно вспомнить, что юго-западный ветер на Онежском озере назывался «шелоник», и привести пословицу из сборника В. И. Даля «Ветер шелоник по Онеге разбойник (юго-западный, вредный для судов)»[2].

Возникает вопрос: что имел в виду А. Д. Меншиков, когда писал из «села Горского», что находится от заводов в 15 верстах? Деревня Горка находится примерно в 60 километрах водного пути от устья Лососинки. Это никак не вяжется с упоминанием, что деревня Горка, откуда было написано письмо А. Д. Меншикова, находилась в 15 верстах от заводов. Вероятно, А. Д. Меншиков имел в виду Устьрецкий завод, входивший в систему заводов А. Бутенанта (подробнее о них см.: [5]) и находившийся от Горки в 22 километрах водного пути[3]. Современный метролог В. А. Белобров приводит данные о том, что в XVII веке существовало 6 разновидностей версты, различавшихся между собой по длине, среди которых была и «московская верста» протяженностью 1,27–1,28 км [1; 6–7]. Современное расстояние между Горкой и Усть-рекой, выраженное в «московских верстах», равно 17,2–17,3 версты, что близко к упомянутым в письме 15 верстам. А. Д. Меншиков явно назвал несколько округленное, «ровное» расстояние по воде, вероятно, со слов местных жителей. Большая точность в данном случае не требовалась. Другие заводы А. Бутенанта (Лижемский и Кедрозерский, не говоря уже о Фоймогубском) находились от Горки значительно дальше.

Вероятно, А. Д. Меншиков сначала посетил Устьрецкий завод и только потом двинулся к устью Лососинки на закладку Петровского завода. Заводы А. Бутенанта действовали с конца XVII века, с началом Северной войны они стали выполнять военные заказы широкого профиля для удовлетворения потребностей создававшегося на Балтийском море военно-морского флота. Летом 1703 года заводы А. Бутенанта были конфискованы казной (с последующим «выкупом») и подчинены А. Д. Меншикову. Вероятно, поездка А. Д. Меншикова на Устьрецкий завод носила ознакомительный характер и имела целью ускорить поставку заводской продукции для оснащения строящихся на Олонецкой верфи военных кораблей.

Вероятно, только после краткого посещения Устьрецкого завода А. Д. Меншиков двинулся к устью Лососинки, где принял участие в церемонии закладки Петровского завода. О том, что именно А. Д. Меншиков был его основателем,

свидетельствует письмо Петра I А. Д. Меншикову от 27 января 1719 года, в котором царь прямо называет А. Д. Меншикова «фундатором», то есть основателем Петровских заводов [6].

В Горке А. Д. Меншиков встретил гонцов из Архангельска, которые везли какие-то письма Петру I, а также 6 ящиков лимонов и померанцев (померанец – фрукт рода цитрусовых, гибрид мандарина и помело, другое название – «горький апельсин»[4]). На вопрос: почему именно в Горке произошла встреча? – ответ также понятен. После постройки летом 1702 года Осударевой дороги, связавшей селение Нюхча на Белом море и селение Повенец на Онежском озере, и похода по ней Петра I с войсками и свитой в августе 1702 года (см. подробнее: [7]) эта дорога стала использоваться как удобный путь между Архангельском и Санкт-Петербургом. По ней передвигались войска, перевозили грузы и т. д. Кроме того, по территории Заонежья проходил старинный, известный еще с XVI века торговый путь между Сумским острогом на Белом море и Великим Новгородом. Южнее Повенца его маршрут проходил через Горку (см. подробнее: [10; 60–62]). Вероятно, в Петровские времена этот путь также использовался для коммуникации между Архангельском и Санкт-Петербургом. Поэтому встреча А. Д. Меншикова с гонцами из Архангельска в Горке не была случайной.

Еще одна невыясненная деталь из анализируемого письма – чрезвычайно раннее отплытие А. Д. Меншикова из Горки (в 4 часа утра) – также поддается объяснению. Из походных журналов А. Д. Меншикова за 1716–1720 годы видно, что обычно он просыпался около 4 или 5 утра[5], что примерно совпадало с началом светового дня. Кроме того, обычно в Онежском озере ночью и на рассвете стихает ветер и наступает штиль, что облегчает плавание на веслах.

Итак, в своем письме Петру I от 28 августа 1703 года из деревни Горка А. Д. Меншиков извещает, что находится на пути «на заводы». Вероятно, здесь имеется в виду Устьрецкий завод, недавно отобранный у А. Бутенанта и переданный под управление А. Д. Меншикова. Никаких четких указаний, что 28 августа А. Д. Меншиков собирался из Горки плыть к устью Лососинки для участия в закладке Петровского завода, в письме нет. Тем более странно писать о поездке «на заводы», когда самого Петровского завода еще не существовало. С учетом того, что 28 августа А. Д. Меншиков добирался до Устьрецкого завода, осматривал его и беседовал с представителями заводской администрации, можно считать, что он продолжил свой путь только вечером 28 или утром 29 августа. Расстояние между Устьрецким заводом и устьем Лососинки по воде определяется в 68 км. Определить, за какое время А. Д. Меншиков и его спутники смогли его преодолеть, не представляется возможным. Однако можно наверняка утверждать, что основание Петровского завода произошло не ранее 29 августа, но и не позднее первых чисел сентября 1703 года. Возможно, находка новых документов позволит уточнить эту датировку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Походный журнал 1703 года. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 7.
[2] Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1984. С. 339.
[3] Современные расстояния даны на основе ресурса: Топографическая карта Заонежья 1:1000 м [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaonezhie.ru/images/maps/all%20zaonezhie.jpg
[4] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. П–Р. М., 2000. С. 700 (или любое другое издание); Большой академический словарь русского языка. Т. 18. Подлещ–Порой. М.; СПб., 2011. С. 598.
[5] Труды и дни князя Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. С. 15–383.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белобров В. А. О протяженности древнерусских дорог [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/9917916
2. Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. 247 с.
3. История Карелии. Макет / Под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. 484 с.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2001. 944 с.
5. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии. 1670–1703. Л., 1979. 104 с.
6. Кротов П. А. А. Д. Меншиков – основатель Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2015. № 1 (148). Т. 1. С. 7–9.
7. Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. 312 с.
8. Наумов Ю. М. Лодка-кижанка // Кижский вестник. Вып. 13. Петрозаводск, 2011. С. 66–83.
9. Очерки истории Карелии / Под ред. В. Н. Бернадского и др. Т. 1. Петрозаводск, 1957. 430 с.
10. Пашков А. М. Дорожник Ионы Соловецкого как источник по истории Кондопожского края в конце XVI – начале XVII века // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 60–62.
11. Пашков А. М., Филимончик С. Н. Петрозаводск. СПб., 2001. 128 с.
12. Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 1. 1702–1802. Петрозаводск, 2001. 416 с.
13. Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703–2003 / Под ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2002. 512 с.
14. Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. 784 с.

Krotov P. A., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON THE DATE OF PETROZAVODSK FOUNDATION

A letter written by Alexander Menshikov to Peter the Great on the 28th of August of 1703 is published for the first time. At the end of August, 1703 Peter I attended the shipyards of Lodeinoje Pole and sent A. Menshikov to visit the "foundries". Upon his arrival at the village named Gorka, A. Menshikov wrote a letter to the Russian tsar informing him about his location. A. Menshikov was stationed 15 versts away from the foundries and planned to continue his trip towards the destination the morning after at 4 a. m. The letter was written on the 28 of August, 1703. The researchers believe that in this letter A. Menshikov wrote about his visit to the mouth of Lososinka river where he planned to participate in the ceremony of Petrovsky foundries' foundation. The article proves, that in this letter A. Menshikov informed the tsar about his visit to Ustretsky foundries, which were a part of H. Butenant's foundries group. It's possible that only after this visit to Ustretsky foundries A. Menshikov departed to participate in the ceremony of Petrovsky foundries' foundation. Therefore, the foundation of Petrovsky foundries and the foundation of Petrozavodsk took place not earlier than in August, 28, 1703.

Key words: Peter the First, A. D. Menshikov, Ustretsky foundries, Petrovsky foundries, the foundation of Petrozavodsk

REFERENCES

1. Belobrov V. A. *O protyazhennosti drevnerusskikh dorog* [About the length of Ancient Russian roads]. Available at: https://www.academia.edu/9917916
2. Glagoleva A. P. *Olonetskie zavody v pervoy chetverti XVIII veka* [Olonets foundries at the 1st quarter of the 18th century]. Moscow, 1957. 247 p.
3. *Istoriya Karelii. Maket* [The History of Karelia. Draft] / A. Ya. Bryusov (ed.). Petrozavodsk, 1952. 484 p.
4. *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Karelia from ancient times up to nowadays] / N. A. Korablev, ets. (eds.). Petrozavodsk, 2001. 944 p.
5. Kovalenko G. M. *Pervye metallurgicheskie zavody v Karelii. 1670–1703* [First metallurgical works in Karelia. 1670–1703]. Leningrad, 1979. 104 p.
6. Krotov P. A. A. D. Menshikov as the founder of Petrozavodsk [A. D. Menshikov – osnovatel' Petrozavodska]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2015. № 1 (148). Vol. 1. P. 7–9.
7. Krotov P. A. *Osudareva doroga 1702 goda: Prolog osnovaniya Sankt-Peterburga* [Osudareva road of 1702: Prologue of St. Petersburg foundation]. St. Petersburg, 2011. 312 p.
8. Naumov Yu. M. Kizhanka boat [Lodka-kizhanka]. *Kizhskiy vestnik*. Issue 13. Petrozavodsk, 2011. P. 66–83.
9. *Ocherki istorii Karelii* [Essays on the History of Karelia] / V. N. Bernadskiy, ets (eds.) Vol. 1. Petrozavodsk, 1957. 430 p.
10. Pashkov A. M. The itinerary of Iona from Solovki as a source of the History of Kondopoga area in the late 16th – early 17th centuries [Dorozhnik Iony Solovetskogo kak istochnik po istorii Kondopozhskogo kraya v kontse XVI – nachale XVII veka]. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii.* Petrozavodsk; Kondopoga, 2000. P. 60–62.
11. Pashkov A. M., Filimonchik S. N. *Petrozavodsk* [Petrozavodsk]. St. Petersburg, 2001. 128 p.
12. *Petrozavodsk: 300 let istorii. Dokumenty i materialy* [Petrozavodsk: 300 years of history. Documents and materials]. Vol. 1. 1702–1802. Petrozavodsk, 2001. 416 p.
13. *Petrozavodsk: Khronika trekh stoletiy. 1703–2003* [Petrozavodsk: the Chronicle of three centuries. 1703–2003] / N. A. Korablev, ets. (eds.). Petrozavodsk, 2002. 512 p.
14. Sharymov A. M. *Predystoriya Sankt-Peterburga. 1703 god. Kniga issledovaniy* [The prehistory of St. Petersburg. 1703. The book of studies]. St. Petersburg, 2004. 784 p.

Поступила в редакцию 16.07.2015

Август, № 5 **Исторические науки и археология** **2015**

УДК 94(477.75)«1941/1944»:341.326.4

ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ РОМАНЬКО
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
romanko1976@mail.ru

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ОККУПИРОВАННОМ КРЫМУ (1942–1944): ОРГАНЫ И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируется система нацистской пропаганды на территории оккупированного Крыма в 1942–1944 годах. Отмечается, что данная тема вообще не нашла отражения в историографии Великой Отечественной войны. На основе трофейных немецких документов рассматривается структура Штаба пропаганды «Крым», который выполнял главную роль в нацистской психологической войне на оккупированном полуострове. Анализируется кадровый состав органов пропаганды и соотношение в нем немецкого и местного населения. Показаны основные функции Штаба пропаганды «Крым», сотрудники которого занимались пропагандистским обеспечением сферы образования, а также театра, прессы, кино и радио. В результате проведенного исследования обоснован вывод, что, несмотря на сильный и разветвленный аппарат, основная масса жителей Крыма осталась невосприимчива к нацистской пропаганде.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крым, оккупация, Штаб пропаганды «Крым», психологическая война

Летом 1942 года Крым был окончательно захвачен войсками нацистской Германии, после чего началось создание оккупационной администрации. В течение августа появились гражданские, военные и полицейские структуры, органы, отвечающие за экономическую эксплуатацию полуострова и т. п. Немного позже дошла очередь и до специальных структур, например, таких, как органы пропаганды, главной задачей которых должна была стать психологическая война за умы и настроения крымчан.

История нацистской пропаганды в целом, а также ее структур, персоналий и форм деятельности изучена довольно полно. Однако нельзя не отметить, что в первую очередь это касается собственно территории Германии и захваченных ею европейских стран. Психологическая война на оккупированных территориях СССР исследована значительно меньше или не исследована вообще. Последнее утверждение касается истории органов нацистской пропаганды на Крымском полуострове, которая практически не нашла своего отражения в историографии Великой Отечественной войны.

Институциализация пропагандистских усилий оккупантов на территории Крыма началась 5 сентября 1942 года. В этот день Верховное командование Вермахта (ОКВ) отдало приказ о выделении из батальона пропаганды «Украина» 2-го взвода, на базе которого 15 сентября был создан Штаб пропаганды «Крым» (далее – Штаб) с резиденцией в г. Симферополе[1].

24 сентября 1942 года последовал второй приказ, который устанавливал порядок кадровых назначений по Штабу и определял его структуру. Начальником этого органа был назначен лейтенант Фрай, а руководителями отделов или «деловыми пропагандистами» стали:

- зондерфюрер д-р Манс (отдел активной пропаганды);
- зондерфюрер Рэк (отдел культуры; одновременно он являлся заместителем начальника Штаба);
- зондерфюрер Маурах (отдел прессы);
- зондерфюрер д-р Кюнеманн (отдел кино; одновременно он являлся офицером особых поручений по кадровым и организационным вопросам);
- зондерфюрер Шарнке (отдел радио).

Помимо этих отделов в Штаб входили Технический отряд (начальник-техник – унтер-офицер Герстнер) и редакция «Крымской немецкой газеты» (позднее она стала называться «Борьба»), выходившей на немецком языке и предназначавшейся для распространения среди немецких оккупационных частей (главный редактор – зондерфюрер Трондле)[2].

Для более глубокого проникновения пропаганды во все районы полуострова создавались «внешние пункты». Их количество и сфера ответственности часто менялись. Окончательно территориальная структура Штаба была закреплена только приказом от 27 февраля 1943 года:

- сам Штаб непосредственно обслуживал Симферопольский район и район Зуи; ему подчинялись следующие пункты: Бахчисарай, Карасубазар и Биюк-Онлар;
- подразделение в Евпатории (руководитель – зондерфюрер Мильдер) непосредственно обслуживало Евпаторийский район, Ак-Мечеть и Саки; ему подчинялись следующие пункты: Фрайдорф, Ак-Шейх и Джурджи;
- подразделение в Джанкое (руководитель – вахмистр Зорге) непосредственно обслуживало Джанкой, Армянск, Курман-Кемельчи, Колай, Сеитлер и Ички;

© Романько О. В., 2015

- подразделение в Феодосии (руководитель – зондерфюрер Рамер) непосредственно обслуживало Феодосию, Ислам-Терек, Старый Крым и Судак;
- подразделение в Ялте (руководитель – зондерфюрер Бауман) непосредственно обслуживало Ялту, Ялтинский район и Алушту;
- подразделение в Севастополе (руководитель – вахмистр Кюльмер) непосредственно обслуживало Севастополь и Балаклаву[3].

Главной целью Штаба являлись пропагандистские мероприятия, которые служили для «руководства населением и его просвещения». Инструкции по текущей работе поступали из Отдела пропаганды «Украина», которому Штаб подчинялся по вертикали. Кроме того, вся его деятельность в обязательном порядке согласовывалась с командующим войсками Вермахта в Крыму. В целом, каждый отдел отвечал за свое направление пропаганды:

- под активной пропагандой понималась работа среди местного населения посредством собраний, использования плакатов, листовок, брошюр, специальных витрин, организации читален и использования агитмашин с радио;
- отдел прессы занимался руководством всей местной печатью и изданием газеты на немецком языке для нужд оккупационных войск и немецкой администрации;
- отдел кино занимался охватом и вводом в эксплуатацию всех кинотеатров, а также организацией киносеансов для местного населения и немецких военнослужащих;
- отдел радио занимался обслуживанием и созданием программ для радио и высокочастотных установок;
- отдел культуры занимался руководством и обслуживанием всех театров, оркестров и трупп, а также контролем над их работой по обслуживанию местного населения и немецких войск; контролем над всеми имеющимися книгохранилищами и читальнями; контролем над учебной литературой и руководством местными педагогическими кадрами[4].

По результатам текущей работы Штаб и его «внешние пункты» ежемесячно должны были отчитываться своему вышестоящему руководству. Как правило, в отчетах отражалась следующая информация:

1. О настроениях населения (общее моральное состояние, изменения в нем, их причины, влияние пропагандистских мероприятий, вражеская агитация, ее методы и средства, слухи, акции советских партизан, их деятельность, участие Штаба в борьбе с ними);

2. О собственно пропагандистской работе (проведенные мероприятия, предложения и пожелания);

3. О специальных пропагандистских мероприятиях[5].

Работе Штаба придавалось такое большое значение, что в одном из приказов Отдела пропаганды «Украина» напоминалось: «…Предоставление своевременных отчетов чрезвычайно важно для планирования пропагандистской работы ОКВ. Поэтому ни под каким видом недопустима задержка в предоставлении отчетов»[6].

Персонал Штаба состоял из трех категорий сотрудников. Первая, в основном руководители, представляла собой кадровых работников германского Министерства пропаганды или Отдела пропаганды ОКВ. Во вторую входили сотрудники-немцы, которые либо родились и выросли, либо долгое время жили в России или СССР. Эти сотрудники были связующим звеном между первой категорией и третьей – самой многочисленной, в которую входили местные кадры. Здесь предпочтение, в целом, отдавалось лицам, знакомым с системой советской пропаганды, однако их недостаток ощущался до самого 1944 года и поэтому после специальной проверки на работу брали всех желающих[7].

Органы пропаганды на местах, в том числе и Штаб пропаганды «Крым», повторяли в миниатюре структуру Министерства народного просвещения и пропаганды Третьего рейха. По его примеру были организованы и направления их деятельности, связанные с различными областями пропагандистской работы, правда, со скидкой на то, что эти «министерства в миниатюре» действовали на оккупированной территории.

Рассмотрим, как эта деятельность осуществлялась на практике.

К концу 1942 года в сфере народного образования на оккупированных советских территориях произошли изменения. Анализируя причины недовольства населения оккупационным режимом, один из офицеров немецкой разведки писал, что «высшие школы и прочие учебные заведения продолжали оставаться закрытыми. Хотя с приходом германской армии во многих местах школы возобновили занятия, появлявшееся затем гражданское управление разрешало обучать детей лишь чтению, письму и основным арифметическим правилам» [3; 93].

В Крыму, который почти в течение года являлся зоной боевых действий, дела обстояли еще хуже. Все школьные помещения были отданы воинским частям, инвентарь пошел на топливо, учебные пособия были выброшены. Интеллигенция оказалась без работы. Учителя, врачи, инженеры были вызваны на биржу труда и направлены на уборку улиц. Вопрос образования напрямую был связан с молодежной политикой, которую оккупанты поначалу просто игнорировали. Молодежь была предоставлена самой себе. «Уже сейчас можно заметить, – писал один из свидетелей событий оккупации, – как получили развитие идеи анархизма, особенно среди юношества. Ход мыслей, в основном, таков: государственная власть, как большевики, так и немцы, – приносит народу лишь лишения и гибель… а посему – долой всякую власть… Стал модным скептицизм. Сомневаются во всем… не давая взамен ни одной здравой и ясной мысли»[8].

В связи с этим, чтобы «оторвать молодежь от Востока и приобщить ее к арийскому Западу», оккупанты решили полностью поменять всю политику в сфере народного образования и воспитания.

14 мая 1943 года Штаб пригласил на совещание лучших учителей Симферополя, чтобы подумать, как решать проблемы молодежной политики. Чиновник из Берлина д-р фон Ройтер произнес перед ними речь. Также было продемонстрировано несколько документальных фильмов. По общему мнению, встреча прошла интересно, однако учителя остались разочарованы, так как не смогли извлечь из нее какие-либо практические советы для своей повседневной работы. О воспитании юношества и вовсе ничего сказано не было. Поэтому решили считать это совещание только первым шагом во взаимоотношениях Штаба и крымских учителей[9].

Однако и у оккупационных властей были претензии к учителям. Руководитель симферопольской полиции Штекер писал в своем отчете, что «школьная молодежь старших возрастов, несомненно, выражает еще черты духовной связи с советами, сохраняет свое прежнее мировоззрение и привычки и, по большей части, большевистски настроена». По его мнению, виной этому во многом являлись школа и учитель, так как за полтора года оккупации не произошло ничего, чтобы перевоспитать молодежь. Программа преподавания стала аполитичной: ее марксистское содержание выкинули, но ничем не заменили. Вследствие этого учебный процесс стал полностью формальным. Штекер оценивал такую ситуацию как «легальный саботаж» со стороны учителей и называл такие его причины:

1. Учителя в основном старые люди, лишенные энергии, сломленные советской действительностью; они не стремятся ни к чему, кроме покоя;

2. Ко всем учителям проявляется мало внимания, их труд плохо оплачивается и поэтому они настроены негативно;

3. Значительная часть учителей опасается возможного возвращения советской власти и пытается поэтому как можно меньше скомпрометировать себя;

4. Часть учителей настроена пробольшевистски и более или менее открыто поддерживает враждебные настроения юношества.

Кроме того, много трудностей для оккупантов создавал и отдел культуры Симферопольского городского управления, который, по мнению Штекера, работал очень плохо, даже не подозревая, что происходит в школах, за которые он должен был отвечать[10].

Учитывая указанные недостатки, отдел культуры Штаба решил принять ряд мер, чтобы в следующем учебном году система образования на полуострове отвечала всем требованиям оккупационных властей. С целью вызвать у молодежи чувство благодарности за «освобождение от большевизма», ей все время необходимо было внушать, что вся ее «трагедия… заключалась в том, что она, стремясь служить своему народу, на деле служила еврейско-большевистской идее интернационализма»[11].

В июне 1943 года было принято постановление об обязательном школьном образовании, проект которого внес руководитель школьного отделения Симферопольского городского отдела культуры Шалалиев. В частности, он указывал, что «за последнее время количество учеников упало на треть (от 6 до 4 тыс.), хотя лишь небольшая часть из них, около 150 человек, отправлены в Германию… Наибольшую же часть представляют уклоняющиеся от учебы, из-за страха перед трудовой повинностью»[12].

Одновременно командующий войсками Вермахта в Крыму генерал пехоты Х. Аулеб пригрозил наказанием всем родителям, чьи дети без присмотра бродят по улицам, а не находятся на занятиях [2; 90].

Внес свои предложения и руководитель симферопольской полиции Штекер. Так, в будущем учебном году он предлагал сделать следующее:

1. Составить новую учебную программу, которая могла бы оказать положительное пропагандистское влияние на молодежь;

2. Обязать учителей отказаться от формального подхода к учебному процессу и обязать их ежедневно, при каждом удобном случае, бороться с большевистским мировоззрением и ложными идеями учеников;

3. В течение летних каникул провести политическое и практическое воспитание юношества;

4. Вновь оценить результаты работы директоров школ и учителей по итогам истекшего года, причем действительно надежных и энергичных людей выдвинуть на руководящие посты;

5. Проверить и улучшить руководство отдела культуры и подотдела школ Симферопольского городского управления[13].

Так происходили изменения в сфере образования. В сфере же пропаганды, которая заключалась в руководстве культурой, прессой, кино и радио, дела обстояли следующим образом.

Оккупанты уделяли большое внимание театру. Однако это объяснялось не желанием поднять уровень местной культуры, а другими соображениями. Вот что было сказано в одном из приказов Штаба: «…Артисты оккупированных восточных областей, поставившие себя в распоряжение немецких оккупационных властей, потому необходимы, что обширные пространства, удаленность и зимние затруднения в оккупированных районах еще более ограничивают возможность обслуживания войск нашими спортивно-туристическими организациями. Поэтому Фюрер хочет, чтобы артистам оказывали особое внимание и, прежде всего, обеспечивали их материально»[14].

Следуя этому приказу, руководитель Штаба лейтенант Фрай распорядился, чтобы в Симфе-

ропольском театре каждые четырнадцать дней появлялся новый спектакль. При этом отдел культуры Штаба принял особые меры с целью освободить прежнее помещение театра от расположенных там воинских частей. В результате уже с 25 мая по 5 июня 1943 года в Симферопольском театре прошла премьера тринадцати спектаклей. А с 12 по 18 июня того же года состоялись следующие мероприятия: пять спектаклей для военнослужащих и гражданских лиц, два спектакля для военнослужащих и имеющих пропуска для хождения в запрещенное время и один спектакль для молодежи. Кроме того, в «Солдатском доме» прошел один спектакль, а в городских госпиталях еще три. Наконец, Симферопольский театр дал еще два спектакля в Севастополе и провел два товарищеских вечера с участием артистов[15].

Похожие меры привели к тому, что в других городах Крыма театральная жизнь также несколько оживилась. Например, в Ялте удалось увеличить число спектаклей и поднять доходы местного театра после того, как там сменилось руководство, а «недостаточно ценные лица» среди актеров были заменены лучшими. В порядке обслуживания домов отдыха ялтинский театр до 14 мая 1943 года провел тридцать два выступления. В Алуште также имелись две свои художественные труппы, которые ежедневно делали постановки. Планировалось открыть театр и в Алупке[16]. Интересно, что все это дало оккупантам основание утверждать, что «русская культура не уничтожена, а напротив, немецкие солдаты смотрят русские спектакли и слушают русскую музыку»[17].

В период с 1941 по 1944 год в Крыму выходило несколько периодических изданий. Это газеты «Голос Крыма», «Феодосийский вестник», «Евпаторийские известия» (с августа 1943 года – «Освобождение»), «Сакские известия», «Земледелец Тавриды», «Крымская немецкая газета» (позднее «Борьба»), «Azat Kirim» («Освобожденный Крым») и журнал «Современник»[18].

Наиболее значительной из них была газета «Голос Крыма» – орган Симферопольского городского управления, первый номер которой вышел 12 декабря 1941, а последний – 9 апреля 1944 года. Первоначальный тираж газеты был 3 тыс. экземпляров, затем – 5 тыс., 18 тыс., а к 1943 году он вырос до 80 тыс. Газета вначале выходила два раза в неделю на двух страницах, затем три раза в неделю на четырех. Стоил «Голос Крыма» 1 рубль или 10 оккупационных пфеннигов. В 1943 году к нему стали выходить приложения – «Женский листок» (с 21 мая 1943 года) и «Молодость» (с 18 июля 1943 года). Главными редакторами «Голоса Крыма» последовательно являлись: с 12 декабря 1941 года – В. Попов, с 26 марта 1942 – А. Булдеев, с октября 1943 по апрель 1944 года – К. Быкович [1; 82].

На первой и второй страницах этого издания помещались статьи, порочащие советский строй, советских государственных деятелей и восхваляющие новый порядок. Печатались сводки с театров боевых действий, международные новости, речи Гитлера, Геббельса, Шпеера и др. Приказы, постановления, извещения Симферопольского городского управления и военного коменданта помещались на четвертой странице газеты. Третья страница рассказывала о жизни в селах и городах Крыма после их «освобождения от власти большевиков», о хозяйственной и культурной жизни при новом порядке. Особое место в «Голосе Крыма» уделялось так называемому еврейскому вопросу. С целью разоблачения «мирового заговора» против Германии и ее союзников газета из номера в номер помещала на своих страницах статьи антисемитского содержания. Для подтверждения таких «изысканий» авторы использовали цитаты из произведений Достоевского, Суворина, Розанова, Шмакова и др.[19]

Следует отметить, что «Голос Крыма» не пользовался особым доверием у населения. Очень часто имели место такие высказывания: «Стыдно оттого, что русские люди, в русской газете убеждают нас радоваться нашим (то есть Красной армии) поражениям» или «…название газеты должно быть не “Голос Крыма”, а “Вопли Геббельса и стоны крымского народа”…»[20].

А уже к 1944 году эта газета перестала удовлетворять даже своих хозяев из органов пропаганды. Это происходило главным образом потому, что «Голос Крыма» стал уделять, с точки зрения немцев, необоснованно большое внимание так называемой третьей силе (то есть «людям, ожидающим окончательного завершения войны, которое наступит после полного поражения Германии и СССР и победы Англии»). У немцев также вызывал нарекание тот факт, что газета вовремя не доставлялась из Симферополя в другие города Крыма. Последнее было очень существенным недостатком, так как способствовало распространению среди населения неподконтрольных слухов[21].

В 1943 году оккупанты наладили выпуск иллюстрированных сборников с целью «углубления разъяснительной работы о Германии». Вскоре выпуск таких художественных обозрений вырос до 70 серий по 8 картин в каждой. Главными темами в них были следующие: «Добровольные сподвижники борьбы Германии за новую Европу» (о создании сельскохозяйственных товариществ), «Освободители Симферополя», «С Кубанского предмостного укрепления» и т. п.[22]

Печатавшиеся в Крыму периодические издания находились под полным контролем оккупационных властей. Весь материал, публикуемый в газетах, обычно утверждался сверху.

Штаб поставил под свой контроль все кинотеатры и киноателье полуострова, которые имелись почти во всех крупных населенных пунктах (например, в 1943 году в наличии значилось двадцать шесть стационарных и три передвижных

киноустановки). Хотя в отделе кино были свои кинодемонстраторы – зондерфюреры Зибенхаар и Штендель, и целый штат помощников при них, с согласия командующего войсками Вермахта в Крыму стали использовать и местных специалистов. Как отмечалось в отчете Штаба для ОКВ от 7 июля 1943 года, «из всех немецких художественных фильмов (а их на тот период имелось 78) наибольший успех имели… “Эшнапурский тигр” и “Индийская гробница”». Восторженный прием у гражданского населения встретил фильм «Венская кровь». Далее говорилось, что «местное население наиболее ценит в немецких фильмах отсутствие политики и пропаганды». Помимо художественных демонстрировались также и «культурно-просветительские» фильмы о Германии. В них население интересовало прежде всего описание жизни среднестатистического немецкого человека из разных социальных слоев: рабочих, служащих, крестьян и т. п., а также наличие сведений о том, какой жизненный уровень обеспечивает им их заработок[23].

И, наконец, последним, но не менее важным, средством немецкой пропаганды были радиопередачи. Их трансляция осуществлялась по следующей программе. Утром – военная сводка на русском языке и утренний концерт (с 6:00 до 7:00), потом перерыв с 10:00 до 12:00. С 14:00–14:30 до 16:00 – снова перерыв. В 16:00 военная сводка на русском языке, после чего перерыв до 18:00. Затем передача на немецком языке. Однако те, кто слушали радио, были недовольны, что оно работает слишком мало. Также не всем нравилось содержание передач, которые шли в эфир. Молодежь желала слушать больше интересных рассказов и легкой музыки (танго, фокстрот и т. п.). Классическая музыка ее интересовала гораздо меньше. Подобное мнение выражали и люди среднего возраста, но они также хотели бы слушать военные обзоры и информацию, которая вечерами вообще не передавалась. Интеллигенция же хотела, чтобы отмечались юбилеи русских писателей и ученых и чтобы по радио о них вспоминали чаще[24].

У оккупационных властей также имелись претензии к отделу радио. Уже упоминавшийся руководитель симферопольской полиции Штекер писал в Штаб 10 января 1944 года: «Надо каким-то образом… позаботиться о том, чтобы известия между 15.00 и 16.00 не передавались на ужасно плохом русском. Из-за этого имена искажаются, ударения неверны, чтение не выразительно, без соблюдения знаков препинания»[25].

Для всех радиоузлов на оккупированных территориях издавался специальный сборник материалов передач под названием «Радиовестник». В нем предписывалось, что передавать по радио, а о чем на данный момент умолчать. Материалы в этом сборнике не отличались большим разнообразием. Так, можно выделить несколько основных тем, которые публиковались из номера в номер:

- речи деятелей Третьего рейха;
- разоблачение учения Маркса – Энгельса и «еврейского заговора»;
- рассказы очевидцев о плохой жизни в СССР и разоблачение его внутренней и внешней политики;
- призывы к населению бороться с большевизмом в союзе с Германией[26].

В результате наступления Красной армии в ноябре 1943 года крымская группировка немцев была отрезана от основных сил. Несмотря на это командующему войсками Вермахта в Крыму генерал-полковнику Э. Йенеке было отказано в эвакуации с полуострова. Наоборот, Гитлер издал приказ, согласно которому Крым предполагалось превратить в «неприступную крепость». В связи с этим перед Штабом встал вопрос: как убедить население помочь немцам в обороне этой «крепости».

Первоначально было решено свести всю пропаганду к разъяснению тезиса, который касался практически всех: «Что они думают делать и что их ждет в случае возвращения большевиков»[27]. Поскольку население Крыма не было однородным, то каждой социальной группе предлагался свой ответ на этот вопрос:

- рабочие должны продолжать работать;
- крестьяне по-прежнему «обеспечивать всех продуктами питания» [2; 95];
- бойцы коллаборационистских формирований и дальше в моральном единстве, «плечом к плечу с немецкими солдатами, сражаться, защищая от большевиков свою Родину и Европу»[28].

Отмечая, что молодежь «утратила… интерес к вопросам мировоззрения», немецкие пропагандисты поучали, что особенно в эти дни «борьба с большевизмом не может решаться только силой… оружия. Эта война – война идей, война мировоззрений. И… молодежь должна быть готова… бороться с большевизмом… на фронте… но должна воевать и с самой душой большевизма – с его идеологией»[29].

Ко всему же населению русские сотрудники Штаба обращались с такими словами: «В эти исторические дни решается судьба нашей Родины, ее освобождение и возрождение, а следовательно, и судьба каждого… человека. Эта гигантская борьба требует от нас непоколебимой стойкости, твердости духа… безграничной веры в победный конец и торжество справедливости». Нужно было «твердо верить, что наш могучий защитник и союзник – Германия… доведет эту борьбу до победного конца»[30]. Однако в рядах «борцов с большевизмом» признавалось наличие колеблющихся, которые своим поведением кладут «пятно на общее дело, на общую семью народа». С ними предполагалось расправляться, что должно было послужить предостережением всем сомневающимся[31].

Оккупанты подготовили внушительный перечень мероприятий и набор идей, которые должны

были сплотить крымское население и обеспечить его единство перед угрозой возвращения советской власти. Тем не менее применить все это на практике в новом, 1944 году помешало наступление советских войск.

Подводя итоги, необходимо отметить, что за годы оккупации Крыма нацисты создали на его территории сильный и разветвленный пропагандистский аппарат, который охватил практически все сферы жизни населения. Органы пропаганды обеспечивали контроль над просвещением молодежи и руководили культурной жизнью крымчан. Кроме этой, внутренней, борьбы немецкая пропагандистская машина должна была вести психологическую войну с противниками «нового порядка» – партизанами и подпольщиками. Однако, несмотря на определенные успехи, следует признать, что основная масса населения Крыма оказалась невосприимчивой к нацистской пропаганде. Это, а также целый ряд внешних факторов значительно облегчило освобождение Крымского полуострова Красной армией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
[2] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.
[3] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 7–8.
[4] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
[5] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
[6] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.
[7] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
[8] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 168.
[9] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.
[10] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 13.
[11] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 37.
[12] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.
[13] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.
[14] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
[15] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 17, 19.
[16] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.
[17] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.
[18] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 741. Л. 39.
[19] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 37. Л. 103–104.
[20] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 96об., 121.
[21] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
[22] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.
[23] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 26–27.
[24] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
[25] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
[26] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 128об.
[27] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.
[28] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.
[29] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 106.
[30] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 98об.–99.
[31] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 116.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Сост. В. К. Гарагуля и др. Симферополь: Таврия, 1994. 166 с.
2. Окупаційний режим в Криму 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей / Упорядник В. М. Гуркович. Сімферополь: Таврія, 1996. 119 с.
3. Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. М.: Посев, 1993. 439 с.

Roman'ko O. V., Vladimir I. Vernadskiy Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

NAZI PROPAGANDA IN OCCUPIED CRIMEA (1942–1944): BODIES AND FORMS OF THEIR ACTIVITY

The system of the Nazi propaganda on the territory of occupied Crimea in 1942–1944 is analyzed. It is noted that this phenomenon has found no reflection in the historiography of the Great Patriotic War. The structure of the German propaganda headquarters named "Crimea" is studied based on the trophy German documents. The mentioned headquarters served as the principal body of the Nazi psychological warfare unleased on the territory of the occupied peninsula. The essence of the personnel staff and the ratio between German and local population making up the body of propaganda headquarters is analyzed. The main functions of the propaganda headquarters "Crimea" are revealed. The staff members of the center were involved with the propaganda aimed at such areas of life as education, mass media, cinematography, and radiobroadcasting. As a result of the conducted research a valid conclusion was made. Regardless of the efforts undertaken by the highly qualified personnel of the center and a far reaching net of the headquarters "Crimea" the biggest part of the local population remained immune to the Nazi propaganda.

Key words: Great Patriotic War, Crimea, occupation, Headquarters of propaganda "Crimea", war of nerves

REFERENCES

1. *Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945* [The Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945] / Comp. V. K. Garagulya i dr. Simferopol, Tavriya Publ., 1994. 166 p.
2. Окупаційний режим в Криму 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей / Упорядник В. М. Гуркович. Сімферополь: Таврія, 1996. 119 с.
3. Shtrik-Shtrikfel'dt V. K. *Protiv Stalina i Gitlera* [Against Stalin and Hitler]. Moscow, Posev Publ., 1993. 439 p.

Поступила в редакцию 23.05.2015

Август, № 5 **Исторические науки и археология** **2015**

УДК 947; 304.4

ЛЮБОВЬ АНАТОЛЬЕВНА МАКСИМОВА
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
lmaks@syktsu.ru

МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МИГРАНТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОМИ В 1930–1950-е ГОДЫ

Этнодемографические процессы, имевшие место в 1930–1950-е годы на территории Европейского Северо-Востока в период интенсивного промышленного освоения этой территории лагерным методом, связаны с насильственной миграцией. Цель исследования – выявление моделей взаимодействия в бытовой, производственной, семейно-брачной и других сферах между принимающим социумом и мигрантами. Определяющим маркером отношений выступало противопоставление «свой – чужой». Элементы традиционного уклада в большей мере сохранились у заключенных, содержавшихся в сельскохозяйственных отделениях лагерей, где была большая свобода в проявлении национальных хозяйственных традиций. В исправительно-трудовых лагерях сохранились элементы образа жизни интеллигенции, для которой характерно создание произведений высокой культуры. Еще в большей степени национальному укладу следовали спецпереселенцы, которых депортировали целыми семьями, а иногда селами. Адаптация пришлого населения сопровождалась столкновением культур, которое сменилось бесконфликтным сосуществованием различных укладов жизни и взаимопомощью. Местные жители с интересом знакомятся и перенимают новые формы земледелия, используемые мигрантами (немцами, поляками), внедряют новые для региона сельскохозяйственные культуры. Мигранты используют опыт выживания местных жителей в условиях северной тайги. Происходит взаимопроникновение культурных укладов жизни. Спецпереселенцы овладели коми языком, иногда могли на нем не только разговаривать, но и писать. Коренное население оказывало продовольственную помощь мигрантам, завязывались тесные контакты на бытовой почве. Возникает торговый обмен, примитивный бартер. Особенно тесно общались дети. Пропадало недоверие. Появлялись совместные браки, несмотря на преследование партийными и комсомольскими органами. В ряде случаев местные жители укрывали беглых заключенных. Особенности контактов, обусловленные ситуацией неволи мигрантов, национальными, профессиональными и иными факторами, отразились на историческом развитии региона.

Ключевые слова: миграция, колонизация, этнодемографические процессы, спецпереселенцы, заключенные, исправительно-трудовые лагеря, модели взаимоотношений, традиционная культура, уклад жизни

Превращение Коми в результате насильственной миграции в многонациональную республику способствовало появлению проблемы взаимоотношений между мигрантами и коренным населением. Можно выделить несколько моделей взаимоотношений местного населения, спецпереселенцев и заключенных, которые сформировались в 1930–1950-е годы на территории Республики Коми.

Спецпереселенцы и заключенные, прибывшие в Коми край, оказались в непростом положении: суровый северный климат, тяжелые работы, голод, нехватка жилья, как следствие – высокий уровень заболеваний и смертности. Как тем, так и другим первоначально пришлось столкнуться с враждебным отношением к себе со стороны местного населения.

Официальная пропаганда представляла их как врагов народа, преступников, изменников Родины. Соответствующим было и отношение к ним коренного населения. Столкновение культур, жизненных укладов пришлого и местного населения на первоначальном этапе наблюдалось повсеместно. Это выражалось в обоюдном недоверии, злобных насмешках со стороны коренных жителей, праздном любопытстве в отношении организации жизни пришлых. Порой дело доходило до драк, когда уважение к своему этносу со стороны окружающих (например, спецпереселенцам-немцам) приходилось доказывать кулаками. Явление такого противостояния между местным и пришлым населением дало основание некоторым исследователям сделать вывод о формировании «разделенного общества» на территории коми. Так, Ю. П. Шабаев утверждает о культурном дистанцировании двух социальных групп: местного населения и мигрантов – спецпереселенцев и заключенных [6; 42–43]. Исследователь подчеркивает, что коми, ставшие в результате насильственной миграции меньшинством в республике, чувствовали потенциальную угрозу своему благополучию со стороны заключенных и спецпереселенцев. За контакты с репрессированными, особенно с немцами, на местных жи-

© Максимова Л. А., 2015

телей возлагались административные санкции. К тому же, постоянно недоедавшие спецпереселенцы воровали картофель и другие овощи с огородов аборигенов. Эти факторы способствовали формированию своеобразного социального барьера между жителями ГУЛАГа и местным населением [6; 42].

Представляется, что данный вывод является справедливым только для характеристики первой фазы взаимоотношений между коренными жителями и обитателями лагерей и спецпоселков. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и работу местных жителей в рядах вооруженной охраны лагерей. Но абсолютизировать такое утверждение и распространять его на длительный период существования спецпереселенцев и заключенных в крае (до середины 1950-х годов) представляется необоснованным.

Хотя определяющим маркером отношений выступало противопоставление «свой – чужой», даже на первоначальном этапе взаимоотношений, отличающемся повышенным уровнем конфликтогенности, у местного населения не возникало мигрантофобий и этнофобий.

Неблагоприятные внешние условия, в которых оказались мигранты, не ликвидировали традиционный уклад жизни, особенно у спецпереселенцев, которых депортировали целыми семьями, а иногда селами.

Уклад жизни заключенных диктовался лагерными инструкциями. Мы можем говорить о заключенных лишь как об отдельных носителях определенной этнической либо региональной культуры, которая шире проявилась после освобождения из лагеря. Большинство бывших заключенных по советским законам не имело права менять место жительства (таким образом государство закрепляло кадры на севере). В большей мере о сохранении элементов традиционного уклада жизни мы можем говорить, лишь имея в виду заключенных, содержавшихся в сельскохозяйственных отделениях лагерей, где была большая свобода в проявлении национальных хозяйственных традиций.

Вместе с тем в лагерях содержалась научная, художественная, техническая и другая интеллигенция. Представители ее, несмотря на занятость на тяжелых лагерных работах, занимались творчеством и в условиях неволи. Это был сформировавшийся образ жизни, и элементы его сохранились в лагере, где создавались произведения высокой культуры.

Обитатели лагерей и спецпоселков должны были участвовать в реализации экономических программ государства. В ходе своей производственной деятельности, в быту они неизбежно сталкивались с местным населением. Чтобы выжить и наладить хозяйство в сложных климатических условиях, приходилось подстраиваться под чужой быт, перенимать опыт местного населения. Шел интенсивный процесс адаптации, который был небезболезненным. Что касается местных жителей, то они, видя нужду и бедствие переселенцев, постепенно проникались к ним сочувствием и старались облегчить их участь. Становилось ясно, что под ярлыками «враги народа», «кулачье» скрываются такие же простые люди, в большинстве своем честные и трудолюбивые. Контакты между пришлым и местным населением становятся более регулярными и доброжелательными, а их уклады жизни мирно сосуществуют.

Спецпереселенцы-немцы, отличающиеся консерватизмом и верностью традициям в быту, любовью к порядку и рачительности, вызывали уважение у местного населения. Начиная обустраивать жизнь на спецпереселении, немцы делали это на основе традиционных принципов. Это выражалось в соблюдении немецких национальных праздников, сохранении элементов национального фольклора, употреблении, по возможности, немецкого языка. Воспоминания людей, живших бок о бок с репрессированными немцами, рисуют образы предприимчивых хозяев. Местные жители с интересом знакомятся с новыми формами земледелия, используемыми немцами, с внедрением новых для региона сельскохозяйственных культур, например помидоров. В одном из поселков немцы посадили яблоневый сад, разводили пчел, установили паровую мельницу. Многое из их опыта перенимается местным населением. Происходит взаимопроникновение культурных укладов жизни. Многие из спецпереселенцев овладели коми языком, могли на нем не только разговаривать, но и писать. В свою очередь коми изучали другие языки, например немецкий. Многие коми жители стали называть своих детей именами немцев, которые жили с ними рядом. До сих пор в коми деревнях встречаются Фридрихи, Вальтеры, Марты, Августы, Эрнесты и т. д. Взаимопроникновение культур ярко прослеживается в системе питания: наряду с национальными на столе спецпоселенцев и русские, и коми блюда. Особенно в тех семьях, где заведовавшей хозяйством была жена из местной среды [1; 41].

Схожие процессы происходили с переселенными поляками. Массовые высылки поляков в Коми имели место в феврале, апреле и июне 1940 года и июне 1941-го [5; 73, 74]. Переселение поляков было третьей крупной волной спецпереселения в Коми (первые две в 1930 и 1931–1932 годах). Казалось бы, власти могли приобрести опыт и с наименьшими потерями обустроить спецпереселенцев польской национальности на территории республики. Но, видимо, суровая предвоенная ситуация, а потом и начавшаяся война обусловили транспортные, социально-бытовые, производственные трудности польского спецпереселения в Коми. Между тем население,

уже имевшее представление о высланных, редко демонстрировало свою настороженность к спецпереселенцам 1940-х годов. Авторы многих мемуаров свидетельствуют о помощи со стороны местных жителей. Н. П. Лаэтина вспоминает о своем отце, работавшем мастером леса у поляков, занятых на лесозаготовках около п. Занулье: «Весной 1940 года семья поляков по фамилии Глумка, жившая недалеко от нас, совсем изголодалась. Ко мне ходила играть маленькая девочка Стася, мама подкармливала ее. В семье у них было 7 или 8 детей. Старший сын тоже работал в лесу. Отец Чарков П. А. ведал и продовольствием для лесозаготовителей. Видя, что они на грани голодной смерти – он выдал им в мае продовольственный паек за июнь. Но кто-то донес на него. К отцу тут же приехала ревизия, обнаружила у него нарушения, и его осудили на заключение, которое он отбывал в ИТК в Чове. Поляки очень переживали из-за этого, а потом, когда уезжали в Польшу – подарили маме какие-то свои вещи, которые не могли увезти, в знак благодарности за доброе дело, которое сделал для них отец»[1].

По возможности коренное население подкармливало голодных поселенцев, разрешало пользоваться баней. Завязывались тесные контакты на бытовой почве. Особенно часто и тесно общались дети. Пропадало недоверие. Молодежь сходилась на совместные гулянки, где парни-поляки демонстрировали свое умение игры на гармошке и других музыкальных инструментах. Встречались и совместные браки. Девушки – и немки, и польки, как правило, выходили замуж за мужчин своей национальности, но случалось, что молодые люди брали в жены местных жительниц. Среди немцев это стало частым явлением в 1950-е годы, несмотря на то что такие браки преследовались комсомольскими и партийными организациями.

Таким образом, выявленные в ходе исследования взаимоотношения между заключенными и местным населением можно разделить на несколько видов: культурные (театральная деятельность, медицина, народное образование, научная деятельность), трудовые (производственные, а также сотрудничество театральных работников, медицинских работников, научных работников) и бытовые, включая те, которые заключаются в помощи местного населения.

Среди бытовых контактов следует выделить торговый обмен между заключенными и вольными людьми из местного населения. Этот обмен происходил обычно на «пятачке» у зоны[2], в то время когда заключенные работали без конвоира или совершали прогулки. Следует отметить, что посредством такого обмена элементы «городской культуры» проникали в сельскую среду. Конечно, в целом этот обмен не играл большой роли в ознакомлении с культурами других народов.

Между тем существовал и другой вид обмена. Интересно, что заключенные делали для местных на заказ мебель, домашнюю деревянную утварь, хотя такая информация официально не отражалась в документах. В обмен жители передавали заключенным продукты домашнего хозяйства: молоко, простоквашу, картофель, лук, пироги, хлеб и пр. Самое парадоксальное, что такая торговля велась через охранников, шоферов, привозивших продукты для «зоновской» кухни. Велась она нелегально, и занимались этим в основном охранники – бывшие заключенные[3].

В ряде случаев местные жители укрывали беглых заключенных. При этом можно проследить динамику в зависимости от времени, когда это происходило. В начале 1930-х годов жители боялись беглецов, которые, по слухам, совершали нападения и ограбления. Напуганные слухами об их коварстве, «деревенские жители с опаской углублялись в лес, боялись оставлять на пожнях косы, котелки, чайники и другие вещи, с вечера закрывали дома на прочные засовы»[4]. Более того, «активисты сельского совета, вооруженные охотничьими ружьями, устраивали ночные засады, а иногда ловили измученных скитаниями и голодом истощенных беглецов, получая за это вознаграждение»[5]. Власти, чтобы поощрить население охотиться на беглецов, распространяли слухи о якобы совершаемых ими грабежах и убийствах, а бывало, и инсценировали их. «Ловля беглых сделалась для колхозников видом отхожего промысла – премии за “голову” были установлены выше, чем за волков»[6]. Следует подчеркнуть, что при этом деформировались традиционная мораль и мировосприятие коми народа, ведь до этого «не убивать в тайге “живое” без надобности» было непреложным жизненным правилом для северных жителей [4; 316].

В то же время в 1938–1939 годах официальная документация сообщает об укрывательстве заключенных местными жителями: «…антисоветский элемент, а иногда по несознательности и отдельные колхозники способствуют бегству заключенных из лагерей:

а) указывают пути, удобные для бегства;

б) закупают краденые вещи и тем самым предоставляют материальную возможность к бегству;

в) дают приют на ночлег»[7].

Однако здесь трудно сказать, какого рода причины побуждали местное население оказывать такого рода помощь. Возможно, между ними существовали какие-нибудь родственные связи, возможно, местные жители помогали заключенным из корысти либо жалости и сочувствия к их судьбе. Остается только догадываться о мотивах помощи, так как упоминания о таких случаях как в документах, так и в воспоминаниях единичны. Тем не менее налицо помощь заключенным со стороны местного населения, хотя и следует отметить, что такой вид взаимоотношений является довольно специфичным в условиях лагерной действительности.

Мерой для борьбы с этим явлением была избрана разъяснительная работа среди местных жителей, так как «применение репрессий к трудящимся колхозникам в существовавших условиях было нецелесообразно». Информация за последующие годы отсутствует, отчасти из-за того, что многие документы до сих пор нам недоступны, а отчасти из-за того, что такая информация не всегда отражалась в документах и воспоминаниях, однако ее можно получить из косвенных данных. Так, «в 1941 году из лагерей, расположенных на территории Коми АССР, бежало 2500 заключенных, из которых 465 не были задержаны. По далеко не полным данным, только за два месяца 1942 года бежало и не разыскано 103 человека»[8]. Учитывая, что в суровых условиях тайги мог выжить далеко не каждый неместный человек, а тем более заключенный, можно предположить, что часть этих беглецов могла заблудиться в тайге и погибнуть, а части с помощью местных жителей удалось бежать.

В то же время существовали контакты между заключенными из местного населения и заключенными других регионов страны. Заключенные из местных жителей, родившиеся в суровых условиях севера, обладали необходимыми знаниями и опытом, который мог помочь бороться с трудностями, возникавшими в природных условиях края, а также справляться с непривычной для большинства заключенных работой. Так, Л. М. Городин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как «местный абориген-коми» обучал их, неместных заключенных, «сплаву леса, сплотке»[9]. Л. С. Сафронов, рассказывая об этапировании в Ухтпечлаг, не упускает случая поблагодарить «зеков из местного населения, которые знали, как надо делать из веток более надежные шалаши… и это нас спасало»[10]. Другой коми заключенный «знал все законы лесной жизни, в устройстве шалаша, быта… мы ему подчинялись, хотя он был младшим по возрасту»[11]. Таким образом, можно сказать, что данная помощь была довольно существенной и способствовала элементарному выживанию в условиях северной тайги.

Следует отметить, что модели взаимодействия между принимающим социумом и пришлым населением и сферы соприкосновения основывались на инициативе как коренного, так и пришлого населения. В. И. Коротаев отмечает факт отсутствия специально разработанных программ адаптации мигрантов к экстремальным для них условиям проживания на севере. Кроме того, – замечает исследователь, – не было разработано программы и для эффективного диалога между мигрантами и коренным этносом [2; 113].

Таким образом, всеобщая колонизация, проведенная за счет массовой принудительной миграции репрессированного населения, обусловила основные особенности во взаимоотношениях между коренным и пришлым населением как в теоретической, так и в практической плоскости. Население края продемонстрировало довольно высокий потенциал толерантности по отношению к иноэтничным мигрантам [3; 250]. Ранее было принято считать, что этнические различия в процессе модернизации стираются. Сегодня мы наблюдаем обратные процессы – возрастающий этнический плюрализм. Это очевидное явление в современной жизни многонациональной Республики Коми.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лаэтина Н. П. Воспоминания 2001 года. (Из архива автора.)
[2] Петкевич Т. В. Жизнь – сапожок непарный. Воспоминания. СПб.: Астра-люкс: Атоксо, 1993. С. 260.
[3] Лещенко-Сухомлина Т. И. Долгое будущее. Дневник-воспоминания. М.: Сов. писатель, 1991. С. 247.
[4] Самсонов В. А. Жизнь продолжится: Записки лагерного лекпома. Петрозаводск: Карелия,1990. С. 175.
[5] Там же.
[6] Волков В. Погружение во тьму. Воспоминания. М.: Вагриус, 2000. С. 252.
[7] Национальный архив Республики Коми. Архивохранилище 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 458. Л. 32.
[8] Полещиков В. М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1995. С. 98.
[9] Городин Л. М. Рассказы, воспоминания (1962–1977 гг.) // Национальный архив Республики Коми. Архивохранилище 2. Ф. 3800. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.
[10] Сафронов Л. С. Дорога во мраке без надежды на просвет // Национальный архив Республики Коми. Архивохранилище 2. Ф. 3800. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.
[11] Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жеребцова И. И. Репрессированная культура: феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. XX в.): Сборник. Сыктывкар, 2003. С. 36–42.
2. Коротаев В. И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: ПГУ, 2004. 133 с.
3. Максимова Л. А. Влияние насильственной миграции 1930–1950-х годов на местное население Республики Коми // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы международной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.): Сб. ст. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2000. С. 316–319.
4. Максимова Л. А. Этнокультурные процессы в контексте экономической модернизации на Европейском Северо-Востоке в 1930–2000 годы // Российская история. 2009. № 3. С. 247–251.

5. Рогачев М. Б. Эшелоны идут на север // Покаяние. Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 5. Сыктывкар: Коми респ. благотв. общ. фонд жертв политических репрессий «Покаяние», 2002. С. 73–94.
6. Шабаев Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского общества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 39–54.

Maksimova L. A., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

RELATIONSHIP MODELS OF MIGRANTS AND INDIGENOUS POPULATION IN KOMI REPUBLIC IN 1930s–1950s

It was forced migration that determined the essence of ethno-demographic processes, which took place in the European North-East in the period of intensive industrial development in the 1930s–1950s. The purpose of the study is to reveal the patterns of everyday, industrial, family, and other types of interactions between the local population and migrants. The contraposition "us-them" was a defining marker of these relations. The elements of traditional life style were largely preserved by the prisoners who did their time in agricultural camp divisions with a greater extent of freedom allowing development of ethical economic traditions. Besides, labor camps gave more freedom to intellectuals, and they created valuable pieces of high art. Special settlers, deported families and even villages, to a much greater degree adhered to their ancestral forms of life. At first, adaptation of settlers was associated with cultural clashes, though later it was followed by mutual aid and peaceful coexistence of different lifestyles. Local citizens adopted new forms of agriculture, used by migrants (Germans, Poles), and established new cultivars in the region. Migrants, in their turn, used the locals' experience of surviving in the climate of northern boreal forests. Special settlers became familiar with the Komi language; sometimes they used it not only in the oral, but also in the written speech. Indigenous citizens provided settlers with food, thus it lead to the development of close everyday contacts and barter. Children were the ones who had especially strong ties among each other. Mistrust disappeared. Despite political repression, native people and migrants contracted marriages. Sometimes local citizens concealed fugitives. Peculiarities of the contacts, conditioned by migrants' captivity, national, professional, and other factors significantly impacted the historical evolution of the region.

Key words: migration, colonization, ethnic and demographic processes, special immigrants, prisoners, prison camps, relationship model, traditional culture and lifestyle pattern

REFERENCES

1. Zherebtsova I. I. Repressed Culture: Phenomenon of Russian Germans [Repressirovannaya kul'tura: fenomen rossiyskikh nemtsev]. *Stranitsy istorii politicheskikh repressiy v Komi ASSR (30–50-e gg. XX v.): Sbornik* [Pages of Political Repressions History in Komi ASSR (30–50s of XX century): Collection of papers]. Syktyvkar, 2003. P. 36–42.
2. Korotaev V. I. *Na poroge demodraficheskoy katastrofy: prinuditel'naya kolonizatsiya i demograficheskiy krizis v Severnom krae v 30-e gody XX veka* [On the threshold of a demographic catastrophe: forced colonization and demographic crisis in the Northern region in the 30s of XX century]. Arkhangelsk, Pomorski State University Publ., 2004. P. 133.
3. Maksimova L. A. The Impact of Forced Migration of 1930–1950s to the Local Population of Komi Republic [Vliyanie nasil'stvennoy migratsii 1930–1950 godov na mestnoe naselenie Respubliki Komi]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Korennye etnosy Severa Evropeyskoy chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: istoria, sovremennost', perspektivy"* [Materials of International Scientific Conference "Indigenous Ethnic Groups of the North of the European Part of Russia are on the Threshold of the New Millennium: History, Present and Prospects"]. Syktyvkar, Publishing Office of the Komi Scientific Center of the Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 316–319.
4. Maksimova L. A. Ethnocultural Processes in the Context of Economic Modernization in the European Northeast in 1930–2000 [Etnokul'turnye protsessy v kontekste economicheskoy modernizatsii na Evropeyskom Severo-Vostoke v 1930–2000 gody]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2009. № 3. P . 247–251.
5. Rogachev M. B. Echelons go North [Eshelony idut na sever]. *Pokayanie. Komi Respublikanskiy martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressiy. Tom 5* [Repentance. Komi Republican Martyrology of Victims of Mass Political Repressions, book 5]. Syktyvkar, Komi Republican Charitable Public Fund of Victims of Mass Political Repressions "Repentance", 2002. P. 73–94.
6. Shabaev Yu. P. Komi Republic: the changing faces of the migrant society [Respublika Komi: menyayushchiesya liki migrantskogo obshchestva]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007. № 5. P. 39–54.

Поступила в редакцию 12.02.2015

Август, № 5 **Исторические науки и археология** **2015**

УДК 392.8

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЧУДОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
ChudovX@mail.ru

ЛОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ПИТАНИЯ ВАШКИНСКИХ КОМИ

Статья представляет собой первый опыт этнографического описания народной пищи вашкинских коми, отражающей особенности субэтнического и конфессионального характера. Пищевые стереотипы, предопределенные традиционной системой хозяйства, свидетельствуют о сложении оптимальной модели с равномерным включением продуктов земледелия, животноводства, охоты, рыболовства и частично собирательства. Основу питания составляли и составляют зерновые культуры. Мясо-молочные блюда не отличались богатством ассортимента, а рыба занимала значительный сегмент в меню питания. Один из способов сохранения рыбной продукции – ферментация – связан с желанием обогатить рацион питания витамином С, что крайне необходимо в условиях севера. Особенностью потребления мясных и рыбных блюд была практика макания в общую тарелку хлеба, одновременно прихватывали кусочек мяса или рыбы. Овощную продукцию составляли только капуста, редька и репа. Из дикоросов хорошо были представлены ягоды, которые позволяли вносить разнообразие в ежедневное меню. Старообрядческая культура нашла отражение в этикетных практиках: строго соблюдались христианские посты, еженедельно среда и пятница рассматривались как постные дни. Пищевой запрет распространялся только на конину, а зайчатина, картофель и чай были включены в рацион питания, длительное время сохранялись ограничения на употребление спиртных напитков. Практика использования отдельной посуды старообрядцами выступала атрибутом повседневного быта вашкинских коми.

Ключевые слова: вашкинские коми, продуктовое сырье, традиционные блюда, пищевые предпочтения и запреты

Выбор Вашкинского этнографического микрорайона не случаен, так как он был и остается старообрядческим центром, где среди коми населения распространено учение сторонников древлего благочестия. Это явление уникальное, так как на протяжении длительного времени коми сохраняли слово и дух древнерусской книжности и веры, при этом не забыли свои культуру и язык. Ранее населенные пункты этого этнографического куста составляли Важгортскую волость Яренского уезда Вологодской губернии. В современном административно-территориальном делении эта территория включена в состав Удорского района Республики Коми, составляя ее северо-западную часть.

Актуальность темы связана прежде всего с пристальным вниманием к традиционной культуре, и культуре питания в том числе. Знание локальной пищевой модели крайне необходимо для сохранения здоровья человека, так как массовое потребление несовместимых с местной диетальной традицией продуктов нарушает законы гигиены питания, в том числе и закон ферментативной адекватности, что приводит к ослаблению иммунитета человека [6].

Цель работы – охарактеризовать продуктовый набор и традиционные практики приготовления и потребления пищи.

Хронологические рамки исследования – первая половина XX века как время устойчивого сохранения традиционной системы питания.

Источниковой базой исследования выступают полевые материалы, собранные в 2009 году по специально разработанному автором опроснику. Они (материалы) входят в состав фонда по традиционной системе питания коми (зырян) научного архива музея археологии и этнографии Сыктывкарского госуниверситета (далее – НА МАЭ СыктГУ).

Отдельные аспекты локальной традиции питания этнографической группы удорских коми, в состав которой входят и вашкинские коми, рассматривались Л. Н. Жеребцовым [4]. Итоги полевой этнографической практики студентов Сыктывкарского университета в этом микрорайоне отражены в тезисах докладов [5], [9]. Систему пищевых запретов старообрядческих групп коми, в том числе и вашкинских, изучала В. В. Власова [2]. Обращение к отдельным сюжетам о народной пище не позволяет представить целостную картину о системе питания вашкинских коми, включающую особенности субэтнического и конфессионального характера.

В продуктовом наборе выявляются три пласта, выделяемые по времени включения их в рацион питания. Зерно, мясо, в том числе дичь, рыба, получаемые в результате основных хозяйственных занятий, составляют основной пласт.

© Чудова Т. И., 2015

Дикоросы представляют субстратный пласт, отражающий рудименты ранее существовавшего направления хозяйства. Третий пласт – продуктовый набор, приобретаемый через торговую сеть. С традиционной системой хозяйства тесно связаны пищевые стереотипы, которые свидетельствуют о сложении оптимальной модели с равномерным включением продуктов земледелия, животноводства, охоты, рыболовства и частично собирательства [7; 82]. Способы сохранения продуктов питания диктовались условиями проживания, где заморозка играла особую роль, а ферментация (квашение) позволяла дополнительно расширить возможности включения витаминов и микроэлементов в рацион питания. Способы обработки продуктового сырья (механический, термический и ферментационный) вносили разнообразие в ежедневное меню. Наличие русской духовой печи предопределило технологические приемы приготовления пищи, представленные варкой, тушением/пряжением и выпеканием, жарка как технологический прием практически не была представлена.

Из зерновых культур выпекались хлебобулочные изделия, готовились мучные кашицы и крупяные похлебки, варились домашнее пиво и квас. Хлеб выпекался из ржаной (рудзöг) и ячневой (ид) муки, тесто сбраживалось на основе закваски (рокöс): «но вöдзö ва пуктан квашняас, солалан, вöдзö колö сэтчö мед вöлі важ няньсьыд кольыштöма этшандзи. Инö дрожжи местаас» (вначале воду нальешь в квашню, посолишь, в квашне оставались остатки прежнего теста, немного. Это вместо дрожжей)[1]. Хлеб круглой формы из ячменной муки назывался «житей». В северных говорах русских слово «житник» означает ячневый печеный хлебец [3: 492], что не выглядит случайностью, так как коми и русские проживали и проживают на сопредельной территории. Иногда хлеб выпекали на больших капустных листьях, придающих ему особый привкус, называли его «лис выв нянь». Разное тесто и различные начинки дают богатый ассортимент выпечки, которую выпекали на поду печи: «под вылын пöжалам, под вылас бурджык пöжалас» (на поду выпекали, она там лучше получалась)[2], «сэтöн быттьö чöскыджык, под вылас» (там, будто вкуснее, на поду)[3].

Шаньги выпекали на тонком сочне: «вöсни ку карам, зэв вöсни» (тонкую корку делаем, очень тонкую)[4], «настоящей шаньгаис сійö сканцы вылын, вöсньöдöм ку вылас» (настоящие шаньги на сканцах, на тонкой корке)[5]. Тесто для сочня готовили недрожжевое, как правило, из ржаной муки, для вкуса в него добавляли простоквашу или молоко. Шаньги имели круглую (гöгрöс шаньга) и квадратную (нель пельöса шаньга) форму. Их выпекали с разной начинкой: из муки крупного помола, замешанной на простокваше, называли «гырысь пызьна шаньга» (букв. крупной муки шаньга), из картофельного пюре – «картупеля макыш/маккей», из соложеного теста – «юмъя мыкыш/маккей». Если шаньги выпекали на сковороде, то их называли «сковöрöдник».

В ассортимент выпечки входили рыбники «курники», точно так же их называли карелы, русские Карелии и вепсы Прионежья [1]. Для рыбника готовили тесто из ячменной или ржаной муки, а рыба была свежей или соленой, последнюю предварительно вымачивали в воде. Предпочтение отдавалось семге, хариусу, щуке, сейчас используют и миногу. При этом чешую, внутренности и жабры убирали. Некоторые хозяйки оставляли плавники, полагая, что они придают особый привкус рыбнику. В качестве начинки рыбников использовались также молока и икра – «нека/пöка курник». Рыбники были открытыми: «вöсьса миян карасны»[6], чтобы рыба хорошо пропеклась. Курники готовили также из грибов: «важöн чериыд кö абу, то позьö и тшакысь, «тшака нянь» шусьö» (раньше, если нет рыбы, то можно и грибы, называли «грибной хлеб»)[7]. Основой пирога был сочень или тонкая корка из раскатанного ржаного недрожжевого теста ладьевидной формы. Любимая начинка пирогов – дрожжевое тесто из ячневой муки, которое выкладывали на корку, края сочня загибали и защипывали. Позднее стали готовить начинку из капусты, ягод, картофельного пюре.

Колобки «кöдэй» представляют собой сдобную выпечку круглой формы. Тесто для них замешивали на вытопках масла, поэтому они получались рассыпчатыми. Блины и оладьи готовили только на праздники, в тесто для блинов добавляли свежее молоко, а для оладий – простоквашу.

В военные и послевоенные годы, когда был недостаток муки, из смеси крахмала и муки на сковородках выпекали «граша кöдэй»: «мыйкö, сійö грашасö вöтти Важгортысь вайöдасны мыйкöсö, грашсö, кодöс картöпельсö мыйкöкарасны, пöжавлісны тай, няняд пöжалан на да сія лöсьыд» (в Важгорте был крахмальный завод, оттуда и брали крахмал, чтобы делать граша шаньги, которые получались очень вкусными)[8]. Во время войны пекли также хлеб из клевера: «турун вöлі, мыча турун, мыча йылыс. Сійö излывлім, идзассö изöдлывлім, да идзассьыс сковрöдйестö мыйкöкарим, дай туруныс сковрöдйестö пöжавлім. Но сійö оз шед, да сковрöдсьыс куркöдöмöн и сёйим» (клевер был. Его мололи, с ячменем мололи, да на сковородке выпекали. Но его трудно снять со сковороды, поэтому ели прямо со сковородки)[9].

Готовили похлебки из крупы «крупаа шыд», «туся шыд», мучные кашицы «нуръя шыд», «кыз рок» (букв. толстая каша), «теська рок» (каша из толокна), последнюю ели с квасом. При подаче на стол в скоромные дни туда добавляли масло. Готовили мучные кашицы с добавками, так называемые опары, когда ржаную муку разводили водой до состояния жидкой кашицы, добавляли мелко нарезанный борщевик сибирский или бруснику и ставили в печь томиться. В результате получа-

лась довольно густая кашица, которую называли «азьгум/пувъя öпар». Из сушеной черемухи варили сладкую кашу «льöмъя сюва».

Из зерен ржи готовили напитки: сусло (сюва), пиво (сур) и квас. В общих чертах процесс приготовления домашнего пива состоял из трех стадий: приготовление солода и сусла, получение готового продукта. Для солода (тшуж) зерна ржи вначале вымачивали, а затем проращивали, что сказывалось на содержании ферментов и их растворимости в воде. Хороший солод должен быть легким и иметь сладковатый запах. Приготовление сусла (сюва) имело четыре этапа: помол солода, его затирание в воде, варка сусла и его фильтрация. Варка сусла имела две цели. С одной стороны, при варке сусло сгущалось, что придавало большую крепость, с другой, кипячением удалялось значительное количество азотистых веществ, ухудшающих качество продукта. При фильтрации использовали солому, которая дополнительно снабжала сусло бродильными ферментами. Процесс получения готового пива проходил два этапа: брожение сусла (в традиционном пивоварении использовалось верховое брожение) и доводка пива до готовности. Когда процесс главного брожения успокаивался, тогда кадки с пивом плотно закрывали и ставили в прохладное место, чтобы сообщить пиву игру через накопление углекислого газа. Пиво без углекислого газа не имеет игры и быстро портится. Молодое пиво доходило в бочонках, спускаемых в погреб. Пиво использовалось как ритуальный напиток, а сусло – в повседневной практике.

Квас готовили из смеси ржаного солода и муки, очень часто использовали сусло, оставшееся от производства домашнего пива. Квас бывает сладкий или кислый, он хорошо утоляет жажду, его используют для приготовления холодных похлебок.

Проживание по берегам полноводных рек предопределило включение в рацион питания рыбы, которая номинировалась не только по сортам, но и по размерам. В ассортиментный перечень входили: семга (лёль или сьöмга), хариус (сёкат, ком), щука (сир, жунь), окунь (ёкыш, кетш), елец (мык), карась (гыч), плотва (кельчи), лещ (ёді), пескарь (дарга), гольян (моли), ерш (йöрш), налим, трехиглая колюшка (кока чери), камбала (пöвтан), минога (юн). Рыба подразделялась на две группы: хорошая (бур чери) и бросовая (лек чери). К первой относили семгу, хариуса: «медся бур сьöмга да хариус», щуку, ко второй – трехиглую колюшку, плотву, сорогу, гольяна и другую мелкую костистую рыбу: «бросöвöйыс кельчи, да сорога, да кока»[10]. Миногу долгое время не включали в рацион питания, ошибочно принимая ее за змею: «вöтти сійö из лисьтыны сейны, думайтісны змей» (раньше ее не смели кушать, думали, что это змея)[11]. Сейчас минога рассматривается как деликатес. Налим не все включали в рацион питания, считая его плохой рыбой: «налисö быдöн оз сёй да ми бурöн ог лыддьö сійö»[12].

Основными способами приготовления рыбы были варка, пряжение, соление, реже сушение. Пряжение/тушение рыбы осуществляли в русской печи в глиняных латках ладьевидной формы, при этом добавляли немного воды и соли, другие ингредиенты не клали, так как полагали, что они ухудшают органолептические показатели рыбы. Миногу сейчас готовят с добавлением картофеля, объясняя такую практику ее чрезмерной жирностью. Пряжили практически любую рыбу, так как такой способ приготовления делал рыбу нежной на вкус. Трехиглую колюшку только пряжили, при этом обламывали ее иглы, а ели ее, макая хлеб в чашу, одновременно прихватывая рыбку. Из рыбы свежей или соленой, предварительно вымочив в воде, готовили уху «юква», которую варили в чугунках в печи в домашних условиях или в котелках в полевых условиях. Предпочтение отдавали ершу, плотве, окуню, щуке. Значительно реже заваривали уху из сушеной рыбы: «косьтöм чериысь ука карлылам»[13]. Заварную уху дополнительно ставили в печь для того, чтобы рыба стала мягкой и нежной на вкус. При варке ухи добавляли немного крупы или муки, позднее стали добавлять и картошку, хотя встречается информация, что в уху ничего не добавляли.

При засолке у рыбы удаляли внутренности и жабры, а чешую оставляли. Рыбу укладывали пластами в бочки, туеса или другую деревянную посуду и солили послойно, чтобы засол был равномерным. Сверху клали груз, чтобы рыба лучше просолилась, и закрывали сосуд крышкой. Соленую рыбу хранили на ледниках. Мелкую рыбу гольян (моли) засаливали таким же образом, ели ее, макая (мачитöм) хлеб в рассол, одновременно прихватывая рыбешку. Таким же образом ели рыбу специального посола со специфическим запахом «дука чери». Ферментация рыбы как способ засола способствовала увеличению содержания витамина С в этом продукте в несколько раз, что, без сомнения, имело огромное значение для поддержания витаминно-минерального баланса в организме человека в условиях Крайнего Севера. Ферментация рыбы характерна для многих северных народов. Такую рыбу в Карелии называют «весенняя рыба» [8]. Сушение мелкой рыбы (окунь, ерш) производили в русской печи.

Из телятины «кукань яй», баранины «баля яй», говядины «мöс яй», оленины «кор яй» готовили супы, конину не ели. Мясо с картошкой пряжили в печи, раньше это блюдо называли «жаркое», а сейчас «гуляш»: «гуляш сійö öті шуам, а вöтти миян жарко шусис»[14]. Субпродукты тушили с крупой или картофелем. Мясо ранней весной сушили, предварительно посолив. Из дичи готовили супы или тушили ее. Когда дичи было много, ее замораживали, реже сушили.

Из молочных продуктов широко представлены творог (рись), сметана (нӧк), масло (вый), простокваша (кӧнӧсӧ йӧв), из молозива готовили яичницу (чӧжйӧв), а из сыворотки – прохладительный напиток «шома ва». Зимой молоко замораживали. Молочный суп готовили редко. Пили чай с молоком: «любитісны ёна йӧла чай»[15].

Овощная составляющая рациона питания не представительна. Капусту солили, предварительно отварив ее, свежую не солили: «ульӧн эз солавлыны»[16]. Подавали ее в начале трапезы, иногда с квасом – «кваса капуста». Репу ели в сыром виде, запекали в печи, сушили. Из вареной репы готовили квас. Натертую редьку подавали с молоком, а свежую ели с супом: «редка сійӧ вӧдзӧ сеям шыдкӧд»[17].

Из грибов солили рыжики, маслята, грузди, а белые и маслята сушили. Грибной суп «тшаква» готовили только из сушеных грибов: «кос тшак пуктан, ми ог вӧчӧ свежейсьыд»[18], добавляли картофель или крупу. Хотя часто встречается информация, что грибы редко включали в рацион питания: «важӧн сёйисны этша тшак»[19].

Свежие ягоды (голубика «чӧтлач», черника «чӧд», земляника «оз», малина «ӧмидз», брусника «пув», морошка «мырпом») подавали с молоком, сметаной, суслом. На длительное хранение клюкву «турипув» замораживали, морошку и бруснику заливали холодной кипяченой водой. Для детей готовили кашицы с брусникой, когда ягоды смешивали с толокном, реже ржаной мукой, подавали без термической обработки. Из жимолости готовили прохладительный напиток. Готовили ягодные кисели, они были густыми, ели их ложкой. С березы снимали чагу (пакула), которую заваривали и пили как чай, обладающий тонизирующими свойствами. Особенно часто такая практика фиксировалась у охотников и рыболовов, то есть в полевых условиях. Борщевик сибирский засаливали: «азьсӧ сійӧ ёна сёйим, крӧшитам да рӧсолӧн карам»[20], его в свежем виде добавляли при варке каш.

Ежедневное меню скоромных дней выглядело так: «первой шыд и яй, нянь, вӧдзӧ и чери, каран кӧ и картупеля яйтӧ, вӧдзӧ и йӧвъястӧ» (в начале суп и мясо, затем рыба, если приготовишь, то и картофель с мясом, потом молочные <продукты>)[21], что свидетельствует о хорошем уровне питания.

Существовали общие правила застольного этикета: «сернитны из ледзны, лӧжкаӧн тотшкисны юрад» (разговаривать не разрешали, ложкой в лоб ударяли)[22]; «первӧй васӧ, бӧрнас и яйсӧ» (вначале бульон <ели>, затем мясо)[23]. Особенностью потребления мяса и рыбы была практика макания хлеба в общую тарелку, одновременно прихватывали кусочек мяса и рыбы: «черисӧ прӧста сёям, мачитчылам» (рыбу просто ели, макая)[24].

В целом в старообрядческих культурах сложился устойчивый набор пищевых запретов: конина, зайчатина, давленая дичь, картофель, чай, кофе и сахар. Негативное отношение к конине в культуре питания вашкинских коми достаточно устойчиво: «вӧв яй из сёйны» (конину не ели)[11], а вот запрет на зайчатину не фиксируется: «зэв уна кӧч сёйлісны» (очень много зайцев ели)[12]. Перед варкой зайчатину (коч), как и лосятину «лӧсь», замачивали в воде, так как они имеют много крови: «вирӧсь сія»[27]. Вашкинские коми активно включали в меню картофель [2], который в современной практике вытеснил из рациона питания зерновую составляющую. Запрет на чай и сахар не зафиксирован, к чаю подавали сушеную мелкую рыбу и соленые внутренности крупной рыбы «чоля». Длительное время сохранялось ограничение на потребление спиртных напитков.

Вашкинские коми как представители старообрядческой веры долго сохраняли практику строгого соблюдения христианских постов, когда в рацион питания не включались мясо-молочные и рыбные блюда, среда и пятница рассматривались как постные дни: «сэред, пяннич – пӧстнэй лун»[28]. Правила поведения за столом предписывали чтение молитвы до и после принятия пищи. Благодарили за угощение фразой: «спаси, Господи, помилуй». В комплекс бытовых запретов входили и поведенческие правила обращения с посудой. Практика использования отдельной посуды старообрядцами выступала атрибутом повседневного быта вашкинских коми.

Таким образом, состав и структура пищевого сырья вашкинских коми отражают местную специфику хозяйственной деятельности, сформировавшую традиционные пищевые стереотипы. Основу питания составляют зерновые культуры, из которых готовят хлебобулочные изделия, похлебки, каши и напитки. Мясо-молочный рацион не отличался богатством блюд, зато в изобилии представлен рыбный ассортимент. Дикоросы обогащали питание витаминами и вносили разнообразие в ежедневное меню. Локальная особенность питания во многом проявлялась в предписаниях и пищевых запретах как атрибутах бытовой старообрядческой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 436 ц.
[2] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 435 ц.
[3] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 425 ц.
[4] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 433 ц.
[5] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 428 ц.
[6] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 434 ц.
[7] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 435 ц.
[8] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 425 ц.
[9] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 427 ц.
[10] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 439 ц.
[11] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.
[12] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 425 ц.
[13] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 439 ц.
[14] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.

[15] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 428 ц.
[16] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 428 ц.
[17] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 348 ц.
[18] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.
[19] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 428 ц.
[20] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.
[21] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.
[22] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 434 ц.
[23] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 433 ц.
[24] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.
[25] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 428 ц.
[26] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 428 ц.
[27] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 439 ц.
[28] НА МАЭ СыктГУ. Ф. 14 (э). Д. 438 ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Петрозаводский госуниверситет, 1996. 139 с.
2. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 172 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
4. Жеребцов Л. Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1972. 127 с.
5. Карпова М. О. Выпечка вашкинских коми // Геолого-археологические исследования в Тимано-североуральском регионе: Доклады 12-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2009. Т. XII. С. 161–164.
6. Колчина Е. В., Куликова Е. А. Традиционная пищевая модель и современные предпочтения // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы Девятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 93–97.
7. Конаков Н. Д. Этнические стереотипы коми как этногенетический источник // Проблемы этногенеза народа коми: Труды Института языка, литературы и истории КФАН СССР. Вып. 36. Сыктывкар: КФАН СССР, 1985. С. 78–91.
8. Никольская Р. Ф. Карельская и финская кухня. Петрозаводск: Карелия, 2001. 336 с.
9. Остапова Е. В. Рыба как основной продукт питания удорских коми (на примере населенных пунктов средней Вашки) // Геолого-археологические исследования в Тимано-североуральском регионе: Доклады 12-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2009. Т. XII. С. 165–167.

Chudova T. I., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

LOCAL FOOD TRADITIONS OF VASHKINSKIE KOMI

The first experience of ethnographic description of Vashkinskie Komi national food traditions reflecting the features of subethnic and confessional character is presented in the article. The food stereotypes, predetermined by the traditional system of economy, include the optimum model of sustenance incorporating multiple products of agriculture, animal husbandry, hunting, fishery, and partially foraging. The basic food items were produced from grain crops. There was no wide assortment of meat and dairy products. Fish constituted a considerable segment in the food menu of the local population. One of the reasons for fish preservation – fermentation – is conditioned by the desire to enrich local nutrition with vitamin C, which is extremely essential in conditions of the North. The practice of dipping bread into the plate filled up with meat and fish broth was characteristic of local food consumption. A wide assortment of the wild berries helped to versatile the daily menu of the locals. The Old Belief culture found its reflection in the etiquette practice: Christian abstinence was strictly observed. On a weekly basis, Wednesdays and Fridays were considered as fast days. Horsemeat was banned for consumption, hare meat, potatoes, and tea were widely used for sustenance. A restriction on the use of alcoholic drinks remained for an extended period of time. The practice of using separate dishware became one of the characteristic features of the daily life of Old Believers residing in Vaskinskie Komi.

Key words: Vashkinsky Komi, grocery raw materials, traditional dishes, food preferences and ban

REFERENCES

1. Vinokurova I. Yu. *Traditsionnye prazdniki vepsov Prionezh'ya (konets XIX – nachalo XX v.)* [Traditional holidays of Veps of Prionezhya (the end of XIX – the beginning of the XX century)]. Petrozavodsk, 1996. 139 p.
2. Vlasova V. V. *Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti sotsial'noy i obryadovoy zhizni* [Groups of Old Believers of the Komi: confessional features of social and ceremonial life]. Syktyvkar, Komi NTs UrO RAN Publ., 2010. 172 p.
3. Dil' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the great and living Russian language]. In 4 vol. Vol. 1. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 640 p.
4. Zherebtsov L. N. *Khozyaystvo, kul'tura i byt udorskikh komi v XVIII – nachale XX v.* [Economy, culture and everyday life of Udora Komi in the XVIII – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 127 p.
5. Karpova M. O. Baking of Vashkinskie Komi [Vypechka vashkinskikh komi]. *Geologo-arkheologicheskie issledovaniya v Timano-severoural'skom regione: Doklady 12-y nauchnoy konferentsii* [Geological and archaeological research in the Timano-Northern Urals: Reports of the 12th scientific conference]. Syktyvkar, Geoprint Publ., 2009. Vol. XII. P. 161–164.
6. Kolchina E. V., Kulikova E. A. Traditional food model and modern preferences [Traditsionnaya pishchevaya model' i sovremennye predpochteniya]. *Traditsionnoe khozyaystvo v sisteme kul'tury etnosa: Materialy Devyatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy* [Traditional economy in the cultural system of ethnos: Materials of the Ninth St. Petersburg ethnographic readings]. St. Petersburg, IPTs SPGUTD Publ., 2010. P. 93–97.
7. Konakov N. D. Ethnic stereotypes Komi as the ethnogenic source [Etnicheskie stereotipy komi kak etnogeneticheskiy istochnik]. *Problemy etnogeneza naroda komi: Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii KFAN SSSR* [Problems of ethnic genesis of the Komi people: proceedings of the Institute of language, literature and history KFAN the USSR]. Vol. 36. Syktyvkar, KFAN SSSR Publ., 1985. P. 78–91.
8. Nikol'skaya R. F. *Karel'skaya i finskaya kukhnya* [Karelin and Finnish cuisine]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 2001. 336 p.
9. Ostapova E. V. Fish as the main food product of Udorskie Komi (on the example of settlements of the middle Vashka) [Ryba kak osnovnoy produkt pitaniya udorskikh komi (na primere naselennykh punktov sredney Vashki)]. *Geologo-arkheologicheskie issledovaniya v Timano-severoural'skom regione: Doklady 12-y nauchnoy konferentsii* [Geological and archaeological researches in the Timano-severouralsky region. Reports of the 12th scientific conference]. Syktyvkar, Geoprint Publ., 2009. Vol. XII. P. 165–167.

Поступила в редакцию 14.01.2015

Август, № 5 **Исторические науки и археология** **2015**

УДК 378

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ivikshor@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНЦЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»)*

Статья посвящена 75-летнему юбилею Петрозаводского государственного университета. Рассмотрен важный период в истории развития вуза, связанный с его системной внутренней реорганизацией, увеличением количества направлений профессиональной подготовки студентов и повышением качества обучения. На основе анализа содержания газеты «Петрозаводский университет» исследована научная, учебная, воспитательная, общественная и культурная жизнь вуза в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов. Особое внимание уделено проведению в вузе ежегодных научных студенческих конференций, защите дипломных работ выпускников и производственной практике студентов. Автор делает заключение о высоком уровне студенческой научной работы в Петрозаводском университете, о тесной связи обучения с практическими нуждами производства и социальной сферы республики, об активной и разнообразной студенческой жизни.

Ключевые слова: научная работа студентов, производственная практика, педагогическая практика, творческие кружки

В конце 1950-х – первой половине 1960-х годов Петрозаводский университет переживал важный и интересный этап в развитии. Одним из новых явлений в жизни вуза в этот период стал выход в свет 8 октября 1956 года первого номера газеты «Петрозаводский университет». Газета пользовалась популярностью среди студентов, преподавателей и сотрудников университета. Она представляла широкий спектр информации о внутренней жизни вуза, обращала внимание на успехи и недостатки в работе. На страницах «Петрозаводского университета» печатались студенческие стихи, рассказы, рисунки и шаржи. Полнотой сведений и интересными комментариями выделялись регулярные сообщения о новостях спорта Э. Кивели и фоторепортажи Е. Кондратьева. Больше всего статей корреспондентов университетской газеты, среди которых были и студенты, и преподаватели, посвящено главным для них проблемам – обучению и воспитанию молодых специалистов.

Анализ содержания статей газеты и их проблематики позволяет представить Петрозаводский университет таким, каким его видели преподаватели и студенты, работавшие и учившиеся в нем в середине XX века.

Быстрое восстановление Карелии после Великой Отечественной войны и дальнейшее динамичное развитие республики, появление новых отраслей производства в крае требовали увеличения числа высококвалифицированных молодых специалистов, создания новых и современных программ по их обучению. Целевая профессиональная подготовка молодежи Карелии в вузах Москвы, Ленинграда и других городов СССР, а также распределение столичных выпускников на работу в республику не решали проблемы нехватки квалифицированных специалистов и неравномерности пополнения ими разных отраслей производства края. Это ставило задачу открытия во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов в Петрозаводском университете новых специальностей и факультетов. Так появились специализации «машины и механизмы лесной промышленности», «лесное хозяйство», «промышленное и гражданское строительство», медицинский факультет [1; 38–41].

Особенно остро в Карелии в конце 1950-х годов ощущалась нехватка медицинских работников. Было принято решение об открытии в октябре 1960 года медицинского факультета Петрозаводского университета. Началась подготовка 150 студентов-медиков (125 по специальности «лечебное дело» и 25 по педиатрии) (Петрозаводский университет (далее – ПУ). 13.05.1960[1]). Почти все они уже имели начальное медицинское образование. Опыт работы в больницах Карелии, Мурманской, Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей позволил студентам быстро включиться в образовательный процесс и активно участвовать в подготовке обучающих экспонатов и пособий для будущих наборов студентов на медицинский факультет (ПУ. 02.09.1960; 23.12.1960).

Главной задачей Петрозаводского университета во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов было совершенствование процесса обучения. Большое количество статей университетской газеты было посвящено важной для студентов задаче – успешной сдаче сессии. В газете публиковались практические рекомендации по организации учебного времени в течение

© Шорохова И. В., 2015

семестра и в момент экзаменационной сессии (ПУ. 03.01.1957; 14.02.1957). Эти статьи не потеряли актуальности и для современных студентов.

Газета «Петрозаводский университет» подробно освещала ход каждой сессии. На ее страницах публиковались составы студенческих пятерок, входивших на экзамен, экзаменационные вопросы и выдержки из наиболее удачных или несуразных ответов на них (например, «В 60-е годы рабочие кружки обогнали своих руководителей») (ПУ. 13.06.1957; 03.01.1957; 22.01.1957; 21.10.1960). Такого рода подробная информация по факультетам появлялась в газете с указанием фамилий успешных студентов, двоечников и «хвостистов».

Корреспонденты обращали внимание не только на качественное содержание ответов студентов на экзаменационные вопросы, но и отмечали их наиболее распространенные речевые и стилистические ошибки (ПУ. 17.01.1957; 24.01.1957). Так, студенты рубежа 1950–1960-х годов не знали, как правильно поставить ударение в слове «уголь», делали ошибки в произношении и написании слов «электрификация», «парашют», «экскаватор», «труженики» (ПУ. 13.06.1957; 18.05.1962). Это остро ставило вопрос о повышении общего культурного уровня будущих специалистов. В свое оправдание студенты университета отмечали нехватку в их образовательном процессе курсов по русскому языку, истории культуры, театра и литературы (ПУ. 30.01.1958).

Обеспокоенных результатами сессий корреспондентов «Петрозаводского университета» волновало и состояние студенческих конспектов. Из некоторых конспектов невозможно было понять, о чем шла речь на лекции. В статьях газеты приводились выдержки из студенческих конспектов. Иногда указывалась и фамилия обладателя тетради (ПУ. 24.01.1957).

Важным в жизни каждого будущего специалиста является время сдачи государственных экзаменов и защиты дипломного проекта. Корреспонденты газеты «Петрозаводский университет» отмечали удачные дипломные работы выпускников и общие результаты их защиты по факультетам (ПУ. 01.05.1957; 08.05.1958; 26.06.1958; 20.05.1960). Фамилии и фотографии наиболее успешных молодых специалистов можно было увидеть на страницах газеты. Эту традицию газета вуза продолжает и по сей день.

Дипломные работы студентов Петрозаводского университета были тесно связаны с практическими потребностями хозяйства и промышленного производства Карелии во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов. Так, диплом выпускника ЛИФа Н. Риехкалайнена «Комплексная механизация и автоматизация лесоперевалочной биржи “Петушки” Шуйской сплавной конторы» был рассмотрен в Управлении лесной промышленности Карелии и лег в основу реконструкции этого предприятия (ПУ. 13.03.1958; 26.06.1958). Студент А. Лихачев разработал новый метод строительства лесовозных усов зимнего действия (ПУ. 08.07.1960). На страницах газеты рубежа 1950–1960-х годов часто можно встретить факты, подтверждающие тесную связь образовательного процесса в Петрозаводском университете с конкретными нуждами предприятий республики.

Выпускники поддерживали связь производства и вуза, обращаясь за помощью, советом, рекомендацией или с практическими предложениями и задачами к своим преподавателям (ПУ. 03.09.1958). Работодатели присылали в вуз благодарственные письма за высококачественную подготовку специалистов. Так, старший инженер отдела кадров Главкареллеса Е. Пименов высоко оценил работу первых выпускников ЛИФа, начавших трудовую деятельность в республике в 1956 году. Выпускник факультета А. Неклюдов, став главным инженером Ведлозерского леспромхоза, сумел «быстро наладить бесперебойность работы» предприятия и «повысил на нем производительность труда» (ПУ. 28.03.1957).

Хорошей традицией университетской газеты стала публикация небольших статей об отличившихся студентах разных факультетов. Их писали как преподаватели, заведующие кафедрами, так и сами студенты (ПУ. 01.05.1957; 13.03.1958; 04.12.1958; 19.02.1960; 30.04.1961). Так, студентка первого курса филологического отделения историко-филологического факультета Т. Вербная написала заметку об известном ныне профессоре, докторе исторических наук, заведующем сектором археологии КарНЦ РАН С. И. Кочкуркиной. В 1961 году она была студенткой четвертого курса исторического отделения Петрозаводского университета, досрочно сдавала сессии, а летом участвовала в археологических экспедициях. С результатами исследований С. Кочкуркина дважды выступала с докладами по археологии в Москве (ПУ. 30.04.1961).

Еще одной важной темой, освещаемой на страницах газеты «Петрозаводский университет», было участие студентов в научно-исследовательской работе. На рубеже 1950–1960-х годов студенты вуза были заняты в 26 научных кружках при кафедрах. С целью широкого привлечения будущих молодых специалистов к исследовательской и научной деятельности в университете с 1947 года под руководством А. С. Лантратовой успешно функционировала добровольная студенческая организация – Научное студенческое общество (ПУ. 21.03.1957).

Наиболее интересные исследования студентов публиковались в сборниках научных студенческих работ (ПУ. 08.01.1957). Чаще всего в них появлялись результаты научных изысканий студентов сельскохозяйственного, историко-фило-

логического и физико-математического факультетов.

Студенческая научная работа всегда требовала хорошей методической организации, постоянного контроля и помощи научного руководителя. Позиция доцента Л. Одынца по этому вопросу звучит и сегодня очень актуально. На страницах университетской газеты он обращал внимание коллег на то, что качественное улучшение научной работы студентов Петрозаводского университета произойдет только тогда, когда научные кружки станут итогом методической и научной работы кафедры, при которой они создавались и работали (ПУ. 23.03.1962).

Сегодня Петрозаводский университет продолжает традицию проведения ежегодных студенческих научных конференций. Статьи университетской газеты позволяют оценить их работу во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов.

Корреспонденты газеты отмечали ежегодное увеличение числа участников научного мероприятия. Наиболее дискуссионными, находившими живой отклик у слушателей, оказывались доклады студентов, связанные с их практической работой, основанные на материалах карельской истории и культуры, добытых в ходе экспедиций и практики (ПУ. 03.09.1958; 04.04.1957). Студентами широко использовались элементы исследовательского и конструкторского труда, выводы аргументировались данными эксперимента и наблюдений.

Будущие молодые специалисты интересовались особенностями жизни растений и животных в природных условиях Карелии, поведением плазмы, влиянием магнитного поля и особенностями карельского языка, предлагали комплексы мероприятий по повышению производительности труда на предприятиях республики. Так, отвечая духу времени, студентка В. Байкова изучала особенности роста кукурузы в Карелии [2; 96–111]. Она отмечала, что для получения «неплохих» показателей урожайности культуры в республике требовались большое количество разнообразных удобрений и упорный труд. И хотя студентка не указала в исследовании на нецелесообразность посевов кукурузы в Карелии, такой вывод из ее доклада у современного читателя напрашивается сам собой.

Доклады студентов по итогам экспериментов и научно-практических работ вызывали интерес у специалистов, которые трудились в разных областях производства Карелии. Так, в 1958 году только на секции геологических наук во время студенческой научной конференции присутствовали работники Карельского филиала АН СССР и Северо-Западного геологического управления (ПУ. 24.04.1958). Они проявляли интерес к выступлениям докладчиков, задавали им много вопросов, связанных с практическим использованием студенческих изысканий.

Одной из главных проблем студенческих научных конференций университета на рубеже 1950–1960-х годов была плохая их посещаемость студентами. Докладов на конференции заслушивалось много (в 1957 году – 114 выступлений) (ПУ. 04.04.1957; 11.04.1957). Однако университетская газета отмечала, что доклады студентов редко вызывали дискуссии и обсуждения. Одной из причин такого положения дел, по мнению корреспондентов, была загруженность студентов. Они из-за нехватки времени несколько раз выступали с одним докладом на различных семинарах и конференциях. Это снижало новизну и остроту восприятия этих сообщений (ПУ. 04.04.1957; 11.04.1957).

Нарекания со стороны университетской газеты вызывала и организация студенческих научных конференций. Она проходила в обстановке острой нехватки времени. В программах конференций были ошибки и досадные опечатки. Часто докладчики становились невольными виновниками появления технических проблем в проведении конференции, затягивая сдачу тезисов выступления в оргкомитет (ПУ. 03.09.1958).

Ситуацию усугублял неудачный выбор времени проведения студенческих научных конференций. Так, в соответствии с учебными планами в апреле студенты многих факультетов проходили практику или заканчивали обучение в университете. Участие в научной конференции выпускников университета по этой причине было ограничено. Нерациональное распределение времени в ходе самих заседаний, число которых было слишком велико, также негативно сказывалось на посещаемости научного мероприятия (ПУ. 04.04.1957).

В Петрозаводском университете велась активная работа над изменением формата студенческих научных конференций, оптимизации времени и сроков ее проведения. Так, с начала 1960-х годов на страницах университетской газеты встречается гораздо больше, чем раньше, материалов о научных успехах студентов. Замечания по поводу работы ежегодных научных студенческих конференций стали носить рабочий характер.

Высокий теоретический и научный уровень докладов студентов Петрозаводского университета, принимавших участие в научных конференциях, позволял им успешно участвовать в студенческих научных мероприятиях в Ленинграде, Киеве, Тарту. Студенты достойно представляли Петрозаводский университет за пределами республики, оставляя положительное впечатление о качестве образовательного процесса в нем (ПУ. 03.05.1957).

Еще одним направлением специальной и научной подготовки студентов университета во второй половине 1950-х годов была организация работы спецкурсов по научной, специальной

проблематике и вопросам современной науки. Дискуссия по вопросу об их обязательном посещении всеми студентами, отраженная на страницах университетской газеты, привела к оптимальному решению проблемы: основная масса спецкурсов стала добровольной. Это позволило избежать чрезмерной загруженности студентов, но сохранило возможность расширения кругозора для всех желающих (ПУ. 16.01.1958).

С той же целью, но уже для интересующихся из среды рабочих республики преподаватели Петрозаводского университета читали лекции по различным вопросам современной науки в районах Карелии и на предприятиях края (ПУ. 30.01.1958). Студенты вуза во время прохождения производственной практики также были вовлечены в процесс культурного и политического просвещения жителей глубинки республики. Так, студент агрономического отделения сельскохозяйственного факультета А. Нестеров в течение 6-месячной практики в совхозе «Маяк» читал в местном клубе лекции по международному положению (ПУ. 04.12.1958).

Обращает на себя внимание то, что в конце 1950-х годов акцент ставился главным образом не на научно-исследовательской работе преподавателей вуза, а на их воспитательной и преподавательской деятельности. За увлечение научной работой и отстранение от просветительской работы со студентами и общественностью преподаватели университета подвергались резкой критике на страницах университетской газеты (ПУ. 22.05.1958). Не раз ее корреспонденты призывали преподавателей делать лекции увлекательными и интересными для студентов, а «не читать их по бумажке» (ПУ. 08.01.1960).

На рубеже 1950–1960-х годов Петрозаводский университет славился связью теоретического и практического обучения студентов. Этому в немалой степени способствовал принятый в 1958 году закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Главной целью реформы образования была подготовка технически грамотных кадров для промышленности и сельского хозяйства. В связи с этим в Советском Союзе расширилась сеть вечернего и заочного обучения, предоставлялись преимущества для поступления в вуз абитуриентам, которые уже поработали на производстве. Появилась возможность внеконкурсного зачисления в вузы студентов, направленных для обучения предприятиями, колхозами и совхозами.

С целью реализации Закона «Об укреплении связи школы с жизнью…» в работе университета также произошли изменения. В 1958 году в Петрозаводском университете были введены новые правила приема, согласно которым преимущество при поступлении получили абитуриенты с трудовым стажем не менее двух лет и демобилизованные из рядов Советской армии [3; 79]. В 1956 году на лесоинженерном факультете было открыто вечернее отделение для рабочих и служащих Онежского тракторного завода [3; 78]. В 1962 году открылся общетехнический факультет (ОТФ). В него входило четыре потока: механический, строительный, энергетический и технический. Факультет осуществлял подготовку по вечерней и заочной форме обучения почти по 50 специальностям в течение трех лет. Затем студентов переводили на другие инженерные специальности университета и других технических вузов страны [3; 79].

За факультетами Петрозаводского университета были закреплены базы практик [3; 81]. Газета вуза широко освещала производственную практику будущих молодых специалистов. Эта информация содержала точные указания времени ухода студентов факультетов на практику, мест ее проведения, сообщалось о ходе практического обучения и его результатах (ПУ. 07.01.1958; 08.01.1959; 27.05.1960).

В связи с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью…» особое место в университетской газете стали занимать материалы о педагогической практике студентов в школах республики. Так, в 1959 году студенты-филологи 5-го курса проходили педагогическую практику в 30 школах Карелии (ПУ. 11.09.1959). В 1962 году только историко-филологический и физико-математический факультеты направили для прохождения педагогической практики в школы республики 94 студента-практиканта (ПУ. 25.05.1962). На страницах газеты подробно, на конкретных примерах рассматривались успехи и проблемы студентов в этом сложном деле. Сообщения и рассказы самих практикантов помогали студентам младших курсов избежать трудных ситуаций во время их педагогической практики (ПУ. 07.03.1957).

В начале 1960-х годов география мест прохождения педагогической практики студентами Петрозаводского университета расширилась. Они выезжали в Ленинград, Мурманскую область и даже в Венгрию (ПУ. 31.05.1963). Так, по итогам практики в г. Мончегорске Мурманской области студентка Н. Карачева написала дипломную работу, в которой сравнивала методические приемы и достижения в работе учителей Петрозаводска и Мончегорска (ПУ. 31.05.1963).

С начала 1960-х годов педагогическая практика студентов Петрозаводского университета стала носить стажерский характер. За учителем-практикантом закреплялся один класс, в котором он вел уроки, внеклассные мероприятия и являлся для его учеников классным руководителем (ПУ. 05.12.1963). Такой способ подготовки учителей был признан успешным и получил в дальнейшем широкое распространение.

Во время летних каникул студенты работали вожатыми в пионерских лагерях для школьников. Дополнительная педагогическая практика студентов позволяла улучшать качество подготовки будущих педагогов (ПУ. 02.09.1960).

Основными проблемами в их подготовке в университете были: «пробелы в методической и организационной подготовке практикантов», необеспеченность студентов наглядными и методическими пособиями, слабое владение студентами «формами опроса учащихся» (ПУ. 25.05.1962). Не всегда благополучно у будущих учителей обстояли дела с воспитательной работой со школьниками и организацией внеклассных мероприятий (ПУ. 05.12.1963). Как можно выяснить из материалов газеты «Петрозаводский университет», этому направлению работы с подрастающим поколением студентов в вузе не учили (ПУ. 11.09.1959; 05.12.1963; 20.03.1958).

В целом педагогическая практика студентов Петрозаводского университета проходила успешно. Учащиеся школ поддерживали связь со своими учителями-практикантами. Дети писали им трогательные письма. Выдержки из этих писем публиковались. Директора школ республики просили некоторых студентов после окончания практики остаться работать в школе для замещения отсутствовавших учителей (ПУ. 25.05.1962).

Петрозаводский университет в конце 1950-х годов поддерживал связи с Карельским филиалом АН СССР. Так, студенты-историки ежегодно принимали участие в его летних археологических экспедициях. Это было полезное сотрудничество как для карельских ученых, так и для студентов (ПУ. 11.09.1959; 30.04.1961). Студенты-историки также получали профессиональные навыки во время практики в архивах Карелии. Директор Национального музея РК заслуженный работник образования РК, кандидат педагогических наук М. Л. Гольденберг был отмечен руководителем архивной практики как студент, «работавший с увлечением» (ПУ. 09.02.1962).

В конце 1950-х годов в Петрозаводском университете серьезное развитие получили вечерняя и заочная формы обучения (ПУ. 03.09.1958). Однако сложности совмещения работы с учебой дополнялись проблемами учебно-методической и материально-технической оснащенности процесса обучения студентов-заочников. Доступ к необходимой литературе они имели только во время сессии. Корреспондентов газеты и преподавателей, писавших об этих проблемах, беспокоило то, что такая ситуация негативно сказывалась на уровне знаний студентов-заочников и качестве их подготовки как специалистов (ПУ. 24.01.1957; 19.06.1958).

Маленькая пропускная способность читального зала университетской библиотеки не позволяла всем студентам воспользоваться ее возможностями. Особенно остро эта проблема стояла в предсессионное и экзаменационное время (ПУ. 09.05.1957). Важно отметить, что в конце 1950-х – начале 1960-х годов в фонд университетской библиотеки ежегодно поступало свыше 20 тысяч новых книг, пособий и справочной литературы (ПУ. 09.09.1960). Это позволяло студентам получать актуальные знания по многим отраслям науки. Студенты и преподаватели университета были в курсе последних научных разработок того времени. Также в помощь студентам и преподавателям университета в 1960 году был открыт новый справочно-библиографический отдел, облегчивший поиск необходимой литературы (ПУ. 09.09.1960). Рост интенсивности работы с учебными и научными изданиями в библиотеке Петрозаводского университета в рассматриваемый период показан в таблице.

Работа научной библиотеки Петрозаводского университета в 1950–1964 годах [5; 194]

Показатели библиотеки Петрозаводского университета	1950 год	1960 год	1964 год
Количество читателей (чел.)	1042	2878	6377
Количество выданной литературы (экз.)	106914	169669	515716

Положительно повлияло на образовательный процесс в университете и открытие вычислительного центра с самыми современными ЭВМ (с точностью до 9 знаков и скоростью в 30 арифметических действий в секунду) (ПУ. 24.01.1957).

В конце 1950-х – начале 1960-х годов не все студенты Петрозаводского университета стремились овладевать новыми знаниями и профессией. За это они попадали на страницы университетской газеты с резкой критикой в свой адрес (ПУ. 09.12.1960; 24.01.1957). Студентов и преподавателей беспокоило падение инициативы студентов в обучении. Некоторые из будущих специалистов «молча отсиживали» 5 лет, не принимая участия в обсуждениях ключевых вопросов научной и культурной жизни вуза (ПУ. 03.01.1957). На страницах университетской газеты звучало вполне обоснованное требование «увольнять из числа студентов прогульщиков и хронических хвостистов» (ПУ. 22.05.1958).

В 1962 году прошел общеуниверситетский диспут по обсуждению статьи профессора А. Д. Александрова «Пусть больше будет одержимых». Основная идея всех выступавших на нем студентов и преподавателей вуза сводилась к тому, что необходимо добиваться увеличения числа добросовестных студентов университета через повышение качества лекций его преподавателей (ПУ. 05.01.1962).

Интересный способ решения проблемы успеваемости студентов в середине 1960-х годов стали реализовывать на физико-математическом факультете. Перед занятиями там проводили

«производственные совещания» во всех студенческих группах с целью повысить мотивацию студентов в учебе на предстоявший день (ПУ. 08.01.1965).

Студенческая жизнь в Петрозаводском университете во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов не была ограничена только учебой. В это время в вузе были заложены современные традиции активного студенческого отдыха и досуга: проводились студенческие фестивали, где выступали вокальные группы и хоры факультетов, факультетские смотры самодеятельности и вечера отдыха.

В Петрозаводском университете в 1959 году спортом регулярно занималось 765 студентов (ПУ. 18.12.1959; 04.12.1959; 04.11.1961). В конце 1950-х – начале 1960-х годов среди них было 12 мастеров разных видов спорта [4; 53–57]. В эти годы при университете успешно работали 17 секций: по баскетболу, волейболу, легкой атлетике, гимнастике, хоккею, боксу, художественной гимнастике, настольному теннису, туризму, шахматам и шашкам, лыжная, городошная и др. В 1959 году студенты-спортсмены завоевали 30 переходящих кубков и призов Петрозаводска и Карелии [4; 7].

Однако студенты Петрозаводского университета, не занимавшиеся спортом активно, на рубеже 1950–1960-х годов ощущали нехватку спортивного инвентаря, особенно лыж. В 1957 году в вузе 80 пар лыж приходилось на 1500 студентов (ПУ. 24.01.1957).

Для деятельной молодежи в стенах университета функционировали радиокружок, кружок политэкономии во главе с завкафедрой политэкономии Я. С. Якушкиным, две группы танцев, литературно-творческий кружок под руководством И. П. Лупановой и Л. Я. Резникова. В сентябре 1958 года в университете начал работу философский кружок. Студенты изучали категории причинности, философию волюнтаризма, проблему детерминизма и другие философские проблемы (ПУ. 05.03.1959). В кружке по истории студенты исследовали отечественную и зарубежную историю, а также представляли результаты археологических экспедиций (ПУ. 21.02.1957). Кружок физиологии растений, работавший в университете с 1942 года, позволял студентам как познакомиться с достижениями биологической науки, так и делать доклады по итогам научных экспериментов (ПУ. 14.03.1957). Студенты вуза, занимавшиеся в литературно-творческом объединении при кафедре литературы, могли получить оценку своих стихов и прозы, а также консультацию от членов Карельского отделения Союза советских писателей (ПУ. 05.11.1963).

В 1957 году в Петрозаводском университете начала работать станция наблюдения за движением искусственных спутников Земли, что для молодежи тех лет было грандиозным событием.

В эти годы больших успехов добились студенты-артисты В. Иванов и А. Амосова. Драматический кружок под руководством Ю. Сунгурова с пьесой П. Когоута «Такая любовь» выступал даже в Финском драматическом театре. Заслуженная артистка КАССР Э. М. Хиппеляйнен помогала подготовить его к показу по телевидению (ПУ. 15.05.1959). Спектакли драмкружка университета по пьесам А. Н. Островского и М. Горького были «тепло встречены зрителями» (ПУ. 01.05.1957). Эстрадный оркестр университета в те годы был известен виртуозным исполнением произведений советских и зарубежных композиторов. А в 1962 году благодаря Г. Е. Терацуянцу был создан известный сегодня в мире хор студентов и преподавателей Петрозаводского университета (ПУ. 28.06.1963).

С апреля 1960 года в вузе успешно работал студенческий клуб, охвативший почти всю внеучебную деятельность студентов, преподавателей и сотрудников университета. Теперь уже в его рамках регулярно проводились вечера отдыха, вопросов и ответов с участием преподавателей университета и ректора В. В. Стефанихина, студенческие смотры-конкурсы, фестивали (ПУ. 01.11.1957; 11.01.1960; 22.12.1961).

Студенты рубежа 1950–1960-х годов большую часть дня проводили в стенах университета. Организация и качество их питания также стали темами для обсуждения на страницах университетской газеты. Администрация вуза искала способы улучшения работы студенческой столовой (ПУ. 01.01.1959; 03.09.1958). «Буфет без продавца», экономивший время студентов, оказался нерентабельным из-за огромных сумм недостачи. Он был вскоре ликвидирован (ПУ. 17.01.1957). Плохое качество пищи, нехватка молочных продуктов, черствый хлеб вынудили городской совет Петрозаводска обсудить проблему снабжения питанием студентов университета и снизить расценки в столовой на 10 % (ПУ. 03.09.1958). Однако быстро наладить работу студенческой столовой не удалось (ПУ. 01.01.1959). Жалобы студентов на плохое обслуживание в столовой продолжались на страницах газеты и в последующие годы.

В Петрозаводском университете обучались студенты из многих районов Карелии и СССР. Они, как правило, проживали в общежитиях. В них, к сожалению, не всегда обеспечивались условия для спокойного отдыха и самостоятельных занятий студентов. Газета университета неоднократно отмечала нарушение дисциплины, «шум и хамство» студентов в общежитиях. Доцент А. Рачкова писала о том, что после бессонных ночей в общежитии и ночных танцев в их вестибюле студенты пропускали утренние занятия (ПУ. 17.01.1957). Корреспонденты газеты гневными статьями пытались бороться с таким поведением студентов. Они взывали к сознательности

и совести нарушителей порядка (ПУ. 17.01.1957; 15.05.1958).

При осмотре условий жизни в общежитиях корреспонденты газеты «Петрозаводский университет» приветствовали коммунальное ведение хозяйства студентами как «наиболее экономичное» и «отвечающее духу социализма» (ПУ. 11.04.1957). Но о бытовых условиях проживания в студенческих общежитиях университетская газета на рубеже 1950–1960-х годов практически ничего не сообщала.

Петрозаводский университет второй половины 1950-х – начала 1960-х годов как средоточие молодежи республики сталкивался с нарушениями распорядка и правил поведения в стенах вуза. Существенными проблемами студенческого сообщества тех лет были также случаи пьянства и хулиганства (ПУ. 16.04.1958). На танцах в университете дружинники задерживали до 15 человек в состоянии алкогольного опьянения (ПУ. 25.03.1960). Корреспонденты университетской газеты под псевдонимами (Колючка, Ёж и др.) пыталась в шутливых и шаржевых формах пробудить здравый смысл и совесть у таких «отличившихся» студентов (ПУ. 02.12.1960). За недисциплинированное поведение, позорившее всех студентов, читатели газеты, студенты и преподаватели требовали более строгих наказаний, нежели простое лишение стипендии на 2–3 месяца (ПУ. 08.01.1957; 15.05.1958).

Бороться с этими проблемами в Петрозаводском университете решили силами самих студентов. В марте 1959 года в вузе была создана студенческая народная дружина по охране общественного порядка. Первоначально в дружину входило 120 студентов. Их разделили на 4 отряда по факультетам (ПУ. 16.10.1959). Дружина обеспечивала порядок на вечерах отдыха в университете. Со временем ее функции стали шире. Университетские дружинники «несли службу» на остановках, улицах и вечерах отдыха в столице Карелии. Состав дружинников увеличился до 165 человек. Они проводили и воспитательную работу с задержанными хулиганами. Злостных нарушителей порядка дружинники высмеивали в собственной сатирической газете «Не проходите мимо». Она вывешивалась около кинотеатра «Победа» и пользовалась популярностью у горожан (ПУ. 25.03.1960).

На рубеже 1950–1960-х годов немало статей в университетской газете было посвящено проблеме испорченной студенческими надписями учебной мебели. Корреспонденты писали о «настольной литературе студентов» с точным указанием номера аудитории и парты в ней. Если удавалось по косвенным данным установить имя автора надписи, оно тоже публиковалось в университетской газете (ПУ. 25.11.1960).

Преподавателей и студентов Петрозаводского университета беспокоила неэффективность воспитательной работы, проводимой в вузе с молодым поколением (ПУ. 21.10.1965). Во второй половине 1950-х годов в целях ее улучшения в красных уголках студенческих общежитий Петрозаводского университета в вечернее время стали проводить тематические встречи и вечера вопросов и ответов. В них принимали участие преподаватели вуза, представители общественных и творческих организаций республики, ректор университета В. В. Стефанихин. На этих мероприятиях обсуждали как насущные проблемы студенческой жизни, так и вопросы международной политики, организации молодежного движения в странах социалистического лагеря и капиталистических государствах (ПУ. 23.01.1958; 04.04.1957; 16.01.1958).

Для конца 1950-х – начала 1960-х годов нормой было широкое участие студентов в общественных и производственных работах. Студенты активно привлекались к озеленению приуниверситетской территории и работали на предприятиях Карелии. Ежегодно в апреле – мае и в сентябре – первой половине октября студенты Петрозаводского университета оказывали помощь колхозам и совхозам республики в посадке сельскохозяйственных культур и уборке урожая. Летом студенты вуза занимались косьбой и силосованием (ПУ. 14.10.1957; 02.09.1957; 29.05.1959; 23.10.1959; 16.09.1960; 03.07.1964). Между студентами разных факультетов разворачивались соревнования на скорость и качество уборки урожая. Часто руководители сельхозпредприятий Карелии писали благодарственные письма в университет (ПУ. 14.10.1957; 23.10.1958).

В 1959 году студенты ЛИФа оказывали помощь Шуйско-Виданскому леспромхозу на сплаве леса (ПУ. 23.10.1958). Кроме того, регулярно проводились воскресники на предприятиях Петрозаводска. Это важное дело для хозяйства республики сплачивало студентов, делало их жизнь полной, насыщенной и интересной, но отрывало их от непосредственных учебных занятий.

В результате серьезной работы по совершенствованию и модернизации образовательного процесса в Петрозаводском университете, благодаря появлению новых специальностей профессиональной подготовки студентов к середине 1960-х годов вуз занял важное место в системе подготовки рабочих кадров Карелии, Мурманской и Ленинградской областей.

Петрозаводский университет в 1960 году выпустил 315 молодых специалистов (ПУ. 08.07.1960). В результате сложных структурных изменений 1950-х годов в университете сложилась система многопрофильной подготовки кадров по 13 специальностям, возрос ежегодный выпуск специалистов по ним [1; 40]. Общая же численность студентов на всех формах обучения в Петрозаводском университете увеличилась в 1960 году до 2617 человек (для сравнения: в 1950 году в вузе насчитывалось 810 студентов).

За 1960-е годы в вузе открылось 15 новых кафедр. Большинство из них начали работать в 1962–1964 годах [1; 59].

Со страниц университетской газеты второй половины 1950-х – начала 1960-х годов Петрозаводский университет предстает живой, активно развивающейся и ищущей образовательной площадкой. В эти годы вуз провел ряд существенных внутренних реорганизаций. Это позволило качественно улучшить образовательный процесс. Именно тогда были заложены многие существующие и сегодня традиции научной и воспитательной работы со студентами, организации их досуга и культурной жизни. Студенческая жизнь того времени со страниц газеты вуза предстает яркой, разнообразной и приносящей пользу обществу. Стремление Петрозаводского государственного университета наладить в современном образовательном процессе тесную связь подготовки специалистов с решением конкретных практических задач во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов уже было успешно реализовано. Газета «Петрозаводский университет» сохранила лучшие традиции в освещении актуальных вопросов современной жизни Петрозаводского государственного университета, заложенные во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов.

*Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. Подпроект «Лаборатория “Философские, исторические и культурологические исследования”».

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] В круглых скобках указывается нумерация газеты «Петрозаводский университет» (ПУ): число, месяц и год издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрозаводскому государственному университету – 50 лет: [1940–1950] / Под ред. М. И. Шумилова, И. П. Покровской. Петрозаводск: Карелия, 1990. 302 с.
2. Сборник научных работ студентов Петрозаводского университета. Вып. 6. 1957. Петрозаводск: Государственное издательство КАССР, 1957. 132 с.
3. Страницы истории Петрозаводского государственного университета, 1940–2000 / Сост.-ред. М. И. Шумилов, И. П. Покровская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 540 с.
4. Шесть спортивных десятилетий Петрозаводского государственного университета: Учебно-метод. пособие / Под ред. Ю. С. Ланева, А. А. Липнина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 58 с.
5. 25 лет Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1965. 226 с.

Shorokhova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY AT THE END OF THE 1950s – FIRST HALF OF THE 1960s (FOLLOWING THE NEWSPAPER MATERIALS “PETROZAVODSK UNIVERSITY”)

The article is devoted to the 75th anniversary of Petrozavodsk State University. An important period in the history of the university associated with its internal reorganization, increase in the number of professional training areas, and improvement in the quality of higher education is considered. The article describes scientific, educational, social and cultural life of Petrozavodsk State University at the end of the 1950s – the first half of the 1960s. Particular attention is paid to the scientific research carried out by the university staff, annual scientific conferences conducted by the university students, defense of the PhD and Doctoral thesis by postgraduate students, and students’ involvement with practical training. The author emphasizes the high quality of the students’ research work and their active social life. A very close link between higher professional education and industrial needs of the Republic of Karelia is also revealed.

Key words: the scientific work of students, manufacturing practice pedagogical practice, students creative circles

REFERENCES

1. *Petrozavodskomu gosudarstvennomu universitetu – 50 let: [1940–1950]* [Petrozavodsk State University – 50 years: [1940–1950]] / Edited by M. I. Shumilov, I. P. Pokrovskay. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990. 302 p.
2. *Sbornik nauchnykh rabot studentov Petrozavodskogo universiteta. Vyp. 6. 1957* [Collection of scientific works of students of Petrozavodsk State University Edition 6. 1957]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel’stvo KASSR Publ., 1957. 132 p.
3. *Stranitsy istorii Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 1940–2000* [The pages of history of Petrozavodsk State University, 1940–2000] / Edited by M. I. Shumilov, I. P. Pokrovskay. Petrozavodsk, Izdatel’stvo PetrGU Publ., 2005. 540 p.
4. *Shest’ sportivnykh desyatiletiy Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Six decades of sports of Petrozavodsk State University. Teaching aid] / Edited by J. S. Lanev, A. A. Lipnina. Petrozavodsk, Izdatel’stvo PetrGU Publ., 2001. 58 p.
5. *25 let Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta im. O. V. Kuusinena* [25 years of Petrozavodsk State University named after O. V. Kuusinen]. Petrozavodsk, Karel’skoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1965. 226 p.

Поступила в редакцию 02.03.2015

Август, № 5 **Педагогические науки** **2015**

УДК 001:378:658

АЛЬФИЯ ИЛЬДУСОВНА ГАЗИЗОВА
доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков социально-гуманитарного отделения Набережночелнинского института, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Набережные Челны, Российская Федерация)
Alfgazva@mail.ru

В ПОИСКЕ ПУТЕЙ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА

Рассматриваются вопросы взаимодействия науки, образования и производства – решающего фактора развития инновационной экономики и повышения конкурентоспособности государства. В связи с ускорением темпов мирового развития наблюдается потребность в сравнительных исследованиях в данной области, осмыслении собственного опыта развития в сопоставлении с иным (зарубежным). Раскрыты особенности развития интеграционных процессов в Турции и России, формы и направления взаимодействия, основы перехода высшей школы Турции к качественно новой модели развития, усиление позиции и роли университетов в развитии научно-инновационного комплекса страны, обусловленные увеличением финансирования вузовской науки, выполнением большинства научных исследований в университетах и преимущественным вниманием к исследовательской деятельности. На фоне международных сопоставлений возможности воздействия российских вузов на ускорение темпов инновационного развития ограничены в силу недофинансирования вузовской науки, сокращения численности исследователей, недостаточной ориентации студентов на исследовательскую работу. Вопросы развития научного потенциала и капитализации научной репутации учреждений представлены актуальными в обеих странах и требующими принятия соответствующих мер. Изучение турецкого опыта развития высшей школы в условиях ее взаимодействия с наукой и производством обусловило выявление конструктивных идей, учет которых приобретает целесообразность при решении общих проблем, таких как активизация частно-государственного партнерства в профессиональной подготовке, формирование культуры качества, активизация международного сотрудничества в сфере науки и образования.

Ключевые слова: взаимодействие «наука – образование – производство», инновационная деятельность, научная продуктивность, вузовская наука, исследовательские кадры

Взаимодействие науки, образования и производства всегда являлось предметом серьезного внимания академических и государственно-политических кругов. Его роль в современном мире стала более значимой в связи с усиливающейся интеграцией мировой экономики, ориентацией многих государств на создание инновационного общества и повышение своей конкурентоспособности.

Россия также ориентирована на повышение международной конкурентоспособности и уделяет повышенное внимание вопросам взаимодействия науки, образования и производства, стимулируя эту связь финансово и поддерживая организационно. В последние 5–7 лет государство проявило высокую законодательную активность для придания приоритетного значения науке и научным и образовательным учреждениям (Постановления Правительства № 218, 219, 210 от 9 апреля 2010 г.).

При прямой государственной поддержке созданы федеральные университеты, многие вузы получили статус национальных исследовательских университетов, созданы современные ресурсные центры регионального и межрегионального значения, обновилась материально-техническая и информационная база значительного числа ведущих вузов России. С 2010 года наметилась активизация взаимодействия вузов с промышленностью, организациями фундаментальной и прикладной науки, в том числе в процессе создания совместных малых инновационных предприятий, что потенциально значимо для повышения рейтинга России по индексу общей конкурентоспособности. Согласно данным швейцарской организации «Всемирный экономический форум», Россия, в 2006 году на базе почти 200 различных показателей занимавшая 60-е место, опустилась в 2009 году на 63-е место и застыла на нем, в 2010 году пропустив такие страны, как Уругвай (64-е место), Шри-Ланка (62-е место), Турция (61-е), Словакия (60-е), Вьетнам (59-е). В лидирующей же группе прочно обосновались Швейцария, Швеция, Сингапур, США, Германия, Япония, Гонконг, Канада, Тайвань, Франция, значительный рывок сделал континентальный Китай [12; 1].

В условиях ускорения темпов мирового развития актуальной представляется проблема изучения опыта взаимодействия научно-образова-

© Газизова А. И., 2015

тельной и производственной систем в странах, которые имеют сходные с Россией цели и задачи. Обращение к зарубежному опыту, осмысление собственного опыта развития в сопоставлении с иным позволяет увидеть наиболее эффективные образцы взаимодействия, вариантов решений идентичных проблем, стимулирует возникновение новых идей и приоритетов для уточнения собственной политики и практики реформирования.

Учитывая особенности подходов в области сравнительных исследований, мы сосредоточили свое внимание на изучении взаимосвязи научно-образовательного и бизнес-секторов в Турции, входящей в группу двадцати крупнейших экономических систем мира (G-20). Турецкая и российская экономические системы переживают структурные преобразования, которые актуализируют повышение инновационной восприимчивости специалистов в практической деятельности, требований работодателей к качеству рабочей силы, ожиданий от выпускников вузов и ученых. Очевидно, для достижения конкурентного преимущества обеим странам необходимы вложения в качественное изменение высшей школы, проведение совместных исследований с бизнес-сообществом, развитие научной и технологической инфраструктуры.

Несмотря на схожесть поставленных целей, Турция демонстрирует более высокую динамику развития интеграционных процессов. Благоприятные условия и предпосылки в достижении конкурентного преимущества Турции связаны с рядом факторов, в числе которых: 1) развитие новых отраслей промышленности, 2) рост экономики и инициатив бизнес-сообщества в научно-исследовательской деятельности; 3) определение национальной инновационной политики и приоритетная поддержка государством инновационной деятельности через налоговые преференции, гранты, создание совместных центров; развитие инновационной инфраструктуры (технопарки и др.); финансирование научно-исследовательских проектов в промышленных целях; 4) активное участие в научных и экономических программах международных организаций (Всемирная торговая организация, Таможенный союз ЕС и др.); 5) рост числа университетов и развитие их исследовательской инфраструктуры [8].

Особенности национального контекста в сочетании с благоприятными факторами определили развитие разных форм взаимодействия. Среди них основная доля приходится на совместную научно-образовательную деятельность (научные проекты, тренинги, консультации, целевые образовательные программы, руководство диссертационными работами в условиях реального производства и др.), создание инновационной инфраструктуры (технопарки, инкубаторы); участие бизнес-сообщества в управлении вузами через институты попечительства, создание холдингами новых университетов, финансирование научных и образовательных проектов в промышленных целях. В Турции наблюдается повышение уровня соучастия делового сообщества (преимущественно крупные компании и современные предприятия) как в выработке инновационной политики, так и ее реализации посредством финансирования университетских исследований. Его удельный вес составляет 15–22 %, что значительно превышает аналогичные инвестиции в развитых странах (в сравнении с 8–14 % в Канаде, Бельгии, Германии) [8].

Стимулирование взаимодействия в Турции изначально связано с разнонаправленными госпрограммами и поддержкой деловым сообществом научных инициатив. Особенностями же российской практики являются преимущественно государственные финансовые вложения, отсутствие опережающего законодательного организационно-правового сопровождения, для большинства государственных программ характерна преимущественно отраслевая направленность [4]. В результате для инновационной сферы России характерны: низкая инновационная активность значительной части предприятий реального сектора экономики; дисбаланс в развитии и отсутствие экономического взаимодействия между отдельными элементами инновационной инфраструктуры и, как следствие, неэффективность механизмов трансфера знаний и новых технологий на внутренний и мировой рынки; низкая капитализация научных результатов и, как следствие, недостаточная привлекательность научных организаций и инновационно активных предприятий как объекта инвестиций и кредитования; неразвитость экономических и правовых механизмов введения результатов интеллектуальной деятельности в хозяйственный оборот [1; 175].

В процессах взаимодействия науки, образования и производства в России преобладает двухсторонняя интеграция (преподаватели занимаются научной работой, НИИ в составе университетов ориентированы на практическую реализацию идей, ряд вузов страны являются исследовательскими), а предпочтения выбора партнера по интеграции зависят от опыта взаимодействия и представлений об основополагающих видах деятельности партнера. Вузы и научные учреждения более склонны к интеграции друг с другом в фундаментальных сферах научной и образовательной деятельности; в прикладных сферах деятельности они отдают предпочтение производству. Производство отдает предпочтение науке в исследовательской сфере, а вузам – в образовательной.

Анализ зарубежного опыта между тем показывает, что эффективно трехстороннее взаимодействие, когда среди его участников выделяется ведущее звено, выступающее с инициативным предложением о создании трехсторонних дого-

воров, совместных центров или о сотрудничестве в рамках научно-образовательного комплекса. Инициатор в дальнейших взаимосвязях занимает главную позицию, определяя приоритетных партнеров и направления деятельности. Именно благодаря такому сотрудничеству многие университеты мира превратились в крупнейшие научно-инновационные центры, в консолидирующую силу, объединяющую интересы многочисленных промышленных, исследовательских и торговых фирм. Например, Оксфордский университет в Великобритании, являясь сравнительно небольшим вузом (17 тыс. студентов), связан более чем с 300 наукоемкими фирмами. Суммарный годовой доход этого учебно-научно-инновационного комплекса 5 млрд долл. Бюджет Массачусетского технологического института (10 тыс. студентов) – 1,83 млрд долл., при этом в его бизнес-окружение входят 4 тыс. фирм выпускников и сотрудников, чей доход составляет 480 млрд долл. [6].

В России традиция трехсторонних взаимодействий только начинает формироваться. Высшая школа наряду с другими инфраструктурами вынуждена изменить способ функционирования и инициировать взаимодействие с предприятиями, большинство из которых предъявляет очень небольшой спрос на научную продукцию и, инерционно предпочитая традиционный путь развития, не высказывает явного желания осуществлять инвестиции в научные разработки. Целевые ориентиры развития системы образования, обозначенные в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (формирование сети научно-образовательных центров мирового уровня, интегрирующих передовые научные исследования и образовательные программы; развитие интегрированных инновационных программ, решающих кадровые и исследовательские задачи развития инновационной экономики на основе интеграции образовательной, научной и производственной деятельности; становление системы привлечения работодателей к созданию образовательных стандартов и аккредитации образовательных программ; формирование национальной квалификационной структуры с учетом перспективных требований опережающего развития инновационной экономики и профессиональной мобильности граждан, обновление государственных образовательных стандартов и модернизация программ обучения всех уровней на базе квалификационных требований; создание в образовательных организациях органов самоуправления и др.), закономерно актуализируют вопросы повышения динамики развития высшей школы.

В Турции переход высшей школы к качественно новой модели связан с усилением позиции и роли университетов в развитии национального научно-инновационного комплекса. Несмотря на исторически сложившиеся трудности в развитии высшего образования (отсутствие фундаментальной науки, узкий сектор высшего образования, ориентация большинства университетов на обучение, многолетнее отсутствие системы обеспечения качества, ограниченная институциональная автономия и др.), наблюдается заметное улучшение наукометрических показателей турецких вузов и укрепление их позиций по суммарной научной продуктивности на поле глобальных образовательных рейтингов. Например, число ISI-публикаций в реферируемых международных научных журналах в 1998–2009 годах увеличилось в четыре раза и составило 25 264 [11], что поставило Турцию на 16-е место в рейтинге стран мира по продуктивности университетского сектора исследований. Россия же, согласно исследованиям Независимого рейтингового агентства в сфере образования НРА РейтОр (2009 год), в силу значительной концентрации исследований в РАН и государственных научных центрах, занимала лишь 30-е место и соседствовала с Ираном.

Положительная динамика взаимосвязана с внедрением проекта «Видение 2023» (2002–2004 годы), направленного на определение приоритетных направлений в области науки и технологий для создания преуспевающего общества к 2023 году или к 100-й годовщине Турецкой Республики, и обусловлена рядом факторов, прежде всего, увеличением финансирования вузовской науки. Следуя опыту развитых стран, где университеты как центры продвижения инновационного развития получают в среднем 17 % государственных ассигнований на разработки [5; 38], Турция большую долю расходов из всех источников на исследования также направляет университетам.

Другие факторы связаны с выполнением большинства научных исследований в университетах (нежели в институтах или в сфере производства), а также преимущественным вниманием к исследовательской деятельности. Последнее выражается в установлении прямой зависимости карьерного роста преподавателей от участия в исследованиях и, особенно, от числа персональных публикаций. Доля исследователей в системе высшего образования Турции составляет порядка 74 % – наивысший показатель среди стран ОЭСР [9]. Приоритет научной работы дает ощутимые результаты в плане количественных показателей, но имеет и отрицательные стороны (теоретическая ориентированность исследовательской работы, переход учебных функций вуза на второй план и др.).

В России обозначенные направления слабо развиты, несмотря на заметное изменение роли университетов на национальном и локальном уровнях. Выделение федеральных и исследовательских университетов создает благоприятные предпосылки для решения задач общенациональ-

ных инновационных проектов, большинство вузов становятся главным фактором развития своих регионов. Вместе с тем возможности воздействия вузов на ускорение темпов инновационного развития пока ограничены. Это обусловлено как традиционно неэффективным сотрудничеством с предприятиями, так и определенными различиями в специфике формирования каждой из систем, в числе которых: а) общая незаинтересованность со стороны профессорско-преподавательского состава университета; б) разные сроки исследования продукта: короткий и определенный – для промышленности, продолжительный и гибкий – для университета; в) разные цели деятельности: промышленность ищет практическое применение, повышает качество и производительность; университет ищет новые знания, новые теории; г) соображения конфиденциальности, сталкивающиеся с желаниями вуза публиковать результаты; д) нехватка требуемого оборудования в университетах.

На фоне международных сопоставлений видна недооценка значения развития науки в российской высшей школе. Большинство вузов реализуют приоритет образовательной деятельности, их вклад в науку представляется незначительным. Между тем в вузах работает треть, а если взять дипломированных научных работников (докторов и кандидатов наук), то половина всех ученых. Но они получают только 6 % средств, выделяемых государством на научные исследования, большая часть средств реализуется академической (РАН и другие академии) и прикладной (отраслевые исследовательские, конструкторские, проектировочные институты, опытные производства, лаборатории) сферами науки, хотя здесь создается 20 % научной продукции страны. Следовательно, эффективность вузовской науки, несмотря на недофинансирование, примерно в три раза выше [2].

Это во многом обусловлено укреплением вузовскими структурами своих позиций. Здесь объединяются и различные направления, и различные организационные формы, и государственное финансирование, и хоздоговорные научные разработки по заказам заинтересованных организаций. Необычную гибкость вузовской науки обеспечивают маститые ученые, ибо в последние годы наблюдается дефицит исследовательских кадров. Недостаточность стимулов к работе у молодежи и представителей среднего поколения, серьезное торможение профессиональной ротации приводит к старению кадров науки, замедляет развитие взаимосвязи в триаде «наука–образование–производство» в нашей стране.

Кадровый голод в экономике, и в особенности в сфере интеллектуальной деятельности, усугубляется неблагоприятной демографической ситуацией. Темпы притока молодежи в науку не увеличиваются. Сегодня доля исследователей в возрасте до 30 лет в большинстве научно-исследовательских учреждений в среднем не превышает 10 % от общей численности исследователей [1; 18]. Еще ниже доля исследователей (5–6 %) в возрасте до 30 лет в таких областях науки, как экономика, право, химия, химическая технология, геодезия, картография, география, астрономия, легкая, пищевая промышленность, биотехнология [1; 25].

По сравнению с 1990 годом к 2011 году численность исследователей в России сократилась в 2,6 раза – с 992,6 тыс. человек до 374,8 тыс. человек [1; 27]. Основное сокращение научного персонала произошло в 1995–2006 годах. В научных учреждениях образовался вакуум исследовательских кадров в возрасте до 40 лет. Общая численность персонала научно-исследовательских организаций, выполнявших исследования и разработки, уменьшилась на 24 %; в проектных и проектно-изыскательских организациях – на 32,5 %; на опытных заводах – на 65 %; в университетах и других вузах – на 12 %; на промышленных предприятиях – на 33 %. Исследования, проведенные Центром социального прогнозирования и маркетинга в 2005–2011 годах в масштабах РФ, свидетельствуют о доминировании следующих причин недостаточной эффективности работы научных учреждений: запаздывание технологической модернизации экономики → дефицит финансов для исследований → несовершенство администрирования науки → дефицит высококвалифицированных исследователей → неподготовленность менеджмента сферы науки к трансферу научной продукции в инновационное производство [1; 24].

Дефицит специалистов инновационного склада, умеющих органически вплести научное творчество в производство, актуализирует развитие новой модели профессиональной подготовки. В передовых странах основной прирост занятости определяется профессиями, где преобладает интеллектуальный труд. Там весьма эффективно действует цепочка «образование – наука – производство», где образованные молодые люди (бакалавры, магистры), приходя в науку, стремятся овладеть новыми знаниями и хотят их реализовать на конкретном производстве. Подобная система предполагает увеличение исследовательской составляющей в структуре подготовки специалиста, единства образовательной и научной деятельности (внедрение результатов исследований в процесс обучения), сотрудничество университетов и бизнес-сообщества в организации учебного процесса, стимулирование спроса на образование продвинутых циклов.

Вместе с тем в вузе и на этапе профессиональной ориентации студентов проявляется недостаточная ориентация на научную работу, привлечение к научному творчеству. В России доля имеющих склонность к научной работе студентов составляет в среднем 6–8 %, что является

в целом благоприятным показателем. Однако в науку в последующем идут не более 0,5 % выпускников [3; 222], ибо профессиональные планы студентов предопределены не общественной значимостью той или иной профессии, а ее престижностью и прибыльностью.

В Турции, несмотря на значительные достижения вузовской науки, также актуальны вопросы развития научного потенциала, приобщения студентов к исследовательской работе, увеличения количества исследователей, преимущественно с докторской степенью (лишь 0,17 % населения Турции имеют степень PhD, 0,55 % – степень магистра и 6,9 % – степень бакалавра (4 года) и ассоциированную степень (2 года) [7]), и капитализации научной репутации учреждений. Другие приоритетные направления в Турции связаны с обеспечением доступности и равенства образования, подготовки кадров в соответствии с требованиями рынка труда.

В свете ориентации Турции на инновационное развитие рост числа специалистов с научной степенью осуществляется по разным направлениям, в том числе: 1) направление магистров и докторантов на учебу в зарубежные вузы (включая программу «семестр в зарубежном вузе»); 2) развитие совместных магистерских и докторских программ с зарубежными университетами; 3) направление докторантов региональных вузов на учебу в ведущие университеты страны (система подготовки преподавателей для региональных вузов); 4) разработка новых магистерских и докторских программ и допуск к академическим должностям своих выпускников, которые продолжают исследовательскую деятельность.

Важно отметить, что стимулирование научно-исследовательской деятельности сопровождается ростом финансирования конкретных проектов. Научный и исследовательский совет Турции (TUBITAK) на конкурсной основе реализует программы (гранты на исследование и путешествие, научный обмен и материальное поощрение), направленные на признание результатов научной деятельности ученых. Министерство образования оказывает поддержку в организации международных научных конференций, публикации статей в зарубежных изданиях, реализации проектов в контексте рамочных программ, на институциональном уровне создаются внутренние системы поощрения исследований.

Компетентные специалисты определенно являются ключевым фактором развития инноваций. Несмотря на трудности в развитии интеграционных процессов, исследователи, работники высшей школы в Турции и России едины в том, что необходимо стимулировать финансирование бизнес-сектором научно-образовательных программ и смещать акцент в начало инновационного цикла, то есть в развитие образования и инвестиции в человеческий капитал, ориентируясь на подготовку кадров, склонных к новым знаниям и способных активизировать инновационную деятельность. А это, в свою очередь, обусловливает целесообразность переоценки высшей школой стратегий реформирования, координирования действий заинтересованных сторон (правительства, политических деятелей, государственных органов, частного сектора, академического и научного сообщества) для взаимовыгодного сотрудничества. Благоприятные предпосылки в Турции связаны с демографическими изменениями, а именно ростом числа выпускников школ, в отличие от их уменьшения в России, что требует соответствующих мер для развития интеллектуального потенциала.

Итак, становление высшей школы одним из ключевых элементов инновационной инфраструктуры требует исследования возможностей и способов ее адаптации к новым условиям с учетом общемировых тенденций развития общества. Поэтому актуальность и потребность в проведении сравнительных исследований, анализа научно-образовательной ситуации в Турции представляются все более очевидными. Изучение турецкого опыта может быть полезным в определении приоритетных направлений и решении многих общих проблем, таких как активизация частно-государственного партнерства в профессиональной подготовке (консультирование, научные проекты, целевые программы, тренинги, руководство диссертационными работами в условиях реального производства), наращивание исследовательского потенциала университетов (создание технопарков, инкубаторов) и формирование культуры качества (институциональная самооценка и внутривузовская система обеспечения качества, аккредитация технических программ в международных организациях), активизация международного сотрудничества в сфере науки и образования (совместные программы, приглашение зарубежных специалистов, усиление англоязычной подготовки) и др. В России, несмотря на неблагоприятные тенденции, связанные с недостаточно эффективными экономическими реформами, сохранились благоприятные, позволяющие развивать науку в высшей школе с учетом опыта зарубежных коллег. Они имеют глубокие исторические корни и давнюю традицию вклада высшей школы в развитие национального научного потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ: В 2 ч. Ч. 1 / Г. В. Осипов, М. Н. Стриханов, Ф. Э. Шереги. М.: ЦСПиМ, 2014. 364 с.
2. Взаимодействие науки, техники и производства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studopedia.net/7_31695_vzaimodeystvie-nauki-tehniki-i-proizvodstva.html

3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
4. Майбуров И. Высшая школа и промышленность: аспекты взаимоотношений // Вестник высшей школы. 2003. № 9. С. 3–9.
5. Партнерство университетов и бизнеса: опыт США: Информационно-аналитические материалы / Сост.: И. Г. Куфтырёв, М. И. Рыхтик. Нижний Новгород, 2011. 21 с.
6. Челнокова О. Ю. Возможности и ограничения интеграционного взаимодействия между вузами и бизнесом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sgu.ru/ sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/9.PDF
7. Erawatch country reports 2011: Turkey. JRC scientific and policy reports: European Commission. Luxembourg, 2013 / By S. Elci. Available at: http://www. kooperation-international.de/uploads/media/ERAWATCH.Country.Report.2011.Tuerkei.pdf
8. Gazizova A. From Turkey to Russia with love: a comparative study of higher education policy strategies in light of ongoing reforms // European Journal of Higher Education. 2012. Vol. 2. Nos 23 (June September). P. 198204.
9. Higher education in Turkey: trends, challenges, opportunities: Observations and Recommended Actions on the Higher Education System Based on Seventeen Institutional Evaluation Reports of Turkish Universities. EUA, 2008 / By J. Visakorpi, F. Stankovic, J. Pedrosa, et al. Available at: http://www.eua.be/fileadmin/user_upload/ files/Newsletter_new/EUA_Higher_Education_ Report_2008.pdf
10. Innovation policy in seven candidate countries: the challenges: Final Report. Vol. 2.7. Innovation Policy Profile: Turkey, 2003 / By S. Elci. Available at: http:// www.innovation.lv/ino2/publications/final_report/turkey_final_report_march_2003.pdf
11. Science, technology and innovation in Turkey: The Scientific and Technological Research Council of Turkey, 2011. Available at: http://www.tubitak. gov.tr/tubitak_content_files/BTYPD/arsiv/STI_in_Turkey_2010.pdf
12. The Global Competitiveness Report 2010–2011 / World Economic Forum, 2010. Available at: http://www3.weforum.org/docs/ WEF_GlobalCompetitiveness Report_2010-11.pdf

Gazizova A. I., Kazan Federal University (Naberezhnye Chelny, Russian Federation)

IN SEARCH OF WAYS FOR EFFECTIVE INTERACTION AMONG SCIENCE, EDUCATION AND INDUSTRY

The article examines the problem of interaction among science, education and industrial production as a decisive factor for the innovative economy development and for the increase of national competitiveness. Due to the accelerating rate of global development a need for a comparative research in this field increases. The research is essential for deeper understanding of our own development experience in comparison to the foreign one. The author considers characteristic features inherent to the development of integration processes taking place in Turkey and Russia. The forms and areas of possible cooperation are studied as well. The main principals of the Turkish higher education (HE) transition to a qualitative model of the stable development, enhancement of the universities' role in the promotion of the state scientific and innovative systems, caused by the enlargement of the University research funding are revealed. Low effectiveness of the Russian universities involvement into the process of innovative development acceleration is conditioned by the lack of research funding, reduction of scientific personnel, insufficient orientation of students towards research work. Efforts aimed at the development of the institutes' scientific potential and further capitalization of the institutions' scientific reputation are present in both countries. A research of the Turkish experience in the area of HE, its interaction with science and industry has led to the development of constructive ideas. They are instrumental in solving such common problems as promotion of active private-state partnerships in professional training, creation of quality culture, intensification of international cooperation in scientific and academic spheres.

Key words: science-education-production interaction, innovative activity, scientific efficiency, university science, research staff

REFERENCES

1. *Vzaimodeystvie nauki i proizvodstva: sotsiologicheskiy analiz: V 2 ch. Ch. 1* [The interaction of science and industry: a sociological analysis: In 2 parts. Part 1] / G. V. Osipov, M. N. Strikhanov, F. E. Sheregi. Moscow, TsSPiM Publ, 2014. 364 p.
2. *Vzaimodeystvie nauki, tekhniki i proizvodstva* [The interaction of science, technology and production]. Available at: http:// studopedia.net/7_31695_ vzaimodeystvie-nauki-tehniki-i-proizvodstva.html
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Molodezh'Rossii: sotsiologicheskiy portret* [Youth of Russia: sociological portrait]. Moscow, TsSPiM Publ., 2010. 592 p.
4. Mayburov I. Higher School and Industry: aspects of the relationship [Vysshaya shkola i promyshlennost': aspekty vzaimootnosheniy]. *Vestnik vysshey shkoly* [Bulletin of the Higher School]. 2003. № 9. P. 3–9.
5. *Partnerstvo universitetov i biznesa: opyt SShA. Informatsionno-analiticheskie materialy* [Partnership of universities and business: the US experience. Informational and analytical materials] / Comp. I. G. Kuftyrev, M. I. Rykhtik. Nizhnij Novgorod, 2011. 21 p.
6. Chelnokova O. Yu. *Vozmozhnosti i ogranicheniya integratsionnogo vzaimodeystviya mezhdu vuzami i biznesom* [Possibilities and limitations of integration and interaction between universities and business]. Available at: http://www.sgu.ru/ sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/9.PDF
7. Erawatch country reports 2011: Turkey. JRC scientific and policy reports: European Commission. Luxembourg, 2013 / By S. Elci. Available at: http://www. kooperation-international.de/uploads/media/ERAWATCH.Country. Report.2011.Tuerkei.pdf
8. Gazizova A. From Turkey to Russia with love: a comparative study of higher education policy strategies in light of ongoing reforms // European Journal of Higher Education. 2012. Vol. 2. Nos 23 (June September). P. 198204.
9. Higher education in Turkey: trends, challenges, opportunities: Observations and Recommended Actions on the Higher Education System Based on Seventeen Institutional Evaluation Reports of Turkish Universities. EUA, 2008 / By J. Visakorpi, F. Stankovic, J. Pedrosa, et al. Available at: http://www.eua.be/fileadmin/user_upload/ files/Newsletter_new/EUA_Higher_Education_ Report_2008.pdf
10. Innovation policy in seven candidate countries: the challenges: Final Report. Vol. 2.7. Innovation Policy Profile: Turkey, 2003 / By S. Elci. Available at: http:// www.innovation.lv/ino2/publications/final_report/turkey_final_report_march_2003.pdf
11. Science, technology and innovation in Turkey: The Scientific and Technological Research Council of Turkey, 2011. Available at: http://www.tubitak. gov.tr/tubitak_content_files/BTYPD/arsiv/STI_in_Turkey_2010.pdf
12. The Global Competitiveness Report 2010–2011 / World Economic Forum, 2010. Available at: http://www3.weforum.org/docs/ WEF_GlobalCompetitiveness Report_2010-11.pdf

Поступила в редакцию 28.04.2015

Август, № 5 **Педагогические науки** **2015**

УДК 37.01

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ШЕРЕХОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Института иностранных языков, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olmili@mail.ru

ПРИНЦИПЫ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖСУБЪЕКТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРАМАТИЧЕСКИХ ИГР*

Анализируется феномен «межсубъектная творческая деятельность» в контексте философско-антропологической концепции межсубъектной педагогики. Основное внимание уделяется описанию структурных компонентов межсубъектной творческой деятельности и принципов ее становления. На основе анализа философской и психолого-педагогической литературы предложено понятие «межсубъектная творческая деятельность», описывается процесс ее становления на основе использования драматических игр. Исследование сущности межсубъектной творческой деятельности позволяет сделать вывод о том, что она является высшей формой проявления творчества, которая предполагает не только создание нового в самых разнообразных сферах человеческой деятельности, но и оригинальность мышления, стремление к самосовершенствованию, возможность эффективного общения и творческого взаимодействия с другими людьми в новых обстоятельствах. Высшим уровнем проявления и развития межсубъектной творческой деятельности является межсубъектное бытие, интегрирующее в себе полифонизм, сопричастность происходящему, свободу творчества и возможность реализации себя как целостного человека.

Ключевые слова: межсубъектные отношения, межсубъектное творчество, драматические игры, принципы становления межсубъектной творческой деятельности, полифонизм, другодоминантность

Современная система образования, ориентированная на развитие человека, его творческого потенциала и создание предпосылок для дальнейшей самореализации в профессиональной деятельности, не всегда на практике отвечает данной цели. На протяжении многих лет отношения студентов определялись предметной деятельностью, тогда как в последнее время в образовательном процессе отечественной школы достаточно широко признана гуманистическая парадигма, которая предполагает взаимодействие участников в режиме диалога и сотворчества. Социально-экономические перемены требуют принципиально новых системы знаний и способов деятельности, обеспечивающих креативно активное участие субъектов в профессиональной и общественной жизни. Однако на практике возникают противоречия в первую очередь между потребностью общества в творчески мыслящих личностях, готовых к продуктивному взаимодействию с другими людьми в различных обстоятельствах, и преобладающей традиционной системой преподавания в вузе, не позволяющей в полной мере удовлетворить эту потребность; а также между неограниченной потребностью креативного человека в самоизменении, самоактуализации, саморазвитии и невыявленностью необходимых и достаточных условий для осуществления данных процессов в системе вузовской подготовки. Кроме того, студент должен не только овладевать знаниями, умениями и навыками, но и ориентироваться в разнообразных культурах, учиться выстраивать взаимоотношения с людьми, выбирать приемлемые стратегии взаимодействия при решении личностно и профессионально значимых задач в новых обстоятельствах. Только творчески ориентированное образование создает условия для воспитания неординарного человека, способного эффективно действовать и взаимодействовать с другими людьми в различных предметных сферах независимо от специальности, адекватно оценивать свои реальные и потенциальные возможности, конструктивно подходить к решению профессиональных задач, а также делать ценностный выбор.

На рубеже XX и XXI веков для достижения более высоких результатов в образовательной деятельности были разработаны и апробированы новые подходы к обучению, которые способствуют развитию творческого потенциала обучающихся. Современные исследователи в области педагогики и психологии (Д. Б. Богоявленская, Л. Б. Ермолаева-Томина, В. В. Горшкова, А. В. Морозов, А. Н. Попов и др.) рассматривают творчество как процесс, основным смыслом которого является самореализация человека, акцентируя внимание именно на человеке, а не на его материальных достижениях. Человек как субъект творчества вступает в сложные отношения с окружающими его людьми, с обстоятельствами и с самим собой. На всестороннее развитие чело-

© Шерехова О. М., 2015

века влияет не только предметная деятельность, но и общение. Поэтому сегодня одним из условий всестороннего развития личности студента, его субъектности и креативности является интерактивное взаимодействие преподавателя и студентов [2]. Важнейшая особенность такого взаимодействия – «способность педагога и учащихся “принимать роль другого”, представлять, как их воспринимает партнер по общению и соответственно интерпретировать педагогическую ситуацию, конструировать собственные действия» [2; 95]. Основными характеристиками интерактивного обучения являются процессуальность, деятельность, общение, диалог, возможность смыслотворчества, проблемность, рефлексия и др. Будучи альтернативой традиционному обучению, «интерактивное взаимодействие результирующим признаком имеет межсубъектные отношения участников педагогического процесса, что определяет восприятие ими друг друга как полноправных участников этого процесса, как неповторимых индивидуальностей, осознающих свою собственную типологию» [2; 95]. В философско-педагогической литературе (Г. С. Батищев, А. А. Бодалев, В. В. Горшкова, М. С. Каган и др.) межсубъектные отношения рассматриваются как свободные равноправные взаимодействия уникальных партнеров единого коллективного деятельностного процесса, опосредованные объектом. Эти отношения основаны на внутреннем принятии и нравственном обогащении друг друга, благодаря чему развивается своеобразная культура существования людей в современном мире. Логика самого бытия человека является «междусубъектной» (Г. С. Батищев), так как внутри себя оно «проникнуто общительностью, взаимностью и сопричастностью с другими» [1; 27]. Действительно, с одной стороны, человек, вступая в межсубъектное взаимодействие с другими людьми, вовлекается в особые «полифонические» отношения с окружающим его миром «без преобладания, без привилегий, без монополии для одних и без отрицания других». С другой стороны, в процессе этого взаимодействия человек получает уникальную возможность саморазвития, самореализации и духовного роста.

Основываясь на мнении о том, что творчество – это «взаимодействие, ведущее к развитию» (Я. А. Пономарев), в процессе которого происходит продуцирование новых ценностно-смысловых взаимоотношений между субъектами, проанализируем его становление с позиций межсубъектной парадигмы. Принимая во внимание тот факт, что межсубъектная творческая деятельность является высшей формой совместной деятельности, выделим ряд ее структурных компонентов. Во-первых, предполагается присутствие общей цели, реализация которой подразумевает организацию самого процесса и определяет задачи для каждого члена группы. Во-вторых, в качестве результата выступает совместный продукт, в создании которого принимают участие все субъекты творческой деятельности. В-третьих, в процессе межсубъектного творчества доминирующую роль играет личностная мотивация, но даже при наличии самых разнообразных мотивов у человека мы можем наблюдать их соотношение с мотивами остальных участников процесса в силу осознания значимости деятельности, необходимости создания единого продукта и принятия каждого как равноправного субъекта.

Основным компонентом межсубъектной творческой деятельности являются межсубъектные отношения, благодаря которым взаимодействующие субъекты не лишают друг друга уникальности, своеобразия, не навязывают свое восприятие и отношение к миру. В ходе межсубъектного взаимодействия, с одной стороны, эта система отношений трансформируется на более высокий уровень – межсубъектную творческую деятельность, в которой проявляются все ценные качества субъекта и актуализируется его творческий потенциал. С другой стороны, именно в процессе межсубъектного творчества происходит становление равноценностных отношений, которые являются его результатом, как и совместно созданный продукт. Высшим уровнем проявления и развития этих отношений и межсубъектной творческой деятельности является межсубъектное бытие, интегрирующее в себе полифонизм, сопричастность происходящему, свободу творчества и возможность реализации себя как целостного человека. Таким образом, межсубъектная творческая деятельность в данном контексте может рассматриваться как постоянно обновляющийся, непосредственно развивающийся живой процесс взаимодействия уникальных, равносвободных, равноответственных субъектов, целенаправленно совершенствующих себя, друг друга и окружающую действительность, постоянно выходя за пределы достигнутого, поднимаясь на новые уровни отношений с другими участниками образовательного пространства и вовлекая их в творческое взаимодействие, продуктом которого являются не только материальные объекты или интеллектуально-образные идеи, но и отношения глубинной духовности между внутренне принимающими друг друга субъектами.

В процессе межсубъектной творческой деятельности передача преподавателем знаний и умений, организация сотрудничества со студентами, регуляция их поведения и управление своим происходят в процессе живого и непосредственного общения. Овладение иноязычным общением в рамках вузовского обучения способствует созданию условий для творчества, а использование интерактивных методов создает благоприятные предпосылки для становления межсубъектной творческой деятельности. Дра-

матические игры, в основе которых находится игровое моделирование, подразумевающее воссоздание моделей реальной действительности и системы отношений, а также возможность разрешения проблем, конфликтов и противоречий в специально организованных ситуациях, являются одним из методов интерактивной педагогики, посредством которых возможна активизация познавательной деятельности обучающихся и обеспечение условий для творчества. Интегрируя драматические игры в образовательный процесс вуза, мы создаем предпосылки включения преподавателей и студентов в межсубъектное творчество, так как участие в играх способствует формированию субъектных качеств человека, актуализации его креативной позиции, развитию потребности к творчеству и изменению отношения к себе и окружающим.

Межсубъектная творческая деятельность в образовательном процессе вуза будет протекать успешнее и эффективнее при соблюдении ряда основных принципов:

1. *Принцип презумпции субъектности.* Субъектность представляет собой в первую очередь отношение человека к себе как к деятелю. Это способность, которая обеспечивает «возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия. Структурно субъектность личности представлена шестью атрибутами: активность, автономность, целостность, опосредствованность, креативность, самоценностность» [4]. Отношение человека к окружающему миру в соответствии с собственным опытом, целями, эмоциями, ценностями и потребностями определяет избирательность и направленность его деятельности с целью реализации своей субъектной сущности. Реализация данного принципа возможна при условии вовлечения студентов в совместную творческую деятельность, в данном случае – в игровую, которая протекает с учетом индивидуальных особенностей, субъектного опыта и зон творческого развития каждого участника и коллектива в целом. В процессе игры происходит формирование позитивного отношения к окружающей действительности, другим людям и себе, определяющего направленность деятельности субъекта. Здесь представляется значимым, с одной стороны, развитие у обучающихся умения самостоятельно управлять процессом совместной творческой деятельности с учетом субъектности партнеров, с другой стороны, совершенствование преподавателем собственных ресурсов по организации творческого взаимодействия со студентами, основанного на взаимопринятии друг друга. Данный принцип реализуется на уровне совместной практической деятельности, предполагает создание диалогов, различных речевых ситуаций, сюжетов по заданной теме в ходе обучения иностранному языку. Высказывания в форме импровизации, сочинения на неординарные темы, сказки, переводы стихов и отрывков из произведений, презентации – все эти продукты творчества создаются на данном уровне. В процессе этой деятельности происходит формирование способности контролировать собственное эмоциональное состояние и воспринимать эмоциональное состояние партнеров, наблюдать, доверять и ставить себя на место другого.

2. *Принцип диалектики творческой свободы и ответственности.* В процессе межсубъектной творческой деятельности индивид выступает как свободный и ответственный субъект, обладающий развитым чувством собственного достоинства. Субъект, будучи ответственным за свои поступки перед самим собой, предвидит последствия своих действий, а поэтому может их своевременно корректировать. Ответственность предполагает уверенность в своих силах, определяет стратегию действий и поведения субъекта. В процессе межсубъектной творческой деятельности чувство ответственности значительно повышается, так как усилия каждого участника направлены на достижение общих целей. С одной стороны, сообщество доверяет личности, не предполагая контроля над ней и предоставляя полную свободу действий. С другой стороны, человек, беря на себя ответственность, гарантирует сам себе определенную степень свободы и независимости, что дает ему возможность выбирать стратегии поведения, способы и средства достижения целей.

Данный принцип подразумевает организацию образовательного процесса на основе свободного выбора собственных решений, ответственности и уважения точки зрения каждого участника совместной деятельности. Он обеспечивает свободу целеполагания участников межсубъектной творческой деятельности, а также выбор средств и приемов их достижения, что позволяет создавать наиболее благоприятные условия для самосозидания, самовыражения и самоактуализации субъектов образовательного процесса. Организация совместного обсуждения предстоящей деятельности, согласование плана и выбор средств и способов решения задач должны происходить в ситуации психологического равноправия преподавателя и студента, где учитывается мнение каждого участника процесса, принимается его точка зрения на проблему и способ ее решения. Данный принцип может реализоваться на уровне проектной деятельности, предполагающей создание совместных проектов: постановку драматизаций, разработку видеороликов, методических материалов на иностранном языке, использование которых находит применение в дальнейшей учебной работе. Здесь же происходит формирование организационных и коммуникативных умений: планирование деятельности, определение логики действий, установление контактов с партнерами с учетом их уникальности и значимости.

3. *Принцип диалогической непрерывности* подразумевает поэтапное построение межсубъектной творческой деятельности с учетом непрерывности и преемственности ее содержания и форм, а также с опорой на межпарадигмальную реальность диалога, избегающую воздействия на Другого. Творчество педагога не может оставаться на индивидуальном уровне, совершаться автономно, а должно охватывать все образовательное пространство. Это значит, что преподавателю – участнику творческой деятельности необходимо вовлекать в этот процесс не только студентов, но и своих коллег. Преемственность и непрерывность творческого процесса достигаются только на уровне диалога, подразумевающего сотрудничество и возможность конструктивных компромиссов всех членов педагогического сообщества. Реализация принципа происходит на уровне социально-практической деятельности, которая является значимой и полезной не только для студентов, но и для всего общества. Творчество предполагает создание совместного продукта, применение которого возможно в данном коллективе и в других сообществах, здесь также формируется креативный подход к будущей профессиональной деятельности.

4. *Принцип полифонизма* находит свое отражение в онтологическом подходе к организации образовательного процесса с учетом уникальности и самобытности человека, что подразумевает сопряжение «единства разностей» как способа удовлетворения духовных потребностей всех участников. Групповое и межгрупповое взаимодействие студентов и преподавателя как равноправных субъектов творческой деятельности (драматические игры: драматизации, театрализации; участие в вузовских и межвузовских мероприятиях) не только повышает мотивацию к творчеству, но и создает ситуацию взаимного принятия друг друга и творческого содружества. Стремление креативных субъектов к общению с другими участниками образовательного процесса на уровне диалога, полифоничного взаимодействия, а также сочетание их созидательных способностей обеспечивают создание творческого «ансамбля» в сообществе. Кроме того, каждый субъект характеризуется внутренним полифонизмом, раскрытие которого позволяет познать и понять самого себя, выявить свои внутренние потенции, что является непременным условием принятия духовного мира Другого. Данный принцип реализуется на уровне бытийной реальности, который характеризуется развитием особого типа творческого мышления, позволяющего субъекту включиться в постоянно обновляющийся процесс творчества, испытывать потребность в созидании, не только адаптироваться к готовым условиям организации творческой деятельности, но и самому творить эти условия.

5. *Принцип другодоминантности.* В процессе творческой деятельности возникают возможности самопознания, самоактуализации и самореализации ее субъектов, но в условиях становления межсубъектного творчества приоритетное место занимает принцип другодоминантности, когда «доминирует не САМО, а ДРУГО». Индивидуальные и групповые задания (групповые и межгрупповые драматические игры, совместные проекты) в активном сотрудничестве с преподавателем способствуют формированию рефлексивных и эмпатийных умений: ставить себя на место Другого, слушать и слышать Другого, сопереживать, сочувствовать, учитывать индивидуальное своеобразие каждого. Человек в процессе самоопределения и самореализации посвящает свои достижения Другому, равному себе, такому же значимому и уникальному в данном пространстве. Это происходит потому, что отношения с Другим позволяют субъекту проблематизировать себя, выступать за свои пределы, преодолевать свою самодостаточность, обретать свободу, «вышелушивать Другого и себя из скорлупы отчуждения, снимать с моего и его ”Я” социальную маску» (М. М. Бахтин). Другодоминантный субъект умеет предпочитать Другого себе, не теряя при этом собственного «Я». Другими словами, «”Я” существую для “ТЫ”, но не становлюсь им» (М. М. Бахтин). Реализация данного принципа способствует зарождению нового отношения не только к членам группы и самим себе, но и к обществу в целом, к окружающим людям и культурам.

Таким образом, реализация принципов становления межсубъектной творческой деятельности происходит в первую очередь в процессе сотрудничества и сотворчества всех участников образовательного процесса в режиме диалога. Использование драматических игр создает благоприятные условия для изменения стиля взаимодействия участников процесса и позволяет субъектно интериоризировать образовательный материал посредством моделирования ситуаций и проектирования способов действий в условиях предложенных моделей. Участие в драматических играх не только дает возможность человеку проявить свои субъектные качества, креативные способности и уникальные возможности в конкретном образовательном пространстве, но и способствует более качественной подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности, формированию творческого подхода к разрешению практических задач и взаимодействию с другими людьми.

Становление межсубъектной творческой деятельности подразумевает полифоническую организацию процесса образования, обеспечивающего отдаленные перспективы онтогенеза каждого человека в разнообразных социокультурных пространствах и контекстах. При этом соблюдаются принципы презумпции субъектности, диалектики творческой свободы и ответственности, диалогической непрерывности, полифонизма

и другодоминантности. Будучи участником межсубъектной творческой деятельности, субъекты образовательного процесса не только достигают значимых результатов обучения и воспитания и актуализируют свою креативную позицию, но и переходят на новый уровень отношений с окружающими людьми, миром и самими собой. Данные изменения позволяют человеку проявлять свою креативность в разнообразных сферах жизнедеятельности, внося таким образом качественные изменения в социально-культурную жизнь общества.

*Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. 464 с.
2. Кашелев С. С. Педагогические условия развития субъектности студента в педагогическом процессе вуза // Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному обучению. Минск, 2002. 258 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://charko.narod.ru/tekst/sb_2002/09-Kashlev.htm
3. Липаева О. Становление межсубъектной творческой деятельности в образовательном процессе вуза на основе использования драматических игр: Дисс. … канд. пед. наук. Петрозаводск, 2008. 219 с.
4. Попов А. Н. Современные подходы к понятию творческой деятельности аспирантов. Тольятти, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media60239/11_Popov.pdf
5. Щукина М. А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: Дисс. … канд. психол. наук. Тюмень, 2004. 168 с.

Sherekhova O. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PRINCIPLES OF INTERSUBJECTIVE CREATIVE ACTIVITY DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF HIGHER EDUCATION BASED ON DRAMA GAMES

The article deals with the analysis of “intersubjective (collaborative) creative work” phenomenon in the concept of philosophical anthropology of intersubjective pedagogy. A detailed description of all structural components of the studied intersubjective creative activity and principles of its realization are provided. Based on the analysis of philosophical, pedagogical and psychological literature a new definition of the term “intersubjective creative work” is introduced. Special consideration is given to the stages of its development facilitated by the use of drama games. The understanding of the essence of intersubjective creative work phenomenon infers that it includes both the process of creating new products in different spheres of life and the process of unconventional thinking skills’ development. It also contributes to the enhancement of self-improvement skills and promotes creative cooperation, which is instrumental in the establishment of effective communication with people in different environment. The highest level of intersubjective creative work development and its realization are approached as an intersubjective reality, which includes poliphonism, deep involvement with current events, freedom of creativity, and an opportunity for personal realization.

Key words: intersubjective relations, intersubjective (collaborative) creative work, drama games, principles of intersubjective creative work realization, poliphonism, other-domination

REFERENCES

1. Batishchev G. S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to Dialectic of Creativity]. St. Petersburg, 1997. 464 p.
2. Kashelev S. S. Educational conditions of students’ subjectivity development in university educational process [Pedagogicheskie usloviya razvitiya sub’’ektnosti studenta v pedagogicheskom protsesse vuza]. *Universitetskoe obrazovanie: ot effektivnogo prepodavaniya k effektivnomu obucheniyu.* Minsk, 2002. 258 p. Available at: http://charko.narod.ru/tekst/sb_2002/09-Kashlev.htm
3. Lipaeva O. M. *Stanovlenie mezhsub”ektnoy tvorcheskoy deyatel’nosti v obrazovatel’nom protsesse vuza na osnove ispol’zovaniya dramaticheskikh igr: Diss. ... kand. ped. nauk* [Intersubjective creative work realization in the process of higher education based on drama games usage PhD. ped. sci. diss.]. Petrozavodsk, 2008. 219 p.
4. Popov A. N. *Sovremennye podkhody k ponyatiyu tvorcheskoy deyatel’nosti aspirantov* [Modern approach to the concept creative activities for resident]. Togliatti, 2010. Available at: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media60239/11_Popov.pdf
5. Shchukina M. A. *Osobennosti razvitiya sub”ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste: Diss. ... kand. psikhol. nauk* [Special aspects of subjectivity development in adolescence PhD. psychol. sci .diss.]. Tyumen, 2004. 168 p.

Поступила в редакцию 22.07.2014

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 81.161.1'373.2+81'27

НИНА ВИКТОРОВНА БУБНОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка специального факультета, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского (Смоленск, Российская Федерация)
85ninochka67@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ «ЛЕТОПИСЬ» РЕГИОНА – ОСНОВА ОБЪЕКТИВНОГО ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Актуальность статьи, содержащей один из подходов к исследованию национального ономастикона посредством предварительной масштабной ономастической работы на региональном уровне, особенно очевидна в современных условиях глобализации, приводящей к нивелированию историко-культурных особенностей различных этносов. Тезис о том, что именно оним является одним из главных носителей богатейшей информации о жизни народа, является аксиоматичным для современной ономастики, следовательно, национальный ономастикон представляет собой средоточие национально-культурных ценностей. На региональном уровне способность имени собственного аккумулировать многоплановую информацию о культуре и истории народа в его прошлом и настоящем приобретает особое значение, поскольку немалая часть такой информации закодирована в местных именах и названиях, нередко существующих только в устной форме. Происходящее сегодня массовое исчезновение деревень, важнейшей среды бытования региональных онимов, ставит перед исследователями безотлагательную задачу сбора и сохранения регионального ономастического материала. На решение обозначенной проблемы на примере смоленского региона направлен предлагаемый нами проект, основная цель которого – создание полного лингвистического и лексикографического описания ономастикона Смоленского края, для чего необходима реализация следующих задач: сбор ономастического материала, его систематизация и лексикографическое представление. В ходе реализации проекта были проведены полевые экспедиции, в которых основными методами исследования послужили интервьюирование и анкетирование информантов. При обработке полученного ономастического массива использованы компьютерные методы; на заключительном этапе работы основными стали аналитический и описательный методы. В результате была составлена картотека, содержащая более 8000 ономастических единиц; создана форма электронной Базы данных, позволяющей оптимально обрабатывать материал; разработаны основные принципы построения регионального ономастического словаря с позиций антропоцентрического направления современной лексикографии. Предложенный нами подход может быть использован учеными-ономастами других регионов России, что впоследствии составит основу для объективного описания национального ономастикона.

Ключевые слова: имя собственное, национальный ономастикон, ономастическая перепись региона, ассоциативно-культурный фон, региональный ономастический словарь, языковая личность

Изучение имени собственного как культурного знака (В. Д. Бондалетов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова, В. А. Никонов, Е. С. Отин, А. В. Суперанская, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров и многие другие) приобретает особую актуальность в начале XXI века, когда общеглобалистские процессы становятся все более стремительными. Именно в ониме, основная задача которого, по определению Л. А. Булаховского, «останавливать внимание на индивидуальном, извлекать его из множественного, противопоставлять множественному» [4; 17], сосредоточено историко-культурное своеобразие этноса. Следовательно, исследование ономастических единиц и лексикографическое описание национального ономастического пространства способствует сохранению национально-культурной самобытности – основы существования этноса в современном поликультурном пространстве. Как отмечает, в частности, К. М. Нубарян, «изучение имен представляет собой перспективное поле деятельности для лингвистов, так как имеется обширный материал для исследований. В свете актуальных для рубежа тысячелетий направлений языковедческой науки – антропоцентрического, лингвосоциокультурного, когнитологического, неориторического и др. – массив накопленного эмпирического материала может и должен быть рассмотрен на новом теоретическом уровне, в качестве своего рода “координатной сетки” лингвосоциокультурного пространства самоактуализации того или иного этноса» [8; 186]. При этом, по замечанию Е. Л. Березович, декларирования факта о культурно-исторической

© Бубнова Н. В., 2015

ценности собственных имен недостаточно, «необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастикона того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации» [1; 128].

Обширный общерусский ономастикон сформирован совокупностью региональных систем онимов, начиная от «столичных» московского и петербургского и заканчивая «провинциальными» ономастиконами Красноярского края на севере и Дагестана на юге, Калининградской области на западе и Чукотского автономного округа на востоке. На наш взгляд, предварительное детальное изучение региональных ономастических систем во многом способствует последующему объективному описанию национального ономастического пространства по принципу «основание и вершина айсберга». Кроме того, «исследование проблем функционирования ономастических единиц в языковом пространстве региона, когда необходимо учитывать пространственно-географические характеристики территории, на которой создавался текст, соотношение общепринятых и региональных черт русского языка в текстах, авторами которых являются уроженцы данной местности, находится в русле функциональной парадигмы как основной черты современной лингвистики» [5; 32–33].

В современных отечественных ономастических исследованиях региональное направление занимает весьма существенное место. Оно отражено в работах А. К. Матвеева, Е. Л. Березович, М. В. Голомидовой, Т. Н. Дмитриевой, М. Э. Рут (Екатеринбург); В. И. Супруна, И. В. Крюковой (Волгоград); И. И. Муллонен, О. Л. Карловой, И. А. Кюршуновой (Петрозаводск); Ю. И. Чайкиной, Л. Н. Монзиковой, Е. Н. Варниковой (Вологда); Г. Ф. Ковалёва, С. А. Попова (Воронеж); А. А. Ворожбитовой, А. С. Зубцова (Сочи); Л. И. Дмитриевой, А. С. Щербак (Тамбов); Л. А. Климковой (Арзамас); Р. Ю. Намитоковой (Майкоп) и многих других ученых из разных регионов России.

Важное место в структуре общерусского ономастикона принадлежит ономастической системе Смоленского края с его богатой историей и культурой, которые формировались и формируются в условиях особого географического и административно-политического положения Смоленщины. Вопросы смоленской ономастики рассматриваются в работах местных историков, географов, филологов, краеведов, в числе которых Е. А. Шмидт, Б. Н. Перлин, Б. А. Махотин, А. С. Кремень, В. С. Картавенко, И. А. Королёва, В. А. Королькова, И. В. Данилова, Д. В. Бутеев, О. Н. Бойцов, А. Н. Соловьев и др. При этом основное внимание исследователей уделяется изучению отдельных разрядов онимов (как правило, антропонимов и топонимов).

Идея общеобластного масштабного проекта «Ономастическая летопись Смоленщины», предполагающего описание разных разрядов онимов, была обозначена нашим научным руководителем (ныне консультантом) профессором Н. А. Максимчук на первой конференции «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования» в 2008 году. По замыслу автора, проект «Ономастическая летопись Смоленщины» должен включать в себя три основных компонента:

I. *Организационный компонент*: для формирования многочисленного коллектива заинтересованных участников проекта, работа которых будет организована, структурирована и координирована единым центром, необходимо: создать Смоленское ономастическое общество (СОО), определить правила и условия вступления в него; сформировать координационный научно-исследовательский центр СОО, определить его структуру и задачи; определить структуру СОО (координационный центр – районное отделение – местное отделение), сформулировать задачи каждого структурного подразделения.

II. *Содержательный компонент*: содержание проекта определяется основной целью – выявить, систематизировать и описать имена собственные, характеризующие Смоленский край в его прошлом и настоящем; в ономастическом описании Смоленщины можно выделить несколько направлений, каждое из которых будет иметь свою структуру:

– Административно-территориальное направление: предполагает описание имен, принадлежащих административно-территориальным объектам разного уровня (деревня (село, поселок) – округ – район – город – область). Следует отметить, что разработка строго регламентированной программы сбора материала в данном случае не предусмотрена: последовательность или параллельность в описании онимов отдельных территорий на начальном этапе определяется интересами и возможностями участников проекта (их территориальной принадлежностью, наличием / отсутствием исходных материалов и т. д.).

– Тематическое направление: формируется разрядами онимов, подвергающихся описанию (антропонимы, топонимы, эргонимы, хрематонимы и др.). Представляется, что более продуктивным на первом этапе будет описание топонимов и микротопонимов, однако выбор может быть сделан индивидуально в каждом конкретном случае. Поскольку топоним функционирует в географическом пространстве региона, в ходе полевого сбора материала мы старались осуществлять привязку микротопонимов к крупномасштабной топографической карте. Названия административно-территориальных единиц Смоленщины за последние 20 лет менялись четырежды; вместе с названиями менялись и количество таких единиц, их территория и состав. В такой ситуации представляется более информативным для ха-

рактеристики мелких объектов прямое указание ближайшего более крупного населенного пункта (который, как правило, и является или являлся административным центром этой территории). В целом вопрос о способе указания местонахождения объекта является неоднозначным при лингвокраеведческом описании: обычно указывается расстояние от точки отсчета по прямой. В нашем случае указывается расстояние в соответствии с существующими в районе транспортными маршрутами, то есть то расстояние, которое должен проделать путник из центра до нужного места (см. подробнее [7]).

III. *Исполнительский компонент*: зависит от эффективности избранного алгоритма действий и включает в себя несколько этапов:

– Подготовительный этап: формирование регионально закрепленных исследовательских групп, включающих жителей описываемой территории и специалиста-координатора; формулировка подробных инструкций по сбору и фиксации материала, касающегося различных типов имен собственных; разработка типовых схем описания онимов.

– Накопительный (полевой) этап: предполагает работу с информантами – жителями описываемого края. На этом этапе можно также рекомендовать работу с краеведческой литературой (если таковая имеется) для использования представленных в ней сведений в качестве стимулирующих вопросов.

– Этап обработки собранных материалов: осуществляется в двух формах – первичная обработка с расшифровкой всех записей должна проводиться в день опроса, а окончательная обработка – после завершения сбора материала на определенной территории, она представляет собой последовательное описание всех выявленных объектов ономастической номинации в соответствии с типовой схемой описания онимов соответствующего разряда. Полученное описание может быть дополнено имеющимися в литературе сведениями об объекте. Проверенные материалы фиксируются в специально созданной электронной базе данных в программе Microsoft Office Access. Следует отметить, что разработка объемных и многофункциональных электронных баз данных является одной из отличительных черт школы профессора Н. А. Максимчук. База данных – это удобный практический инструмент объективного анализа объема и качественного состава исследуемого материала: это гибкая система извлечения необходимой информации в самых различных комбинациях и с различной степенью полноты, зависящих от информационных и учебно-методических запросов (см. подробнее [3]).

– Завершающий этап: включает подготовку материалов к публикации и ее осуществление. Публикация ономастических материалов должна осуществляться постепенно, по мере их подготовки. Первоначально это могут быть тематические выпуски, отражающие онимы определенной территории. Итогом работы по ономастике отдельного района может стать районный ономастический словарь, дающий максимально полное представление обо всех выявленных ономастических единицах. На областном уровне в отдельные выпуски могут объединяться на тематической основе онимы разных районов с учетом их повторяемости (см. подробнее [6]).

Первой частью общеобластного масштабного проекта «Ономастическая летопись Смоленщины» стал реализованный нами в 2012 году при поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект «Ономастическая перепись Смоленского края: русско-белорусское пограничье» (№ 12-04-18014). Богатство и разнообразие исторических, культурных, языковых особенностей Смоленского края, которые складывались под влиянием его географического и административно-политического положения, определили на долгие века пограничный статус Смоленщины. Наиболее ярко эти особенности характеризуют территорию смоленско-могилевского порубежья, где на протяжении веков во взаимодействии многочисленных межъязыковых, межгосударственных, межкультурных, межнациональных контактов формировалась русская языковая личность жителя порубежья.

В соответствии с выбранным для проекта направлением – полевые исследования (русско-белорусское пограничье) – были охвачены экспедициями пограничные районы Смоленщины: Велижский, Ершичский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский. К исследованию привлекался также Рославльский район, сегодня не имеющий границ с Белоруссией, но связанный с нею исторически через Шумячский район: до 1929 года значительная часть современного Шумячского района входила в Рославльский уезд, другая его часть принадлежала Климовичскому уезду Могилевской губернии.

Основными методами исследования послужили интервьюирование и анкетирование информантов. При работе с информантами фиксировалась как языковая, так и внеязыковая информация об объекте. Помимо сбора ономастической лексики, в программу экспедиций включались: запись встречающихся диалектных слов, запись сопутствующих сведений этнографического и фольклорного характера, встречи со школьниками, учителями, работниками библиотек, краеведами. В ходе работы нами фиксировались точные сведения об информанте (фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения и проживания).

При фиксации материала использованы диктофоны и таблицы, содержащие следующие основные параметры для описания имени собственного (так называемый «паспорт» онима):

- оним / имя собственное / ономастическая единица;
- вид объекта (река, хутор, поле и т. д.);
- официальность / неофициальность онима;
- история названия (в данном случае в базах данных нами фиксировалась как народная интерпретация имени (преимущественно для неофициальных наименований), так и научная этимология, восстановленная по материалам имеющейся краеведческой литературы);
- время существования имени;
- ближайший населенный пункт (что обеспечивает ту самую привязку онима к топографической карте Смоленского региона).

Следует отметить, что особую ценность представляют собранные нами неофициальные наименования, нигде ранее не зафиксированные. Приведем примеры онимов, полученные нами при работе в д. ЛУжная (здесь и далее в качестве графического средства передачи постановки ударения будем использовать прописную букву) Ершичского района с информантом Марией Кузьминичной Братушкиной, 1920 года рождения. Попутно отметим, что диалог с нами информант начал с поэтических строк, автором которых является ее мать, также жительница данной деревни: Время льется так, как речка, / Год проходит так, как час. / Человек живет, как свечка: / Ветер дунул – он погас… (эти строки еще раз показывают важность обозначенной нами проблемы: вместе с человеком уходят и «гаснут» его знания, в том числе ономастические знания, представляющие особую линвокультурологическую ценность).

Само название деревни – ***ЛУжная*** – официальный местный оним, однако нигде не зафиксирована история названия, которую мы узнали от информанта. Здесь и далее полученные от информантов сведения выделены курсивом (языковое оформление максимально сохранено): *давно в этом месте жили четыре брата* (фамилию информант не помнит)*, трем из которых дали земли, а один пошел по свету белому скитаться, набрел на лужицу, напился воды, развел огонь, наелся картошки и пошел да и рассказал братьям, что нашел такую лужицу. Братья, чтобы он им не мешал, помогли ему разбить у этой лужицы десятину земли, и он стал тут обживаться. Потом еще народ поселился, так и возникла деревня. На этом месте и сейчас всегда стоит лужа, ее засыпАли камнями, но она не исчезает.*

Примером онима, имеющего официальное и неофициальное название, может стать название местной церкви – ***ВознесЕнская*** (офиц.) / ***СЕргиевская*** (неофиц.): *первый деревянный храм, построенный в селе, носил имена святых мучеников Сергия и Вакха Римских – знатных римских воинов, не побоявшихся назвать себя христианами и принявших мученическую смерть за исповедование веры Христовой. В XIX веке на месте деревянного храма построили церковь каменную. Освящен храм 16 августа 1859 года во славу Вознесения Господня.*

Примерами неофициальных онимов, полученных от информанта, являются различные виды имен собственных, в числе которых:

– урочище ***РЕпище***: *в этих местах было много хуторов, которые сейчас заросли; говорят, что места эти выкупил бизнесмен, чтобы у озера построить домики отдыха для туристов, но сейчас неизвестно, сохранилось ли там что-либо;*

– хутора и луга с омонимичными названиями ***КиреЕнков, ПрядОхина, ШарамОнова, РачкОва, СамулЁнкова, МартИнова, БазОнов (БазОновщина)***: *названы по фамилиям владельцев; сейчас все заросло: в 1938 году из района дали команду – всем переселиться в деревни*; попутно отметим, что вопрос о согласовании в родовой принадлежности названий хуторов (и других видов поселений) с термином, называющим вид объекта, и о месте этих терминов в структуре самого названия нами не рассматривался – в силу обширности материала это может стать объектом самостоятельного регионального исследования;

– речка ***ПАнская*** и мост ***ПАнский***: *рядом проживал пан, у хаты которого протекала речка под мостом;*

– поле ***БлинОвка***: *возможно, названо по форме; в местах этих было много малины;*

– лес ***ЦАревщина***: *бедного деревенского мужика, жившего у леса, местные жители дразнили «царь», отсюда и название;*

– болото ***МартИново***: *название произошло от фамилии Мартиновы – владельцы хутора, где располагалось болото;*

– прозвище ***ПУдик***: *Раньше, когда только нарождался малыш, его на следующий день везли крестить и смотрели имя по Святцам. В Святцах был Пуд: когда бывает ранняя весна, народ вынимал пчелиные ульи из-под спуда, отсюда и название – Пудов День. Крестные потом переименовали в Ивана, но прозвище Пудик закрепилось;*

– игра ***Ярки***: *Выкручиваешь ногой на земле четыре ярки (дырки), мячик катаешь из ткани: в чью ярку попадет – той и бежать, схватив мячик, – утекать, а задача ведущего – догнать.*

Приведенные примеры, количество которых ограничено жанром научной статьи и требованиями соблюдения объема публикации, показывают, что описание ономастикона смоленско-могилевского порубежья с привлечением методов ономастического анализа, реконструкции ассоциативно-культурного фона имен собственных призвано расширить представления не только о смоленском фрагменте ономастической картины мира, но и о его влиянии на формирование языковой личности смолянина. Попутно отметим, что особенности выявления и описания ассоциативно-культурного фона онимов, а также

характеристика ономастической языковой личности современных смолян подробно представлены в нашем кандидатском диссертационном исследовании (см. подробнее [2]).

Основными итогами реализованного нами проекта «Ономастическая перепись Смоленского края: русско-белорусское пограничье» являются следующие:

1. Составлена картотека, фиксирующая выявленные ономастические единицы. Индивидуальные картотеки составлялись всеми участниками проекта непосредственно во время полевых экспедиций и затем обрабатывались в соответствии с формой итоговой базы данных. Общее количество картотечных единиц составило свыше 8000.

2. Создана структура электронной базы данных, отвечающей потребностям описания региональных ономастических единиц в собственно языковом, лингвокраеведческом, социокультурном и других аспектах. Созданная база насчитывает около 6500 онимов смоленско-могилевского пограничья. Пополнение базы из материалов индивидуальных картотек и других источников продолжается.

3. Разработаны основные принципы построения регионального ономастического словаря с позиций антропоцентрического направления современной лексикографии, реализованные в словаре «Шумячское Порубежье в именах и названиях» (Часть 1) [9]. Необходимо отметить, что «лингвокраеведческие словари относятся к новому, формирующемуся жанру региональной лексикографии <…>. Период становления жанра характеризуется определенным отношением к способам лексикографической интерпретации описываемых единиц. То, что универсальная лексикографическая теория в значительной степени вырастает из практики создания словарей, означает, что многие вопросы решаются непосредственно в процессе лексикографирования определенного языкового материала. Таким образом, создание каждого нового произведения на этом этапе можно рассматривать и как способ поиска путей построения теории жанра» [7; 187–188]. Основные принципы построения словаря были предложены профессором Н. А. Максимчук на традиционной профильной научно-практической конференции «Ономастика Поволжья», проходившей с 9 по 13 сентября 2014 года в Твери (см. подробнее [7]).

Таким образом, полученные нами промежуточные результаты подчеркивают масштабность проблемы полной ономастической переписи Смоленского края, что открывает дальнейшие перспективы исследования. Описанный в настоящей работе проект «Ономастическая летопись Смоленщины» (и его реализованная часть – проект «Ономастическая перепись Смоленского края: русско-белорусское пограничье») направлен на участие в решении проблемы описания национального ономастикона и русской ономастической картины мира, а также исследования места ономастического компонента в структуре русской языковой личности. Предложенный нами подход может быть использован для описания ономастических массивов других регионов России, которые впоследствии могут быть обобщены при помощи определенных организационных и методических усилий.

В заключение отметим, что реализация подобных проектов, предполагающих массовость и активное привлечение не только специалистов, но и жителей исследуемых регионов, имеет научное и просветительское значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е. Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998) // Известия Уральского университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. С. 128–142.
2. Бубнова Н. В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян: Дисс. … канд. филол. наук. Смоленск, 2011. 285 с.
3. Бубнова Н. В. Электронная база данных как инструмент анализа ономастического материала (на примере смоленских имен собственных) // Педагогика, лингвистика и информационные технологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Н. Н. Алгазиной: В 2 т. Елец: Изд-во ЕГУ имени И. А. Бунина, 2012. Т. 1. С. 115–118.
4. Булаховский Л. А. Введение в языкознание: В 2 ч. М.: Учпедгиз, 1953. Ч. 2. 178 с.
5. Ильин Д. Ю. Региональный топонимикон в функционально-семантическом аспекте // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: Материалы Международной научной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 32–40.
6. Максимчук Н. А. О региональном проекте «Ономастическая летопись Смоленщины»: содержание, проблемы, перспективы // Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования: материалы межвузовской научно-практической конференции. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. С. 121–125.
7. Максимчук Н. А. О проблеме вариативности при описании микротопонимов в лингвокраеведческом словаре // Ономастика Поволжья: Материалы XIV Международной научной конференции. Тверь: Изд-во Марины Батасовой: Альфа-Пресс, 2014. С. 187–191.
8. Нубарян К. М. Антропонимика как аспект сопоставительного лингвосоциокультурного исследования в подготовке будущего специалиста по иностранному языку // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. № 3. С. 180–186.
9. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Ч. 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю / Под ред. Н. А. Максимчук. Смоленск: Маджента, 2012. 280 с.

Bubnova N. V., Army Air Defense Military Academy of the Russian Federation named after Marshall of the Soviet Union A. M. Vasilevsky (Smolensk, Russian Federation)

REGIONAL ONOMASTIC "CHRONICLE": BASIS FOR IMPARTIAL DESCRIPTION OF NATIONAL ONOMASTIC SPACE

The relevancy of this article, analyzing the national onomasticon through preliminary large-scale onomastic work conducted on the regional level, is especially obvious in present conditions of globalization, which equalizes historical and cultural distinctions of various nations. The assertion that a proper noun is the main source of information about the nation's life is axiomatic for the present-day onomastics; consequently, national onomasticon represents by itself the center of national and cultural values. At the regional level, the ability of any proper noun to accumulate diversified information on the past and present culture, on the history of any nation has acquired especial significance. A great part of such information is coded in local names, which often exist only in verbal domains. Disappearing villages serve as a habitat for existing regional proper nouns. The fact of their disappearance poses an urgent challenge for researchers, i.e. collection and preservation of regional onomastic material. To solve this problem we offer a project developed on the example of Smolensk region. The project is aimed at full linguistic and lexicographic description of Smolensk regional onomasticon. For this purpose the following research procedures should be accomplished: collection of onomastic material, its systematization, and lexicographic representation. During the process of project implementation we performed multiple field surveys. The main research methods were interviews and questionnaires of the informants. Carrying out our research, we employed computer-aided methods to process the obtained onomastic array. Analytical and descriptive methods were chosen to accomplish the final stage of this work. As a result, we issued a catalogue containing over 8,000 onomastic units; created a form of electronic database helping to process material in the optimal manner; developed a set of basic structural principles for regional onomastic dictionary structure. The principles are based on the anthropocentric approach towards modern lexicography. It is worth mentioning that this approach can be useful for scientists from other regions of Russia in their onomastic studies. It may subsequently lead to the development of the solid foundation instrumental in the impartial description of national onomasticon.

Key words: proper noun, national onomasticon, regional onomastic census, associative and cultural background, regional onomastic dictionary, linguistic individual

REFERENCES

1. Berezovich E. L. Ethnolinguistic Issues in Onomastic Works (1987–1998) [Etnolingvisticheskaya problematika v rabotakh po onomastike (1987–1998)]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta* [Bulletin of the Urals University]. Ekaterinburg, Izd-vo UrGU Publ., 1999. P. 128–142.
2. Bubnova N. V. *Imena sobstvennye v strukture regional'nykh fonovykh znaniy smolyan*: *Diss. ... kand. filol. nauk* [Proper Nouns in Structure of Smolensk Regional Background Knowledge]. Smolensk, 2011. 285 p.
3. Bubnova N. V. Electronic Database as Analytical Tool for Onomastic Material (by example of Smolensk regional proper nouns) [Elektronnaya baza dannykh kak instrument analiza onomasticheskogo materiala (na primere smolenskikh imen sobstvennykh)]. *Pedagogika, lingvistika i informatsionnye tekhnologii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora N. N. Algazinoy: V 2 t.* [Pedagogics, Linguistics and Information Technology: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of Professor N. N. Algazina. Two volumes]. Elets, Izd-vo EGU im. I. A. Bunina Publ., 2012. Vol. 1. P. 115–118.
4. Bulakhovskiy L. A. *Vvedenie v yazykoznanie: V 2 ch.* [Introduction in Linguistics. Two parts]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1953. Part 2. 178 p.
5. Il'in D. Yu. Regional Toponymicon in Functional and Semantic Aspect [Regional'nyy toponimikon v funktsional'no-semanticheskom aspekte]. *Kommunikativnye aspekty sovremennoy lingvistiki i lingvodidaktiki: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Communicative Aspects of Modern Linguistics and Linguodidactics: materials of the International Scientific Conference]. Volgograd, Izd-vo VolgGU Publ., 2013. P. 32–40.
6. Maksimchuk N. A. On Regional Project "Smolensk Onomastic Chronicle": Scope, Problems, Prospects [O regional'nom proekte "Onomasticheskaya letopis' Smolenshchiny": soderzhanie, problemy, perspektivy]. *Onomastika v Smolenske: problemy i perspektivy issledovaniya: Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Onomastics in Smolensk: Problems and Prospects of Study: materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Smolensk, Izd-vo SmolGU Publ., 2008. P. 121–125.
7. Maksimchuk N. A. On Variations in Description of Microtoponyms in Regional Linguistic Dictionary [O probleme variativnosti pri opisanii mikrotoponimov v lingvokraevedcheskom slovare]. *Onomastika Povolzh'ya: Materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Onomastics of Volga Region: materials of the XIV International Scientific Conference]. Tver, Izd-vo Mariny Batasovoy: Al'fa-Press Publ., 2014. P. 187–191.
8. Nubaryan K. M. Antroponymics as Aspect of Comparative Linguistic and Sociocultural Research in Training of Foreign Language Specialists [Antroponimika kak aspekt sopostavitel'nogo lingvosotsio-kul'turnogo issledovaniya v podgotovke budushchego spetsialista po inostrannomu yazyku]. *Lingvoritoricheskaya paradigma: Teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguorhetorical Paradigm: Theoretical and Applicative Aspects]. 2003. № 3. P. 180–186.
9. *Shumyachskoe Porubezh'e v imenakh i nazvaniyakh. Chast' 1: Materialy k onomasticheskomu lingvokraevedcheskomu slovaryu* [Shumyachi District in Names. Part 1: Materials to Regional Onomastic Dictionary] / Under edition N. A. Maksimchuk. Smolensk, Madzgenta Publ., 2012. 280 p.

Поступила в редакцию 30.03.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 821.161.1; 821.111(73)

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета международного образования, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Харьков, Украина)
pf-35@mail.ru

О ТРАДИЦИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ У. ФОЛКНЕРА

Рассматриваются традиции творчества Достоевского, оказавшие влияние на художественный мир Фолкнера и его мировоззрение: стремление к познанию широты человеческой нравственной природы, постановка человека в крайние, исключительные обстоятельства, изображение его в состоянии нравственного поиска, напряженной внутренней борьбы с самим собой, всепроникающий психологизм с использованием потока сознания при передаче духовной жизни персонажей. Прослеживаются биографические параллели Достоевского и Фолкнера, делается вывод о сопоставимости морально-нравственных идеалов русского и американского классиков.

Ключевые слова: Достоевский, Фолкнер, сопоставительный анализ творчества, писательские традиции, мастерство писателя, поток сознания, биографические параллели, морально-нравственный идеал

Известный литературовед и литературный критик, автор исследований по американской литературе Н. Анастасьев в своей книге о Фолкнере отмечал: «Страданье, мука – эти слова, если составить частотный словарь фолкнеровского языка, наверняка займут две первые позиции. <…> В этих словах <…> слышится время <…> время гигантских потрясений мира, время таких испытаний, каких раньше не было. Слышится и литература – голос писателя, угадавшего будущие катастрофы и потому оказавшего столь сильное воздействие на художественное сознание XX века. Это, конечно, Достоевский» [1; 146].

Выдающийся американский писатель Уильям Фолкнер, отличительными чертами которого всегда были творческая самостоятельность, самобытность, упорство в поиске собственного пути в литературе, стал художником мировой величины, безусловно, усваивая многие достижения, накопленные в творчестве предшественников.

Будучи «гениальным читателем» (это определение А. Бема [5], высказанное о Достоевском, можно, несомненно, отнести и к Фолкнеру), он учился единству и монументальности художественного плана у Бальзака, восхищался безукоризненным мастерством Флобера и мощью творческого дерзания Мелвилла, однако особые чувства испытывал именно к произведениям Достоевского, высказывая надежду на то, что своим творчеством заслужил право на духовное с ним родство.

О несомненном влиянии, оказанном творческим наследием Достоевского на художественный мир Фолкнера, его мировоззрение, американские исследователи стали говорить начиная с 30-х годов XX века.

В частности, уже после выхода в свет романа Фолкнера «Сарторис» – его первого, по-настоящему зрелого произведения – в одном из критических откликов отмечалось: «Как и в романах Достоевского, которым работа мистера Фолкнера наиболее близка, несчастья, унижения и героизм, проявленный его героями, становятся больше их самих, становятся символами “слепой трагедии житейской обыденности”... (перевод наш. – *Ю. Р.*)» [17; 126].

С появлением в 1931 году романа «Святилище» ссылки на присутствие идейной проблематики творчества Достоевского в фолкнеровском художественном мире получили дальнейшее развитие. Так, Д. Чемберлен, автор статьи под названием «Тень Достоевского на глубоком Юге», указывал на то, что «Святилище» более близко «Братьям Карамазовым», чем какой-либо американской книге [15; 5].

Для исследователей творчества американского писателя влияние Достоевского на художественную вселенную Фолкнера стало очевидным. Общеизвестно, что в его личной библиотеке имелись различные издания книг русского писателя, да и сам Фолкнер в ответ на вопрос о том, что он думает о Достоевском, прямо заявил: «Он не только сильно повлиял на меня – я получаю огромное удовольствие, постоянно перечитывая его, я перечитываю его примерно каждый год. Его мастерство, проникновение в человеческую душу, способность к состраданию делают его писателем, к которому хотели бы приблизиться многие, если бы могли. Он был одним из тех, кто оставил неизгладимый след» [14; 289].

В рамках сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера, представленного трудами Н. Анастасьева, Б. Грибанова, В. Костякова, А. Николюкина, Ю. Сохрякова, К. Степаняна, Э. Брикера, Д. Вейсгербера, А. Герарда, Х.-Ю. Герика, Д. Келлога, И. Кирк, А. Писани, П. Рабиновича, Д. Смита и др. (об основных направлениях сопоставительного анализа твор-

© Романов Ю. А., 2015

чества русского и американского классиков см. [10]), изучению традиций Достоевского в художественном мире Фолкнера отводится в целом значительное место, что подтверждается также и работами последних лет. В частности, К. Степанян, исследовавший не только творчество Фолкнера, но и произведения таких крупнейших прозаиков XX века, как И. Шмелев, Б. Пастернак, А. Солженицын, отмечает: «Лишь Фолкнер более других из этих писателей приближается к творческим принципам Достоевского…» [12; 396]; американский исследователь Б. Сакстон в диссертации, посвященной анализу «южного гротеска», рассматривая творчество Достоевского в качестве одного из источников данного феномена и отмечая его влияние на писателей-южан в целом, ссылается на мнение о том, что Фолкнер – это Достоевский американского Юга [16; 2]; по мнению А. Банах-Маникиной: «Анализ рецепции Фолкнером романа “Братья Карамазовы” и реализации семейной проблематики в романе Фолкнера “Авессалом, Авессалом!” позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о созданной американским писателем модели, типологически сходной со “случайным семейством” Достоевского, условно названной нами “разрушенным южным семейством”» [3; 19].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе сопоставительного анализа творческих принципов русского и американского классиков уточнить существующее представление о реализации писательских традиций Достоевского в творчестве Фолкнера и расширить его.

В качестве отправной точки для данного исследования может служить суждение о Достоевском как о «мыслителе, посещаемом Богом и Сатаной, апостоле страдания и свободы (перевод наш. – *Ю. Р.*)», высказанное в известной книге Вейсгербера [18; XII].

Данная мысль открывает путь к пониманию вопроса о традициях Достоевского в творчестве Фолкнера, указывает на важнейшую из них. Как и характеры Достоевского, герои Фолкнера заключают в себе необъятную «широкость» (о которой Дмитрий Карамазов говорил, что он бы ее «сузил»[1]), вмещающую и «идеал содомский», и «идеал Мадонны» (14; 100). По мысли Ю. Сохрякова, Достоевский ввел в свои романы «множественность точек зрения», что «позволило писателю выразить новый взгляд на человека как существо, которое стремится осмыслить себя в мире, осмыслить свое отношение к миру», и именно эти мотивы развивал в своем творчестве Фолкнер, чьи герои «мучительно и сложно размышляют о самих себе и о мире, каждый из них пытается осмыслить самого себя, разрушить скорлупу своего одиночества и найти путь к людям» (в качестве примера исследователь указывает на образ идиота Бенджи из романа «Шум и ярость», которого нередко сравнивают с князем Мышкиным) [11; 151]; «исследуя внутренний мир и глубинные пласты психологии таких своих героев, как Кристмас, Минк Сноупс и др., Фолкнер вслед за Достоевским показывает, что своеволье и насилие могут проявлять не только сильные мира сего, но и задавленные нуждой бедняки», способные проявлять «“своеволие”, “самостоятельное хотение”», и «характерен в этом отношении не только Кристмас, но и Минк Сноупс <…> который является одним из вариантов “человека из подполья”» [11; 152]. Таким образом, поиски нравственного предела, попытки измерить человеческую «широкость» – вот путь художественного освоения действительности, который проходит в своих произведениях, вслед за Достоевским, Фолкнер.

Отсюда вытекает другая традиция русского классика, которая прослеживается в творчестве американского писателя: в своем стремлении постичь пределы человеческой «широкости» Фолкнер, как и Достоевский, помещает своих героев в предельно крайние, часто пограничные состояния, нередко обнажающие темные проявления человеческого духа. Н. Анастасьев указывает на то, что «вслед за Достоевским американский писатель считал изображение человеческого сердца в конфликте с самим собой главной задачей художника», при этом человек Фолкнера подобно человеку Достоевского постоянно ставится «в крайние, немыслимые обстоятельства», чтобы он «вполне по-достоевски <…> доказывал самому себе, что он человек» [1; 146].

Интересно, что и сам Достоевский отмечал важность данного творческого принципа. Например, в своем предисловии, посвященном публикации в журнале «Время» трех рассказов Эдгара По, он говорит о том, как американский писатель «почти всегда берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение» и восхищается тем, «с какою силою проницательности, с какою поражающей верностью рассказывает он о состоянии души этого человека!» (19; 88).

Фолкнер, поясняя, почему в его произведениях так много места занимает изображение темных сторон жизни, низменных проявлений человеческой природы, говорил о том, что делал это с целью «подсказывать человеку веру в то, что человек может быть лучше, чем он есть» (цит. по: [6; 4]). Писатель, по Фолкнеру, не должен быть простым «регистратором» человеческих деяний. «Ответственность писателя, – утверждал Фолкнер, – в том, чтобы рассказывать правду – рассказывать ее так, чтобы люди читали, помнили о ней, потому что она рассказана незабываемым образом. Просто сообщить факт, просто рассказать о несправедливости иногда недостаточно. Это не трогает людей. Писатель должен добавить к этому свой талант, он должен взять эту правду

и поджечь под ней пламя, так чтобы люди запомнили ее» (цит. по: [6; 3–4]). Таким образом, в поисках пределов человеческой «широкости», ставя своих персонажей в пограничные состояния, Фолкнер указывал читателю путь, чтобы «быть лучше».

Нельзя не отметить еще одну традицию Достоевского, которая, будучи общепризнанной, вместе с тем является его отличительной чертой как художника, чертой, к которой, по уже упомянутым словам Фолкнера, «хотели бы приблизиться многие, если бы могли» [14; 289]. Необходимо сказать о всепроницающем психологизме русского писателя, его мастерстве и несравненном умении проникать в самые сокровенные тайники человеческой души. Примером того, сколь потрясающе глубоко писатель проникал в характеры своих героев, могут служить знаменитые слова человека из «подполья»: «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится. <…> Теперь же <…> теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?» (5; 122).

Достоевский, добиваясь исключительного психологизма в изображении духовной жизни своих персонажей, использовал различные «словесные приемы», среди которых важное место занимают небывалые по остроте и накалу «словесные турниры» [8]. К таковым принадлежат напряженные, полные драматизма диалоги следователя Порфирия Петровича и Раскольникова в романе «Преступление и наказание». Достоевский нередко сопровождает их авторскими ремарками, отчетливо передавая динамику психологического состояния героев: «– Так… кто же… убил?.. – спросил он, *не выдержав, задыхающимся голосом*. <…> – Как кто убил?.. – переговорил он, точно *не веря ушам своим*, – да *вы* убили, Родион Романыч! Вы и убили-с… – прибавил он *почти шепотом, совершенно убежденным голосом* (ремарки выделены нами. – *Ю. Р.*)» (6; 349).

Следует отметить: в зарубежных исследованиях Достоевского часто называют отцом модернизма не только из-за проблематики его творчества (например, повесть «Записки из подполья» оценивается как лучшее введение в экзистенциализм, когда-либо написанное), но и, очевидно, из-за присутствия потока сознания в его произведениях. Вот как (потоком сознания) передает Достоевский ощущения Раскольникова после сказанной ему незнакомым мещанином фразы: «*Ты* убивец» (6; 209): «Он ни о чем не думал. Так, были какие-то мысли или обрывки мыслей, какие-то представления, без порядка и связи, – лица людей, виденных им еще в детстве или встреченных где-нибудь один только раз и об которых он никогда бы и не вспомнил; колокольня В-й церкви; биллиард в одном трактире и какой-то офицер у биллиарда, запах сигар в какой-то подвальной табачной лавочке, распивочная, черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами, а откуда-то доносится воскресный звон колоколов…» (6; 210).

Что касается Фолкнера, то его стиль, по собственному признанию писателя, вполне соответствовал духу «современных экспериментов в технике романного повествования» [14; 121]. Однако, объясняя использование потока сознания в своих романах, например в «Шуме и ярости», Фолкнер отрицает влияние модернистов. В то же время можно констатировать: подобно тому, как это делал Достоевский, американский писатель в потоках сознания своих персонажей отображал чувства, мысли, представления, мельчайшие ощущения, транслируемые сквозь призму восприятия каждого из (словами М. Бахтина) «самостоятельных и неслиянных <…> сознаний» [4; 7].

Весьма показателен в этом смысле роман «Шум и ярость», когда одна и та же «история» воспроизводится от лица каждого из трех братьев-рассказчиков (три первые части романа), и кроме того – в традиционном авторском изложении (четвертая часть). При этом первые две части (рассказы Бенджи и Квентина) снабжены курсивом, обозначающим те места в тексте, где в потоке сознания прошлое перемежается с настоящим. Такие тексты, рассчитанные на эффект полного погружения в сознание персонажей, как нельзя лучше передают их внутренний мир. Следует отметить, что психологизм в изображении героев достигается также и за счет того, что посредством потока сознания осуществляется передача их непосредственных ощущений, – вне зависимости от общей концепции временной соотнесенности, постулируемой в романе. Вот, например, как изображена психологическая привязанность идиота Бенджи к своей сестре Кэдди в пору его счастья: «Кэдди *присела*, *обняла* меня, *прижалась ярким, холодным лицом* к моему. Она *пахла деревьями* (выделено нами. – *Ю. Р.*)» [13; 11].

Говоря об отражении писательских традиций Достоевского в творчестве Фолкнера, следует отметить, что разговор о них, несомненно, может и должен быть продолжен, и здесь существует обширное поле для исследований, тем более что есть факты поистине удивительного параллелизма в их человеческих судьбах.

Например, Н. Анастасьев указывает на то, что был период в начале и середине 30-х годов, когда в творчестве Фолкнера отдельные критики видели только изображение пороков, насилия, же-

стокости; статья влиятельного в те годы критика А. Томпсона так и называлась – «Культ жестокости» [2; 22]. Напомним, что сходное восприятие творчества Достоевского отражал Н. Михайловский со своей известной статьей «Жестокий талант».

Как и Достоевский, Фолкнер многие годы испытывал денежные затруднения; как и Достоевский, он пережил смерть брата и взял на себя финансовую ответственность за его семью; как и русскому классику, ему довелось познать горе утраты ребенка (эта трагическая тема стало предметом исследования Ф. Форе, автора книги «Детоубийственный роман: Достоевский, Фолкнер, Камю. Литературно-траурное эссе», вышедшей не так давно [9]).

Фолкнер стал писателем мировой величины, впитывая достижения, накопленные развитием мировой литературы. Трудно переоценить в этом смысле то глубочайшее влияние, которое оказала на него русская классика, и в особенности творчество великого русского писателя Достоевского.

Писательские традиции Достоевского, нашедшие свое отражение в творчестве Фолкнера, такие как стремление к познанию предела человеческой нравственной «широкости», обостренное внимание к личности, изображаемой на духовном изломе, мучительный поиск истины, а также факты параллелизма в их писательских судьбах в значительной степени обусловливают и морально-нравственные идеалы американского писателя, которые, при сравнении с таковыми у Достоевского, оказываются сопоставимыми.

Высшим нравственным идеалом Достоевского было «самопожертвование» – «самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех <…> положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер» (5; 79). Как отмечает В. Захаров: «Позже эта идея была выражена в служении и поучениях старца Зосимы: сделать себя ответчиком за чужой грех. Виноваты все. У каждого своя мера вины. <…> Кажущаяся невиновность лишь иллюзия: каждый в ответе за мировое зло» [7; 35].

Фолкнер, которому принадлежит сходная мысль о том, что «человек не остров, каждый несет ответственность перед человечеством» [14; 446], непоколебимо верил в то, что человек, несмотря на окружающее его зло, на страх в нем самом, «не просто выстоит, он восторжествует», потому что «человек способен на сострадание, жертвы, непреклонность» [14; 30].

Творчество обоих писателей можно без колебаний назвать упорным поиском истины, страстной проповедью высшей человеческой нравственности на земле, для осуществления которой самое дорогое у человека – его внутренняя самость – должна быть обращена к обществу, всецело посвящена людям.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 100. Далее тексты Достоевского цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анастасьев Н. А. Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер). М.: Книга, 1991. 416 с.
2. Анастасьев Н. А. Фолкнер. Очерк творчества. М.: Худож. лит., 1976. 221 с.
3. Банах-Маникина А. В. Тема «случайного семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и ее рецепция в США: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Томск, 2006. 25 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 176 с.
5. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под ред. А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 206–218.
6. Грибанов Б. Т. Уильям Фолкнер – хозяин Йокнапатофы // Фолкнер У. Рассказы. Минск: Вышэйшая школа, 1985. С. 3–14.
7. Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Лобов Л. П. Из наблюдений над словесными приемами Достоевского. Пермь: Офяс, 1927. 13 с.
9. Печальная тема накануне праздника [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sapronau.livejournal.com/35825.html
10. Романов Ю. А. Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании // Материалы докладов междунар. научно-практ. конф. «Вторые севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». Севастополь: Рибэст, 2008. С. 413–419.
11. Сохряков Ю. И. Традиции Достоевского в восприятии Т. Вулфа, У. Фолкнера и Д. Стейнбека // Достоевский. Материалы и исследования / Ред. Г. М. Фридлендер. Л.: Наука, 1980. Вып. 4. С. 144–158.
12. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.
13. Фолкнер У. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 576 с.
14. Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М.: Радуга, 1985. 488 с.
15. Chapple R. L. Character Parallels in Crime and Punishment and Sanctuary // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies. 1976/78. Bd. 2. P. 5–14.
16. Saxton B. T. Grotesque Subjects: Dostoevsky and Modern Southern Fiction, 1930–1960. Ann Arbor, 2012. 205 p.
17. The Whole and the Parts // Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family / Ed. by A. F. Kinney. Boston: G. K. Hall & Co., 1985. P. 126–127.
18. Weisgerber J. Faulkner and Dostoevsky: Influence and Confluence. Athens: Ohio Univ. Press, 1974. XXII. 383 p.

Romanov Yu. A., National Technical University, “Kharkov Polytechnic Institute” (Kharkov, Ukraine)

ON F. M. DOSTOEVSKY’S TRADITIONS IN W. FAULKNER’S WORKS

The article focuses on the traditions of Dostoevsky's works, which influenced both W. Faulkner ‘s worldview and his artistic world: a desire to explore the depth of the human moral nature by placing a man into extreme and exceptional circumstances; description of a man in a state of moral search, intense internal struggle with himself; employment of pervasive psychology based on the “stream of consciousness” reflecting the process of characters’ spiritual life transition. Biographical parallels in the lives of Dostoevsky and Faulkner are identified. Conclusions on the comparability of moral ideals of the Russian and American classics are made.

Key words: Dostoevsky, Faulkner, comparative studies, literary tradition, craftsmanship of the writer, “stream of consciousness”, biographical parallels, moral and ethical ideal

REFERENCES

1. Anastas’ev N. A. *Vladelets Yoknapatofy (Uil’yam Folkner)* [The Owner of Yoknapatawpha (William Faulkner)]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 416 p.
2. Anastas’ev N. A. *Folkner. Ocherk tvorchestva* [Faulkner. Digest of Works]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1976. 221 p.
3. Banakh-Manikina A. V. *Tema “sluchaynogo semeystva” v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i ee retseptsiya v SShA: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Theme of “Accidental Family” in the Works of F. M. Dostoyevsky and its Reception in the USA. Author’s abstract of PhD thesis in Philology]. Tomsk, 2006. 25 p.
4. Bakhtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky’s Works]. Moscow, Alkonost Publ., 1994. 176 p.
5. Bem A. L. Dostoevsky – an Ingenious Reader [Dostoevskiy – genial’nyy chitatel’]. *Vokrug Dostoevskogo: V 2 t. T. 1: O Dostoevskom: Sb. statey pod red. A. L. Bema / Sost., vstup. st. i komment. M. Magidovoy* [Around Dostoevsky: In 2 Volumes. Vol. 1: About Dostoevsky: Collection of articles ed. by A. L. Bem. Compil., introd. and comment. by M. Magidova]. Moscow, Russkiy put’ Publ., 2007. P. 206–218.
6. Gribanov B. T. William Faulkner – the Master of Yoknapatawpha [Uil’yam Folkner – khozyain Yoknapatofy]. *Folkner U. Rasskazy* [Faulkner W. Stories]. Minsk, Higher School Publ., 1985. P. 3–14.
7. Zakharov V. N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author’s Name is Dostoevsky. Digest of Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p.
8. Lobov L. P. *Iz nablyudeniy nad slovesnymi priemami Dostoevskogo* [From the Observations on Dostoevsky’s Verbal Techniques]. Perm, Ofyas Publ., 1927. 13 p.
9. *Pechal’naya tema nakanune prazdnika* [The Sad Topic on the Eve of the Holiday]. Available at: http://sapronau.livejournal.com/35825.html
10. Romanov Yu. A. The Comparative Analysis of Works of F. M. Dostoevsky and W. Faulkner: Possible Research Areas and Perspectives of Archetypal Approach in the Research [Sopostavitel’nyy analiz tvorchestva F. M. Dostoevskogo i U. Folknera: vozmozhnye napravleniya izucheniya i perspektivy arkhetipnogo podkhoda v issledovanii]. *Materialy dokladov mezhdunar. nauchno-prakt. konf. “Vtorye sevastopol’skie kirillo-mefodievskie chteniya*” [Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. “The Second Sevastopol Cyril and Methodius Readings”]. Sevastopol, Ribest Publ., 2008. P. 413–419.
11. Sokhryakov Yu. I. Traditions of Dostoevsky in the Perception of T. Wolfe, W. Faulkner and D. Steinbeck [Traditsii Dostoevskogo v vospriyatii T. Vulfa, U. Folknera i D. Steynbeka]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya / Red. G. M. Fridlender* [Dostoevsky. Materials and Researches / Ed. by G. M. Friedlander]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Issue 4. P. 144–158.
12. Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [The Appearance of Christ the Dialogue in the Novels of F. M. Dostoyevsky]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2010. 400 p.
13. Folkner U. *Sobranie sochineniy: V 9 t. T. 2* [Complete Works: In 8 vol. Vol. 3]. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub Publ., 2001. 576 p.
14. Folkner U. *Stat’i, rechi, interv’yu, pis’ma* [Articles, Speeches, Interviews, Letters]. Moscow, Raduga Publ., 1985. 488 p.
15. Chapple R. L. Character Parallels in Crime and Punishment and Sanctuary // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies. 1976/78. Bd. 2. P. 5–14.
16. Saxton B. T. Grotesque Subjects: Dostoevsky and Modern Southern Fiction, 1930–1960. Ann Arbor, 2012. 205 p.
17. The Whole and the Parts // Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family / Ed. by A. F. Kinney. Boston: G. K. Hall & Co., 1985. P. 126–127.
18. Weisgerber J. Faulkner and Dostoevsky: Influence and Confluence. Athens: Ohio Univ. Press, 1974. XXII. 383 p.

Поступила в редакцию 05.04.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 821.161.1+908

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
naturv@mail.ru

ГОГОЛЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ НА СТРАНИЦАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА

Статья посвящена чествованию памяти Н. В. Гоголя в 1902 и 1909 годах. Объектом исследования являются материалы о праздновании пятидесятилетия со дня смерти и столетия писателя, опубликованные на страницах газеты «Олонецкие губернские ведомости» и журнала «Олонецкие епархиальные ведомости». Автор реконструирует историю подготовки и празднования гоголевских юбилеев в духовно-учебных заведениях города Петрозаводска, в Мошинской второклассной церковно-приходской школе Каргопольского уезда и в Николаевском детском приюте.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, провинциальная периодика, периодические издания, литературные юбилеи, Петрозаводск

На страницах российской дореволюционной периодики большое место занимали статьи, связанные с литературными юбилеями со дня рождения или смерти русских писателей: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского. По словам Н. В. Жиляковой, такие публикации «способствовали развитию духовной связи центра и отдаленной провинции, создавали единое социокультурное пространство» [2; 65].

В 1902 году в Российской империи широко отмечалось 50-летие со дня смерти Николая Васильевича Гоголя. Петрозаводск, как и вся Россия, включился в празднование этого юбилея. Подробности торжеств были отражены в местных периодических изданиях губернского города – в газете «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) и журнале «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее – ОЕВ). Информация о готовящемся чествовании писателя появлялась в официальном и неофициальном отделах.

Празднества, посвященные Н. В. Гоголю, прошли во всех духовно-учебных заведениях Петрозаводска, в Мошинской второклассной церковно-приходской школе Каргопольского уезда и в Николаевском детском приюте. Участие в литературных вечерах способствовало приобщению учащихся и воспитанников к творчеству писателя и русской литературе.

22 февраля на литературный вечер в епархиальное женское училище была приглашена петрозаводская интеллигенция, городское духовенство и воспитанники старших классов духовной семинарии. Вечер начался народным гимном, а после этого преподаватель училища Мягков прочел биографию Н. В. Гоголя. Воспитанники декламировали отрывки их сочинений писателя. Учитель Н. Машезерский прочитал «Прощание матери с сыновьями» (из повести «Тарас Бульба»), надзиратель училища А. Крючков – «Капитан Копейкин» (из поэмы «Мертвые души»), смотритель училища Д. И. Любецкий – 1-е и 3-е явления 1-го действия комедии «Ревизор». Учениками училища были прочитаны «Днепр» (из повести «Страшная месть») и отрывок из повести «Вий». Номера чтения чередовались с пением. Ученическим хором под управлением учителя пения М. Громцова исполнены «Пред Тобой, мой Бог», дуэт «Жаворонок», «Сторона ль сторонушка», «Ах, ты время»[1]. В заключение дети прослушали до 30 номеров пьес духовного и светского содержания, исполненных на граммофоне. Вечер удостоил своим посещением епископ Олонецкий и Петрозаводский Анастасий, ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Нафанаил, училищная корпорация и некоторые преподаватели семинарии.

По предложению Олонецкого епархиального наблюдателя Н. К. Чукова было решено устроить 22 февраля литературное утро в Назарьевском Братском доме, на которое дал архипастырское разрешение епископ Олонецкий и Петрозаводский Анастасий. Утром в присутствии учащихся городских церковно-приходских школ была отслужена панихида по писателю. Программа утренника, которая продолжалась два с половиной часа, была традиционной. Священник П. Дмитриев рассказал биографию писателя. Хор учеников под руководством учителя пения А. В. Рождественского исполнил гимн. Ученики из церковно-приходских школ читали отрывки из произведений Н. В. Гоголя: «Днепр», «Тройка – Русь», отрывки из повестей «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Старосветские помещики», пели малороссийские песни «На улицы скрипка грае», «Ой, ходила дівчіна бережком», «Ой, березыньки», «Ой за гаем, гаем», «Добрый вечер, дівчіна, дівчіна». Воспитанница Николаевского детского приюта прочитала отрывки из повести «Ночь под Рож-

© Урванцева Н. Г., 2015

дество». В заключение утренника дети пропели славу Н. В. Гоголю и народный гимн. Праздник почтили своим присутствием ректор семинарии, директор и инспектор народных училищ, преподаватели духовной семинарии и училища, городское духовенство, родители учащихся[2].

21 февраля в Мошинской второклассной церковно-приходской школе Каргопольского уезда в самой большой классной комнате был устроен литературно-вокальный вечер, состоявший из трех отделений. В присутствии учащих и учащихся 1-х и 2-х классов школы в храме была отслужена панихида по Н. В. Гоголю. После исполнения школьным хором гимна «Коль славен», народного гимна и актовой песни «Светлой радостью горя» заведующий школой и младший учитель 2-го класса школы А. Ильинский сделали доклад о писателе. Затем было чтение отрывков из его произведений, которое чередовалось с исполнением номеров пения. Вечер закончился пением «Многие лета» и гимна «Боже, царя храни!». По инициативе попечителя школы, крестьянина В. М. Дойникова и заведующего школой состоялась подписка в пользу беднейших учащихся. Состоятельными лицами пожертвовано 17 рублей. На вечере присутствовали около 200 крестьян и представителей местной интеллигенции[3].

Во многих городах Российской империи в честь писателя переименовали улицы и школы, попечительства открывали народные читальни и общества трезвости. 22 февраля 1902 года Петрозаводская городская дума постановила «в ознаменование 50-летия со дня смерти великого писателя» улицу Древлянскую переименовать в Гоголевскую. К началу 1930-х годов улица Гоголевская стала называться улицей Гоголя.

В марте 1909 года значительным событием в культурной жизни России стали юбилейные празднества, посвященные 100-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Местная периодическая печать отводила целые развороты для знакомства с жизнью, этапами творчества писателя и отражению юбилейных торжеств.

17 марта 1909 года в газете «ОГВ» под рубрикой «К юбилею Гоголя» напечатано 5 публикаций. Автор статьи «19 или 22 марта» под псевдонимом «Сосед Рудого Панька» размышляет, когда нужно праздновать день рождения писателя. В качестве аргумента он приводит такой довод, что он «со своей старухой привык подавать часточку в храм Божий за Николая Васильевича Гоголя 19 марта, в день его рождения»[4].

В статье анонимного автора «К биографии Гоголя» сообщаются любопытные данные «о годах учения великого писателя». В 1818–1819 годах Н. В. Гоголь вместе с братом Иваном обучался в Полтавском уездном училище. В ведомости об учениках первого класса за февраль 1819 года под номерами 45 и 46 Николай и Иван Яновские аттестованы «учениками “посредственных” способностей, “среднего” прилежания и “благонравного поведения”»[5]. В ведомости за июнь под номерами 44 и 45 отзывы даны весьма нелестные. Николай аттестован: «туп», «слаб», «резв», а Иван – «туп», «слаб», «тих». В другой ведомости за вторую половину 1819 года записано: «Николай “посредственен, тих”, Иван – “непосредственен, скромен”, первый пропустил четыре урока и опоздал на урок одиннадцать раз, второй пропустил тринадцать уроков и опоздал два раза»[6].

В газете приводились курьезные случаи, связанные с подготовкой к чествованию юбилея писателя в России, которые были перепечатаны из других периодических изданий. Павлоградская дума не выделила 70–100 рублей на покупку книг и портретов Н. В. Гоголя для раздачи ученикам начальных школ. Рекорд непочтительного отношения к памяти великого писателя побит в Житомирской думе гласным Доманевским. Как сообщает газета «Жизнь Волыни», он открыто высказался против чествования: «Раз мы не праздновали юбилей Л. Н. Толстого, который еще жив, то зачем же чтить память давно умершего Гоголя?». «Ведь мертвые срама не имут»[7]. Харьковская дума среди центральных улиц не нашла ни одной, которая могла бы носить имя великого писателя, и присвоила это звание самой захолустной улице на окраине города, по которой, как сообщает газета «Утро», «в день проходит всего пять-шесть обывателей»[8].

ОГВ публикуют репортажи о торжественном праздновании юбилея писателя за границей – в Риме и Болгарии. 20 февраля русская читальня имени Н. В. Гоголя праздновала столетний юбилей писателя. «Публики собралось очень много. Не только весь большой зал был переполнен, но многие стояли в передней. Вся русская колония с ее аристократическим и демократическим элементом, все наши дипломаты обоих посольств, художники, учащаяся молодежь, даже русская прислуга – все без различия класса – собрались чествовать память русского писателя»[9]. 20 марта состоялось торжественное празднование юбилея писателя в Болгарии. Во всех учебных заведениях были прочитаны рефераты и подарены сочинения Н. В. Гоголя, переведенные на болгарский язык. В театре поставлен спектакль «Ревизор»[10].

Газета в неофициальной части продолжает печатать юбилейные материалы в следующем номере за 19 марта. Под рубрикой «Юбилей Н. В. Гоголя» опубликовано шесть материалов о писателе. Статья N-на «К 100-летнему юбилею Гоголя»[11] посвящена взглядам Николая Васильевича на просвещение и религию. С-в в биографическом очерке «Николай Васильевич Гоголь» сделал акцент на религиозности писателя, «отличавшей его с детских лет»[12]. Религиозному мировоззрению писателя посвящены статьи анонимных авторов «Религиозность Гоголя»[13],

«Из произведений Гоголя. Значение православной церкви. О церкви и духовенстве»[14], «Из “размышлений о Божественной литургии” Н. В. Гоголя»[15]. Несмотря на бедность, писатель находил возможность помогать не только своим родным, но и всем обращавшимся к нему за помощью. ОГВ напечатали статью о благотворительности Н. В. Гоголя[16]. За всеми этими публикациями стоит желание редакции газеты дать объективный взгляд на жизненный и творческий путь писателя.

Во всех духовно-учебных заведениях планировалось отметить столетие писателя. В конце февраля 1909 года в Олонецкой мужской и женской гимназиях была организована особая комиссия по организации 100-летнего юбилея писателя, которая была разделена на три подкомиссии – литературную, музыкально-вокальную и декоративную. Юбилей писателя планировалось отметить 20 марта в Народном доме. Любительскими силами к постановке готовилась комедия «Ревизор» и живые картины из произведений Н. В. Гоголя под руководством К. А. Бельского. Репетиции спектакля проходили ежедневно. В ОГВ сообщалось, что город и земство должны примкнуть к этому торжеству, «отчего характер чествования будет величественнее»[17].

100-летие Н. В. Гоголя учащимися мужской и женской гимназий отмечалось 20 марта в помещении губернской земской управы. Перед началом торжества речь о писателе произнес преподаватель В. А. Богданов. На сцене учащиеся показывали «Утро делового человека», «Ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», «Сцену у судьи», свидание Гали с Левком из «Майской ночи» и другие избранные места. Затем была исполнена кантата Гоголю и народный гимн. В «Местной хронике» ОГВ сообщалось, что подготовленная музыкально-вокальная часть «не будет исполнена, так как получен циркуляр (уже третий), которым не допускается участие в чествовании посторонних»[18] – жен учителей и матерей учащихся. Вечером в Народном доме любителями была поставлена пьеса «Ревизор» и живые картины из произведений писателя. Перед началом спектакля торжественные речи о Гоголе как поэте-гражданине произнес С. А. Левицкий[19].

Каждое духовно-учебное заведение планировало свою программу празднования дня рождения писателя. За три недели до юбилейного вечера Олонецкая духовная семинария составила план литературного вечера, который делился на две части – церковную и литературную. 20 февраля в семинарской церкви было совершено всенощное бдение, а 21 февраля отслужена заупокойная литургия с панихидой. В этот же день вечером началось литературное чествование писателя. В зале Назарьевского братского дома состоялся литературный вечер, посвященный Н. В. Гоголю. В программу входило чтение произведений Николая Васильевича (отрывки из «Тараса Бульбы», «Мертвых душ») и пение. В качестве чтецов выступили воспитанники семинарии. Семинарский хор исполнил два гимна в честь писателя и 7 различных песен. Некоторые номера семинарский хор и хор епархиального женского училища исполнили вместе. Вечер удостоил своим посещением Его Преосвященство Преосвященнейший Анастасий, епископ Олонецкий и Петрозаводский.

20 марта в Николаевском детском приюте города Петрозаводска также проходило празднование дня рождения Н. В. Гоголя. Перед панихидой почетный член попечительства протоиерей Н. К. Чуков обратился к воспитанникам с речью о писателе. После панихиды, отслуженной в домовой церкви приюта, присутствующие собрались в зале, и директор приюта для девочек И. И. Благовещенский рассказал детям биографию Н. В. Гоголя. Смотрительница приюта А. А. Алпатова сделала доклад о значении произведений писателя «для очищения русской жизни от пороков и недостатков и воспитания чувства любви к родине»[20]. Директор народных училищ И. Л. Волкович, «указав на черты личной жизни Гоголя, поставил их детям в пример для подражания»[21]. Чествование закончилось исполнением детьми народного гимна. На вечере присутствовала попечительница приюта А. В. Протасьева и почетные члены попечительства.

В целом большинство статей, опубликованных в местной периодической печати, представляли собой отчеты о «гоголевских днях» в духовно-учебных заведениях. Сценарии утренников, литературных и литературно-вокальных вечеров, по которым проводилось празднование юбилеев Н. В. Гоголя, были однотипные. Они всегда заканчивались «народным гимном» «Боже, царя храни!», что «подчеркивало государственную важность мероприятия, его торжественность и способствовало утверждению общероссийской идентичности в сознании каждого гражданина еще со школьной скамьи» [1].

Государственные праздники как социально-культурный феномен со свойственной им общественной и личной идентификацией сохраняют культурную память и передают духовные ценности подрастающим поколениям. Пятидесятилетие со дня смерти и столетие со дня рождения Н. В. Гоголя стали тому ярким примером. «”Гоголевский бум” 1902 и 1909 годов, связанный с его юбилеями, обозначил вхождение писателя в пространство русской культуры XX века» [3; 138].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чествование Н. В. Гоголя в духовно-учебных заведениях г. Петрозаводска // ОЕВ. 1902. № 5. С. 211.

[2] П. Д. Чествование памяти Н. В. Гоголя в церковно-приходских школах г. Петрозаводска и в Мошинской второклассной церковно-приходской школе // ОЕВ. 1902. № 6. С. 254–255.
[3] Ильинский А. [Мошинская второклассная церковно-приходская школа чествовала память Н. В. Гоголя] // ОЕВ. 1902. № 6. С. 255–256.
[4] Сосед Рудого Панька. К юбилею Гоголя. 19 или 22 марта? // ОГВ. 1909. № 31. С. 2.
[5] К биографии Гоголя // ОГВ. 1909. № 31. С. 2.
[6] К биографии Гоголя // ОГВ. 1909. № 31. С. 2.
[7] Памяти Н. В. Гоголя // ОГВ. 1909. № 31. С. 2.
[8] Памяти Н. В. Гоголя // ОГВ. 1909. № 31. С. 2.
[9] Гоголевское торжество в русской читальне в Риме // ОГВ. 1909. № 31. С. 2–3.
[10] Гоголевский юбилей в Болгарии // ОГВ. 1909. № 31. С. 3.
[11] N-н. К 100-летнему юбилею Гоголя // ОГВ. 1909. № 32. С. 1.
[12] С-в. Николай Васильевич Гоголь (биографический очерк) // ОГВ. 1909. № 32. С. 1–2.
[13] Религиозность Гоголя // ОГВ. 1909. № 32. С. 2.
[14] Из произведений Гоголя. Значение православной церкви. О церкви и духовенстве // ОГВ. 1909. № 32. С. 3.
[15] Из «размышлений о Божественной литургии» Н. В. Гоголя // ОГВ. 1909. № 32. С. 3.
[16] Благотворительность Гоголя // ОГВ. 1909. № 32. С. 2–3.
[17] Столетний юбилей Гоголя // ОГВ. 1909. № 22. С. 1.
[18] Местная хроника // ОГВ. 1909. № 31. С. 1.
[19] Местная хроника // ОГВ. 1909. № 34. С. 1.
[20] Чествование Н. В. Гоголя в приюте // ОГВ. 1909. № 34. С. 1.
[21] Чествование Н. В. Гоголя в приюте // ОГВ. 1909. № 34. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзалаева К. Р. Городские праздники: юбилейные литературные торжества как механизм интеграции Осетии в социокультурное пространство России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.science-education.ru/113-11618
2. Жилякова Н. В. Два «литературных юбилея»: проблемы рецепции творчества русских писателей в провинциальной дореволюционной периодике // Журналистский ежегодник. 2002. № 1. С. 65–70.
3. Янушкевич А. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в пространстве русской культуры 1920–1930-х годов // Гоголь и время: Сб. ст. / Ред. А. С. Янушкевич, А. В. Петров. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 212 с.

Urvantseva N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CELEBRATION OF GOGOL'S ANNIVERSARIES ON PAGES OF PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS OF PETROZAVODSK

The article is devoted to the memorial celebrations held in the honor of N. V. Gogol in 1902 and 1909. Materials reflecting the celebration procedure of the fiftieth and centennial anniversaries since the death of the writer were studied. The researched materials were published in the local newspaper "Olonets Provincial Bulletin" and in the journal "Olonets Diocesan Gazette". The author reconstructed the process of preparation and the process of actual anniversary celebration held on the premises of spiritual and educational institutions of Petrozavodsk, Moshinskii second-class parochial school in Kargopolsky county, and Nikolaevsky orphanage.

Key words: Gogol, provincial periodicals, periodicals, literary anniversaries, Petrozavodsk

REFERENCES

1. Dzalaeva K. R. City Holidays: literary jubilee celebration as an integration mechanism of Ossetia into Russian socio-cultural space (the second half of the XIX – early XX centuries) [Gorodskie prazdniki: yubileynye literaturnye torzhestva kak mekhanizm integratsii Osetii v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. № 6. Available at: www.science-education.ru/113-11618
2. Zhilyakova N. V. For the "literary anniversary": the problems of creativity of Russian writers in provincial pre-revolutionary periodicals [Dva "literaturnykh yubileya": problemy retseptsii tvorchestva russkikh pisateley v provintsial'noy dorevolyutsionnoy periodike]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*. 2002. № 1. P. 65–70.
3. Yanushkevich A. Poem Gogol "Dead Souls" in the space of Russian culture of 1920–1930 years [Poema N. V. Gogolya "Mertvye dushi" v prostranstve russkoy kul'tury 1920–1930-kh godov]. *Gogol' i vremya* / Ed. A. S. Yanushkevich, A. V. Petrov. Tomsk, Tomsk University Publ., 2005. 212 p.

Поступила в редакцию: 05.05.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 821.124+82-13+811.124

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА КОТОВА
аспирант кафедры классической филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
anastakot@gmail.com

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПАРНОГО СРАВНЕНИЯ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА (V, 343–349; 366–372)

Рассматриваются источники двух сравнений из «Аргонавтики» Валерия Флакка: *Медея – Прозерпина* (V, 343–349) и *Ясон – Сириус* (V, 366–372). Эти сравнения составляют пару, в которой главные герои показаны перед их первой встречей. Приведены сходства и различия между сравнениями *Медея – Прозерпина* и *Дидона – Диана* (Verg. Aen. I, 498–504), а также точки соприкосновения между сравнениями *Медея – Прозерпина* и *Навсикая – Артемида* (Hom. Od. VI, 102–109), из чего следует, что сравнение *Медея – Прозерпина* имеет два источника, на которые поэт прямо указывает. Второе сравнение *Ясон – Сириус* сопоставляется с другими пассажами, где образом сравнения является Сириус (Hom. Il. V, 4–8; XXII, 25–32; Apoll. Rhod. III, 956–961; Verg. Aen. X, 270–275), после чего становится ясно, что сопоставление *Ясон – Сириус* имеет три основных источника, которые используются поэтом по-разному: объект сравнения (внешность героя) заимствован из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, лексически сравнение сближено с Il. XXII, 25–32 и Aen. X, 270–275, tertium comparationis заимствовано из Il. XXII, 25–32.

Ключевые слова: Валерий Флакк, «Аргонавтика», Гомер, Вергилий, Аполлоний Родосский, сравнения, источники

В 5-й книге «Аргонавтики» Валерия Флакка, в которой рассказывается о встрече Медеи с Ясоном, находится парное сравнение. Описанию этой встречи предшествует развернутое сравнение, в котором Медея сравнивается с Прозерпиной. Вот эти стихи (V, 341–349)[1]:

his turbata minis fluvios ripamque petebat
Phasidis aequali[2] Scythidum comitante caterva.
florea per verni qualis iuga duxit Hymetti
aut Sicula sub rupe choros hinc gressibus haerens
Pallados, hinc carae Proserpina iuncta Dianae,
altior ac nulla comitum certante, priusquam
palluit et viso pulsus decor omnis Averno;
talis et in vittis geminae cum lumine taedae
Colchis erat nondum miseros exosa parentes.

«Взволнованная этими угрозами, она шла к водам и берегу Фасиды в сопровождении толпы скифянок-ровесниц. Как через покрытые цветами хребты весеннего Гиметта или под Сицилийским утесом вела хороводы Прозерпина, то не отстающая от шагов Паллады [то есть Минервы], то приблизившаяся к милой Диане, будучи выше всех своих спутниц[3], прежде чем она побледнела, и вся [ее] красота была уничтожена при виде Аверна; такой же была колхидянка [то есть Медея], с повязкой на голове, со светом двойного факела, еще не ненавидящая несчастных родителей»[4].

На этот пассаж оказало влияние сравнение *Дидона – Диана* из уже ставшей хрестоматийной «Энеиды» (I, 498–504), в котором Вергилий описывает карфагенскую царицу при ее первом появлении в поэме:

qualis in Eurotae ripis aut per iuga Cynthi
exercet Diana choros, quam mille secutae
hinc atque hinc glomerantur Oreades; illa pharetram
fert umero gradiensque deas supereminet omnis
(Latonae tacitum pertemptant gaudia pectus):
talis erat Dido, talem se laeta ferebat
per medios instans operi regnisque futuris[5].

«Как на берегах Эврота или по хребтам Кинфа водит хороводы Диана, следуя за которой со всех сторон собирается тысяча Ореад; она несет на плече колчан и, выступая, возвышается над всеми богинями (молчаливая радость проникает в сердце Латоны): такой же была Дидона, такая же, радостная, шла среди толпы, устремляясь [мыслями] к делам, связанным с будущим царствованием».

Сопоставления *Дидона – Диана* и *Медея – Прозерпина* построены по одной схеме: им предшествуют два «вводных» стиха (Aen. I, 496–497 – Arg. V, 341–342), 1-я часть обоих сравнений вводится словом qualis и занимает пять стихов, а 2-я – словом talis и умещается в две строки. Общей схеме соответствуют и лексические параллели: per iuga – per… iuga; aut – aut; choros – choros; hinc atque hinc – hinc… hinc; Diana – Dianae. Кроме того, в обоих пассажах говорится о том, что девушка превосходит окружающих ростом (deas supereminet omnis – altior ac nulla comitum certante), а также упоминается красота (forma pulcherrima Dido (не в самом сравнении, но в предшествующем стихе; I, 496) – decor). Если учитывать «вводные» стихи (Aen. I, 496–497, Arg. V, 341–342), то наблюдаем параллели in… ripis – ripam и magna iuvenum stipante caterva – aequali Scythidum comitante caterva (Дидона идет в сопровождении толпы молодых людей, Медею же окружает толпа

© Котова А. В., 2015

скифянок). Более того, оба сравнения занимают схожее место в структуре поэм: Дидона показана перед встречей с Энеем, Медея – незадолго до встречи с Ясоном.

Но акценты у Вергилия и Валерия Флакка разные. В «Энеиде» акцент – на первенстве Дидоны и ее власти: царица возглавляет шествие, а следом за ней идет толпа тирских principes; она выдается из своего окружения и занята совсем не женским делом – управляет городом. В «Аргонавтике» акцент – на красоте (decor) и внешнем превосходстве (nulla comitum certante) Прозерпины. Вероятно, Валерий Флакк учитывал и источник вергилиевского пассажа – сравнение из гомеровской «Одиссеи», где Навсикая сопоставляется с Артемидой (VI, 102–109), – в нем подчеркнута красота девушки.

Что касается топонимов в сравнении *Медея – Прозерпина*, то, как и у Вергилия, в «Аргонавтике» приведены два места – Гиметт и Сицилийский утес. Гиметт – это гора в Аттике, которая славилась медом, о чем писали многие римские поэты[6], которые называли Гиметт цветущим (florens): Ovid. Ars Amat. III, 687 (colles florentis Hymetti), Met. VII, 702 (vertice de summo florentis Hymetti); сладким (dulcis): Seneca Phaedra 22 (rupem dulcis Hymetti), Val. Fl. I, 397 (in dulcem… Hymetton), Iuv. Sat. 13, 185 (dulcique senex vicinus Hymetto); душистым (olens): Stat. Theb. XII, 622 (olentis arator Hymetti).

Сицилия (а именно – город Энна) часто упоминается как место похищения Прозерпины[7].

Топонимы, упомянутые Валерием Флакком, отличаются от вергилиевских: в «Энеиде» это берега Эврота и хребты Кинфа – река и гора, а в «Аргонавтике» – Гиметт и Сицилийский утес, то есть только горы. Валерий Флакк следует Гомеру, у которого названы горы, Тайгет и Эриманф. Но топонимы Валерия Флакка не соотносятся ни с теми, что есть у Гомера, ни с теми, что упоминает Вергилий: Тайгет расположен к западу от Спарты, Эриманф – в Аркадии, Эврот и Кинф находятся в Спарте и на Делосе соответственно, а у Валерия Флакка – Гиметт в Аттике и Сицилия.

Появление Сицилии в данном сравнении понятно: оно должно напомнить читателю о похищении Прозерпины, которое произошло на этом острове; что касается Гиметта, то здесь не все столь очевидно[8]. В поэтической традиции Гиметт – благоухающее место, где много цветов и пчел, – своеобразный locus amoenus; Валерий Флакк, упомянув время года (весну – verni Hymetti) и цветущие хребты (florea iuga), создает картину, в которую хорошо вписывается Прозерпина; она, в окружении подруг собирающая цветы на весеннем лугу, изображена в «Метаморфозах» Овидия (V, 391–394)[9].

В отличие от Гиметта Сицилийский утес указывает на конкретный сюжет: похищение Прозерпины. Но возникает вопрос, как понимать hinc… hinc в стихах 344–345. По мнению И. А. Вагнера [13; 166], Прозерпина была с Минервой в Аттике, а с Дианой на Сицилии: *hinc*, in Attica, *Pallados, hinc*, in Sicilia, *Dianae carae gressibus iuncta*. П. Ланген [7; 371] пишет, что Минерва и Диана часто появляются в произведениях искусства, особенно на саркофагах, где изображено похищение Прозерпины, «которому они то ли пытаются помешать, то ли помогают». Г. Дж. У. Вийсман [14; 174] отмечает, что Минерва, Диана и Кора (Прозерпина) появляются вместе уже у Еврипида (Hel. 1312–1317) и Диодора Сицилийского (V, 3, 4)[10]. Упоминание Минервы, Дианы и Прозерпины в одном контексте, видимо, стало обычным. Это подтверждается двойным hinc в указанных стихах Валерия Флакка: когда речь идет о двух разных местах, используется hinc… illinc (например, Lucan. II, 399–402; Apul. Met. XI, 5); когда же речь идет об одном месте, употребляется hinc… hinc (например, Lucan. III, 280–283).

Итак, сравнение *Медея – Прозерпина* имеет множество перекличек со сравнением *Дидона – Диана* из 1-й книги «Энеиды» Вергилия. В отношении tertium comparationis и топонимов Валерий Флакк делает отсылку к сопоставлению *Навсикая – Артемида* из «Одиссеи». Таким образом, сравнение *Медея – Прозерпина* имеет два источника, на которые прямо указывает поэт.

Парой к сравнению *Медея – Прозерпина* выступает сопоставление *Ясон – Сириус* (V, 366–372)[11], которое появляется после того, как Юнона оросила Ясона «новой силой и блеском румяной молодости» (mole nova et roseae perfudit luce iuventae; ст. 365):

iam Talaum iamque Ampyciden astroque comantes
Tyndaridas[12] ipse egregio supereminet ore[13].
non secus autumno quam cum magis asperat ignes
Sirius et saevo cum nox accenditur auro
luciferas crinita[14] faces, hebet[15] Arcas et ingens
Iuppiter[16]. ast illum tanto non gliscere caelo
vellet ager, vellent calidis iam fontibus amnes.

«И вот он превосходит прекрасным лицом Талая, сына Ампика [то есть Мопса] и Тиндаридов [то есть Кастора и Поллукса], у которых волосы сияют, как звезды. Не иначе, чем когда Сириус осенью сильнее разжигает огни и когда ночь, у которой волосы в виде несущих свет факелов, озаряется грозным золотом, бледнеет Аркад и могучий Юпитер. Но поле хотело бы, чтобы он [Сириус] не разгорался по такой большой части неба, [этого же] хотели бы реки с уже вскипающими водами».

Сириус нередко упоминается у поэтов приносящим смертоносную жару: например, Germ. Fr. Arat. fr. 4 (4+3), v. 41–42 (letifer Sirius); Sil. It. Pun. XVI, 99 (letiferos accendens Sirius ignis); Stat. Silv. II, 1, 216 (letalis Sirius); App. Verg. Aetna 602 (vigil fervens ubi Sirius ardet); Verg. Georg. IV, 425

(rapidus torrens Sirius); Aen. X, 273–275 (…aut Sirius ardor / ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris / nascitur et laevo contristat lumine caelum) и т. д. Отчасти с этим связан зловещий подтекст данного сравнения.

В эпической поэзии есть несколько сравнений с Сириусом, но все они так или иначе восходят к Гомеру. Прежде всего это пассаж из 5-й песни «Илиады», где с сиянием Сириуса сопоставляется блеск Диомеда, которым его наделила Афина (V, 4–8):

δαΐέ οἱ ἐκ κόρυθός τε καὶ ἀσπίδος ἀκάματον πῦρ
ἀστέρ᾽ ὀπωρινῷ ἐναλίγκιον, ὅς τε μάλιστα
λαμπρὸν παμφαίνῃσι λελουμένος ὠκεανοῖο:
τοῖόν οἱ πῦρ δαῖεν ἀπὸ κρατός τε καὶ ὤμων,
ὦρσε δέ μιν κατὰ μέσσον ὅθι πλεῖστοι κλονέοντο.

«Зажгла ему от шлема и щита неистощимый огонь, подобный звезде позднего лета, которая ярче всех сияет, омывшись в Океане: такой ему огонь зажгла от головы и плеч и отправила его в середину, где теснилось больше всего воинов».

И у Валерия Флакка, и у Гомера богиня помогает герою: у Гомера Афина дала Диомеду силу и смелость (μένος καὶ θάρσος), у Валерия Флакка Юнона наделяет Ясона «новой силой и блеском румяной молодости».

Однако большее влияние на традицию оказало, как представляется, сравнение из 22-й песни «Илиады», где блеск панциря Ахилла, бегущего по троянской равнине, сопоставляется с Псом Ориона (ст. 25–32) [3; 330]:

Τὸν δ᾽ ὃ γέρων Πρίαμος πρῶτος ἴδεν ὀφθαλμοῖσι
παμφαίνονθ᾽ ὥς τ᾽ ἀστέρ᾽ ἐπεσσύμενον πεδίοιο,
ὅς ῥά τ᾽ ὀπώρης εἶσιν, ἀρίζηλοι δέ οἱ αὐγαὶ
φαίνονται πολλοῖσι μετ᾽ ἀστράσι νυκτὸς ἀμολγῷ,
ὅν τε κύν᾽ Ὠρίωνος ἐπίκλησιν καλέουσι.
λαμπρότατος μὲν ὅ γ᾽ ἐστί, κακὸν δέ τε σῆμα τέτυκται,
καί τε φέρει πολλὸν πυρετὸν δειλοῖσι βροτοῖσιν·
ὣς τοῦ χαλκὸς ἔλαμπε περὶ στήθεσσι θέοντος.

«Старец Приам его [то есть Ахилла] первым увидел [досл. глазами], несущегося по равнине и сияющего, словно звезда, которая восходит в конце лета, и блеск [ее] ярок среди многочисленных звезд во мраке ночи; ее называют псом Ориона. Она ярче всех, но является дурным знамением и несет несчастным людям сильную жару; так у него [то есть Ахилла] бегущего медь блистала вокруг груди».

На первый взгляд может показаться, что это – стандартное эпическое сравнение: tertium comparationis – сверкание доспехов и звезды – задано expressis verbis (ст. 26; 32), а все подробности о Сириусе имеют характер автономного отступления. Однако, рассказывая об этой звезде, Гомер акцентирует ее вредоносность[17] – и тем самым сравнение с Ахиллом, сеющим вокруг себя смерть, получает дополнительное, эксплицитно не выраженное, но более значительное tertium comparationis. Приам, глазами которого увиден Ахилл, не любуется блеском его доспехов, а с ужасом следит за приближением смертельно опасного врага[18].

У Валерия Флакка в качестве tertium comparationis выступает яркость и, как следствие, внешнее превосходство (Ясон внешне настолько ярче Талая и других красавцев, насколько Сириус, когда озаряет осенью небо своим светом, ярче Аркада и Юпитера, то есть и Ясон, и Сириус выделяются на фоне других людей и звезд соответственно); но тут же содержится указание на пагубность Сириуса (*saevo* cum nox accenditur auro; ast illum tanto non gliscere caelo / vellet ager, vellent calidis iam fontibus amnes), а это уже 2-е tertium comparationis – вредоносность: Ясон, подобно Сириусу, окажется гибельным для Медеи. Таким образом, в вопросе tertium comparationis Валерий Флакк следует за Гомером; помимо прочего, на это указывают и лексические переклички: ὀπώρης – autumno; νυκτὸς ἀμολγῷ – nox; ἀρίζηλοι αὐγαὶ – ignes, luciferas faces.

Сравнение с Сириусом есть и у Аполлония Родосского (III, 956–961) [3; 330][19]:

αὐτὰρ ὅγ᾽ οὐ μετὰ δηρὸν ἐελδομένῃ ἐφαάνθη
ὑψόσ᾽ ἀναθρώσκων ἅ τε Σείριος Ὠκεανοῖο,
ὃς δή τοι καλὸς μὲν ἀρίζηλός τ᾽ ἐσιδέσθαι
ἀντέλλει, μήλοισι δ᾽ ἐν ἄσπετον ἧκεν ὀιζύν:
ὣς ἄρα τῇ καλὸς μὲν ἐπήλυθεν εἰσοράασθαι
Αἰσονίδης, κάματον δὲ δυσίμερον ὦρσε φαανθείς.

«Он [то есть Ясон] же немного спустя показался томимой желанием [Медее], взмывая вверх, как Сириус из Океана, который прекрасным и ярким для взора[20] восходит, но на мелкий скот безмерную беду нагоняет: так же прекрасным для взора к ней подошел Эзонид, но, появившись, муки любви пробудил».

Здесь, как и у Валерия Флакка, с Псом Ориона сравнивается Ясон; а два tertia comparationis, как и у Гомера, – сначала яркость и красота, затем вредоносность; но и то и другое выражено эксплицитно (καλὸς; κάματον δὲ δυσίμερον ὦρσε). В данном случае Валерий Флакк больше сближается с Аполлонием – у обоих речь идет о внешней красоте героев, тогда как у Гомера – о сиянии доспехов. А вот лексических параллелей между сравнениями Аполлония Родосского и Валерия Флакка нет.

По мнению Т. Стоувера [12; 199], сравнение Валерия Флакка подсказано той повествовательной частью поэмы Аполлония, где Гера делает Ясона внешне более привлекательным перед его свиданием с Медеей (III, 919–926):

ἔνθ᾽ οὔπω τις τοῖος ἐπὶ προτέρων γένετ᾽ ἀνδρῶν,
οὔθ᾽ ὅσοι ἐξ αὐτοῖο Διὸς γένος, οὔθ᾽ ὅσοι ἄλλων
ἀθανάτων ἥρωες ἀφ᾽ αἵματος ἐβλάστησαν,
οἷον Ἰήσονα θῆκε Διὸς δάμαρ ἤματι κείνῳ
ἠμὲν ἐσάντα ἰδεῖν, ἠδὲ προτιμυθήσασθαι.
τὸν καὶ παπταίνοντες ἐθάμβεον αὐτοὶ ἑταῖροι
λαμπόμενον χαρίτεσσιν: ἐγήθησεν δὲ κελεύθῳ
Ἀμπυκίδης, ἤδη που ὀισσάμενος τὰ ἕκαστα.

«Тогда никто из более древних мужей не был таким, ни даже те, кто по происхождению от са-

мого Зевса, ни герои, которые родились от крови других бессмертных; таким Ясона сделала супруга Зевса в тот день и на вид, и для беседы. И озираясь, сами товарищи изумлялись, как он блещет красотой: радовался по дороге Ампикид [то есть Мопс], уже все обдумав».

Действительно, и в плане композиции пассаж Валерия Флакка схож с приведенными стихами Аполлония. Однако у последнего речь идет лишь о красоте, тогда как у Валерия Флакка важную роль играет момент опасности, таящейся в герое.

Наконец, латинским образцом для Валерия Флакка могло послужить сравнение из «Энеиды» (X, 270–275) [3; 330]:

ardet apex capiti cristisque a vertice flamma
funditur et vastos umbo vomit aureus ignis:
non secus ac liquida si quando nocte cometae
sanguinei lugubre rubent, aut Sirius ardor[21]
ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris
nascitur et laevo contristat lumine caelum.

«На голове горит шлем, с верхушки на гребне разливается пламя, и золотой щит извергает обширный огонь: подобно тому, как в ясную ночь кроваво-красные кометы зловеще алеют, или появляется жаркий Сириус, несущий жажду и болезни несчастным людям, и омрачает небо зловещим блеском».

Здесь с кометами и Сириусом сравнивается огонь, исходящий от Энея. Несомненно, Вергилий знал гомеровские стихи, послужившие ему образцом: у него речь идет тоже о военной амуниции, которая блестит и – что важнее – сопряжена с гибелью[22]. Кроме того, как замечает С. Харрисон, оба сравнения (это и Il. XXII, 25–32) поданы с точки зрения противника [4; 146]. Что касается Валерия Флакка, то он повторяет некоторые слова и выражения вергилиевского сравнения: non secus – non secus ac; nox – nocte; (nox) luciferas crinita faces – cometae sanguinei.

Таким образом, сопоставление *Ясон – Сириус* у Валерия Флакка имеет три основных источника, которые поэт использует по-разному:

1) из «Аргонавтики» Аполлония он заимствует объект сравнения (внешность героя);

2) с соответствующими стихами из 22-й песни «Илиады» и 10-й книги «Энеиды» сближается лексически;

3) из «Илиады» (XXII, 25–32) заимствует tertium comparationis.

Итак, сравнения *Медея – Прозерпина* и *Ясон – Сириус* имеют несколько источников, на которые Валерий Флакк указывает намеренно: сопоставление *Медея – Прозерпина* перекликается со сравнениями *Дидона – Диана* из «Энеиды» и *Навсикая – Артемида* из «Одиссеи»; сопоставление *Ясон – Сириус* имеет связь с пассажами из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, гомеровской «Илиады» и «Энеиды» Вергилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь сравнение приведено с двумя предыдущими стихами.
[2] Ср.: Ovid. Fast. IV, 451, где спутницы Персефоны названы chorus aequalis.
[3] Дословно: при том, что ни одна из спутниц не состязалась (с ней).
[4] Здесь и далее перевод автора статьи.
[5] Текст приводится по изданию Р. О. Б. Майнорса [8]. Подробнее о сравнении *Дидона – Диана* см. [1].
[6] Hor. Carm. II, 6, 13–15 (ille terrarum mihi praeter omnis / angulus ridet, ubi non Hymetto / mella decedent); Serm. II, 2, 15–16 (…nisi Hymettia mella Falerno / ne biberis diluta…); Mart. VII, 88, 8 (Pascat et Hybla meas, pascat Hymettos apes); XI, 42, 3 (Mella iubes Hyblaea tibi vel Hymettia nasci); Ovid. Ars Amat. II, 423 (…sumantur Hymettia mella). См. также: Strab. IX, 399; Plin. Nat. Hist. II, 32.
[7] Cic. In Verr. IV, 106–107; Diod. Sic. V, 3, 2; Ovid. Met. V, 385 sqq.; Fast. IV, 417 sqq.; Sil. It. XIV, 238–247; Лукан (VI, 740) называет Прозерпину Hennaea [14; 174].
[8] Обойтись упоминанием только одного места Валерий Флакк не мог, так как следовал модели Вергилия, где названы два топонима, соединенные союзом aut.
[9] См. также: Ovid. Fast. IV, 425–444.
[10] Также: Stat. Ach. I, 824–826: …qualis Siculae sub rupibus Aetnae / Naidas Hennaeas inter Diana feroxque / Pallas et Elysii lucebat sponsa tyranni («Как под скалами сицилийской Этны среди эннейских наяд светилась Диана и храбрая Паллада, и невеста элисийского тирана»); Paus. VIII, 31, 2. См. также: [11; 477].
[11] Сравнения со звездами в эпической поэзии встречаются нередко; бывают сопоставления как со звездами вообще, например, Hom. Il. VI, 295; 401; XIX, 381; Od. XV, 108; Ap. Rhod. I, 240; 774–781; II, 40–44; III, 1359–1363; Val. Fl. V, 563–569, так и с конкретными небесными светилами, например, Hom. Il. XXII, 317–321 (Геспер); Verg. Aen. VIII, 587–591; Val. Fl. VI, 524–528 (Люцифер); Val. Fl. II, 503–508 (Орион); Stat. Theb. VII, 709–710 (Сириус).
[12] В данном случае Валерий Флакк руководствуется принципом, который впоследствии назовут законом Бехагеля: каждая последующая синтагма градации длиннее предыдущей. См. также: [15; 175–178].
[13] Источник выражения ipse egregio supereminet ore – стих из вергилиевского сравнения Энея с Аполлоном (Aen. IV, 150): <— — —> tantum egregio decus enitet ore; на это указывают лексические совпадения (egregio, ore), фонетическое созвучие super*eminet* и *enitet*, метрическое сходство (кроме 1-й стопы), включая элизию в одном и том же месте. Вийсман отмечает здесь также влияние Aen. I, 501 (gradiensque (Diana) deas supereminet omnis) и VI, 856 (ingreditur victorque viros superrminet omnis) [14; 184].
[14] Когда crinitus используется в таком значении, от него обычно зависит Ablativus (см.: OLD, s. v. crinitus, 3); пассивное причастие с Accusativus в нашем случае напоминает греческие медиальные формы. См.: [7; 13–15].
[15] Hebet – конъектура Марка Антония Сабеллика (1502 г.); в рукописях (ω) habet [2; 121]. Глагол hebere нечастый, а применительно к звездам особенно (ThLL. Vol. VI, 3. Col. 2580).
[16] Вийсман пишет, что Юпитер на самом деле ярче Сириуса; возможно, поэт упоминает его из-за того, что он отец названного ранее Аркада [14; 187]. Кроме того, hebet в данном случае может значить, что, когда Сириус появляется и становится видимым, на его фоне свет Юпитера кажется менее ярким.
[17] В Il. V, 4–8 смертоносность Сириуса не акцентируется; см.: [10; 66].
[18] См., например: [9; 108].
[19] О том, как Аполлоний использует это гомеровское сравнение с Сириусом, см.: [5; 202–203]; [6; 48].

[20] Дословно: для того, чтобы быть увиденным.
[21] У Валерия Флакка есть созвучное Vulcanius ardor (IV, 686). Ardor (ст. 275) перекликается с ardet (ст. 270), что подчеркивает связь сравнения с контекстом.
[22] Й. Смоленаарс замечает, что Вергилий первым ввел в латинскую версию этого сравнения мотив смертоносности, заимствованный из Il. XXII, 25–32 [10; 66].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котова А. В. Verg. Aen. I, 498–504: Об уместности сравнения // Philologia Classica. 2014. Вып. 9. С. 275–287.
2. Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo rec. W.-W. Ehlers. Stutgardiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1980. XXVIII + 217 p.
3. Gärtner U. Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus. Stuttgart: Franz Steiner, 1994. 362 s.
4. Vergil. Aeneid 10 / With Introd., Transl., and Comm. by S. J. Harrison. Oxford: Clarendon Press, 1991 (repr. 2002). XLIII + 303 p.
5. Apollonius of Rhodes. Argonautica. Book III / Ed. by R. L. Hunter. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 266 p.
6. Hunter R. L. The Argonautica of Apollonius: Literary Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. X + 206 p.
7. C. Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo / Enarrav. P. Langen. T. I–II. Berolini: Apud S. Calvary & Co., 1896–1897. 574 p.
8. P. Vergili Maronis opera / Rec. brevique adnotat. crit. instr. R. A. B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1969. XVI + 452 p.
9. Richardson N. The Iliad: A Commentary. Vol. 6: Books 21–24. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. XX + 387 p.
10. Smolenaars J. J. L. Quellen und Rezeption. Die Verarbeitung homerischer Motive bei Valerius Flaccus und Statius // Ratis omnia vincet. Untersuchungen zu den Argonautica des Valerius Flaccus / Herausgegeben von M. Korn und H. J. Tschiedel. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms, 1991. S. 57–71.
11. Spaltenstein F. Commentaire des Argonautica de Valérius Flaccus (livres 3, 4 et 5). Bruxelles: Éditions Latomus, 2004. 563 p.
12. Stover T. Epic and Empire in Vespasianic Rome: A New Reading of Valerius Flaccus' Argonautica. Oxford: Oxford University Press, 2012. XII + 244 p.
13. Commentarius perpetuus in C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libros VIII / Conscript. a I. A. Wagner. Gottingae: Sumtibus Henrici Dieterich, 1805. 284 p.
14. Valerius Flaccus. Argonautica, Book V / A commentary by H. J. W. Wijsman. Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. XII + 322 p.
15. Wilkinson L. P. Golden Latin Artistry. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. XIII + 283 p.

Kotova A. V., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ON SOURCES OF PAIRED SIMILES IN VALERIUS FLACCUS' "ARGONAUTICA" (V, 343–349; 366–372)

The article deals with the study of sources providing two pair similes found in Valerius Flaccus's work "Argonautica": *Medea – Proserpina* (V, 343–349) and *Iason – Sirius* (V, 366–372). The author analyzes similarities and differences between two similes: *Medea – Proserpina* and *Dido – Diana* (Verg. Aen. I, 498–504), examines similarities between similes *Medea – Proserpina* and *Nausicaa – Artemis* (Hom. Od. VI, 102–109), and considers the simile *Medea – Proserpina*, which has two sources directly pointed out by the poet. The author juxtaposes the simile *Iason – Sirius* found in other passages, in which something / somebody is compared to Sirius: Hom. Il. V, 4–8; XXII, 25–32; Apoll. Rhod. III, 956–961; Verg. Aen. X, 270–275. The author clarifies that the simile *Iason – Sirius* has three main sources differently employed by the poet: tenor (appearance) is borrowed from Apollonius' "Argonautica", vocabulary is close to Il. XXII, 25–32 and Aen. X, 270–275, and tertium comparationis is adopted from Il. XXII, 25–32.

Key words: Valerius Flaccus, "Argonautica", Homer, Vergil, Apollonius of Rhodes, similes, sources

REFERENCES

1. Kotova A. V. Verg. Aen. I, 498–504: On Appropriateness of the Simile [Verg. Aen. I, 498–504: Ob umestnosti sravneniya]. *Philologia Classica.* 2014. Issue 9. P. 275–287.
2. Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo rec. W.-W. Ehlers. Stutgardiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1980. XXVIII + 217 p.
3. Gärtner U. *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus.* Stuttgart: Franz Steiner, 1994. 362 s.
4. Vergil. Aeneid 10. With Introd., Transl., and Comm. by S. J. Harrison. Oxford: Clarendon Press, 1991 (repr. 2002). XLIII + 303 p.
5. Apollonius of Rhodes. Argonautica. Book III. Ed. by R. L. Hunter. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 266 p.
6. Hunter R. L. *The Argonautica of Apollonius: Literary Studies.* Cambridge: Cambridge University Press, 1993. X + 206 p.
7. C. Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo. Enarrav. P. Langen. T. I–II. Berolini: Apud S. Calvary & Co., 1896–1897. 574 p.
8. P. Vergili Maronis opera. Rec. brevique adnotat. crit. instr. R. A. B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1969. XVI + 452 p.
9. Richardson N. The Iliad: A Commentary. Vol. 6: Books 21–24. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. XX + 387 p.
10. Smolenaars J. J. L. Quellen und Rezeption. Die Verarbeitung homerischer Motive bei Valerius Flaccus und Statius. *Ratis omnia vincet. Untersuchungen zu den Argonautica des Valerius Flaccus*. Herausgegeben von M. Korn und H. J. Tschiedel. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms, 1991. S. 57–71.
11. Spaltenstein F. Commentaire des Argonautica de Valérius Flaccus (livres 3, 4 et 5). Bruxelles: Éditions Latomus, 2004. 563 p.
12. Stover T. *Epic and Empire in Vespasianic Rome: A New Reading of Valerius Flaccus' Argonautica.* Oxford: Oxford University Press, 2012. XII + 244 p.
13. Commentarius perpetuus in C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libros VIII. Conscript. a I. A. Wagner. Gottingae: Sumtibus Henrici Dieterich, 1805. 284 p.
14. Valerius Flaccus. Argonautica, Book V. A commentary by H. J. W. Wijsman. Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. XII + 322 p.
15. Wilkinson L. P. *Golden Latin Artistry.* Cambridge: Cambridge University Press, 1970. XIII + 283 p.

Поступила в редакцию 26.05.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 821.161.1+821.113.6

ИРИНА СЕРГЕЕВНА МАТАШИНА
преподаватель кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация).
irinadesh@mail.ru

ИСТОРИЯ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время в Швеции большое внимание уделяется русской культуре. Взаимодействие наших стран в этой сфере является весьма продуктивным. Интерес к русской литературе возник в Швеции в XVIII веке и развивался волнообразно, отражая политические взаимоотношения наших стран. Именно тогда приобрели известность И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. При этом с течением времени, прошедшего после первого знакомства шведской читающей публики, критиков с русской культурой, и в частности с Достоевским, восприятие творчества писателя прошло определенную эволюцию. В конце XIX века (1880-е годы) в Швеции были изданы его первые романы. В представленной работе описывается история появления первых переводов произведений Достоевского, а также представлен анализ статей заинтересовавшихся ими критиков, по-разному классифицировавших творчество русского гения. Статья вводит в научный оборот ранее неизвестные работы шведских исследователей, которые могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Швеция и Россия, первые переводы, критические отзывы

В современной филологии весьма актуальны вопросы межкультурного взаимодействия литератур разных стран. Проблема взаимосвязи литератур России и стран Скандинавии описана в ставших уже классическими трудах Д. М. Шарыпкина («Русская литература в скандинавских странах» и «Скандинавская литература в России»). В настоящее время появилась целая плеяда литературоведов, продолжающих изучать данный вопрос. Например, современный ученый Нильс Хокансон посвятил обширную работу русской литературе в Швеции, уделив особое внимание творчеству Н. В. Гоголя (монография «Окно на Восток»). О рецепции творчества Маяковского писала О. Г. Абрамова [1], о творчестве Платонова – И. В. Романовская [6].

Российских фундаментальных исследований, посвященных рецепции творчества Достоевского в Северной Европе, и в частности в Швеции, не так много. В России этим вопросом занимались А. Н. Иванов, О. С. Сухих. Сведения о наследии писателя в Финляндии содержатся в книге Е. Г. Сойни «Солоневичи и Север» [7].

Шведские исследователи, напротив, весьма заинтересованы в изучении творчества и личности Достоевского, а также влияния, оказанного им и его произведениями на культуру Швеции. Первые работы, посвященные творчеству Достоевского, не отличались подробностью и обстоятельностью. Лиценциат теологии, секретарь литературного общества имени Э. Г. Гейера Хенрик Флемберг в своем еще не опубликованном обзоре «Достоевский в Швеции – рецепция творчества – I. До 1900 г.» (Flemberg H. «Dostojevskij i Sverige – författarens mottagande på svenska – I. Före år 1900») упоминает несколько статей, посвященных заявленной теме. В частности, он рассматривает работу Ингемара Визелиуса «Достоевский в Швеции», отмечая, что она основана на недостаточном количестве источников, социологическое исследование шведской прессы периода 1876–1892 годов на предмет упоминаний о Достоевском Карла Эрика Росенгрена, статьи Хольгера Алениуса и Бертиля Нолина. Проблемой рецепции творчества Достоевского занимался и Ханс Левандер. О русской литературе и Достоевском, в частности, писали Нильс Оке Нильссон, Свен-Олов Стальфельт, Магнус Юнгрен. Личность Достоевского изучали Свен Линнер (Sven Linner «Dostojevskij. Helgonbild och livsmystik», 1982), Уве Викстрём (Owe Vikström «Den kluvnes väg mot helhet i Dostojevskijs Brot och straff», 1982), Карл Эрик Лагерлёф (Karl Erik Lagerlöf «Dostojevskij. Liv och dikt», 1978), Пер Арне Бодин (Per Arne Bodin статья «Dödsdomen mot Dostojevskij och det fria ordet» из книги «Kyssen i Ryssland», 2002), Ян Эриксон (Jan Eriksson «Någon besökte min själ. Dostojevskijs andliga resa», 2004), Гейр Хьетсо (Норвегия, Geir Kjetsaa «Fjodor Dostojevskij. Ett diktarliv», 1987) и другие.

История взаимоотношений России и Швеции знает периоды отчуждения и времена сотрудничества. В целом соседство наших стран изначально служило благоприятным для культурного обмена фактором. Д. М. Шарыпкин отмечает, что в процессе «беспрерывных соприкосновений и взаимовлияний… интерес писателей Севера к русской литературе закономерен. Книги русских писателей, рассказывающие о становлении новых людей и по-своему решавшие коренные

© Маташина И. С., 2015

проблемы бытия, расширили представления скандинавов о России и русской культуре» [8; 6]. Однако во времена конфликтов и войн этот интерес, несомненно, угасал, сменяясь взаимной неприязнью. Культурные связи России и Швеции во многом предопределялись их политическими отношениями. XVIII век стал эпохой сближения наших государств. Именно в этот период, как отмечают исследователи, зафиксированы первые знакомства шведского читателя с русской литературой [3].

Однако период оттепели в русско-шведских отношениях продлился недолго. По итогам войны 1808–1809 годов Финляндия вошла в состав России, вследствие чего градус недоверия и неприязни со шведской стороны усилился и на пути русской литературы к сердцам читателей возникли новые препятствия, которые необходимо было преодолеть. Для этого, по словам Свена-Олова Стальфельта, необходимо было сначала достичь «всеобщей политической стабильности» [11; 3]. Как отмечает исследователь, в первой половине 1840-х годов в политическом плане еще допускалось относительное эмоционально сдержанное отношение к нашей стране. Затем общественные настроения стали меняться, шведы жаждали реванша за поражение в войне 1808–1809 годов, к тому же антироссийские настроения в Европе перед Крымской войной (1853–1856 годы) были достаточно сильны. Эти настроения подавляли мысли о новых переводах с русского языка, если они вообще существовали в сознании шведов [11; 14]. Незадолго до окончания Крымской войны, в 1855 году, между Швецией, Францией и Британией был заключен «Ноябрьский договор» [5], ознаменовавший окончательное утверждение антироссийского курса внешней политики Швеции.

Впоследствии, когда позиции сторон, подписавших договор, несколько изменились и стали не так однозначны, король Швеции Оскар II предпринял попытку сближения с соседним государством. Благодаря новому политическому курсу появились возможности для более тесных контактов во всех сферах жизни, в том числе и в культуре [11; 5–14]. Лишь к концу 1860-х годов жители Скандинавии, и Швеции в частности, стали активно познавать жизнь загадочной страны, расположенной по соседству.

Интерес к России и ее культуре развивался волнообразно. Нильс Хокансон выделил два золотых периода русской литературы в Швеции. Первый начался в 1880-х годах, когда произведения Достоевского и Толстого стали активно переводить. Интерес этот, по словам автора, можно обозначить как «когнитивный»: в первую очередь произведения рассматривались как рассказы о жизни в экзотической стране на Востоке [10; 77][1].

Существует своя специфика восприятия русской литературы в Швеции. К примеру, произведения Тургенева стали известны здесь несколько позже, чем в остальной Скандинавии, лишь в 1876 году. С.-О. Стальфельт объясняет это отсутствием качественных переводов, подобных тем, что выполнил для датчан Вильгельм Мёллер [11; 14]. Это обстоятельство не помешало русскому классику к 1886 году стать наиболее широко обсуждаемым писателем в Швеции [3]. Однако в таком особом восприятии русской культуры можно найти и положительные стороны. Благодаря посредничеству Финляндии шведский читатель лучше, чем датский или норвежский, был информирован о тех явлениях русской литературы, которые казались второстепенными в соседних странах. Для многих шведов конца XIX века понятие «русская литература» включало представления не только о творчестве писателей «русского триумвирата» – Тургенева, Толстого и Достоевского, хотя они и были наиболее почитаемы, но и о произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Чернышевского и др. [8; 106]. Таким образом, история популярности русской литературы в Швеции имеет свои предпосылки и свои особенности, в чем-то затруднившие, а чем-то облегчившие путь писателей к сердцам шведских читателей и критиков.

Достоевского за рубежом начали активно переводить в 1880-е годы, пионерами в этом стали Франция, Германия и Великобритания, где первые издания романов появились в 1884 году [2]. Во второй половине 1880-х годов выходят в свет статьи, а также монументальный труд Мельхиора де Вогюэ «Le roman russe» («Русский роман», 1886), очерки Чарльза Тернера «Modern Novelists of Russia» (1890) и другие работы. Страны Северной Европы не могли остаться в стороне от общей тенденции. С появлением в Швеции реалистического направления романы Достоевского органично влились в поток переводной литературы.

Первое издание Достоевского на шведском языке вышло в Финляндии в 1881 году (роман «Униженные и оскорбленные», Хельсинки, перевод Ольги Аспелин). Переводы на финский стали появляться несколько позже, когда подъем национального самосознания финнов ликвидировал шведскую культурную монополию в стране: в 1887 году была напечатана повесть «Кроткая», в 1888-м – «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание» (переводчик – Марти Вуори) [4; 12]. Так же, как и в других странах, в Финляндии Достоевский быстро обрел популярность, и с конца 80-х годов XIX века до Второй мировой войны были переведены основные его произведения, а в мирное время началась новая волна увлечения творчеством писателя [4; 11].

Таким образом, внимание шведских читателей и критиков к произведениям Достоевского не было исключительным для своего времени явлением, а стало продолжением зарубежной волны

интереса к русской литературе. По утверждению С.-О. Стальфельта, роман «Раскольников» («Преступление и наказание») был переведен и опубликован в Швеции в тот момент, когда русская литература через работы Тургенева утвердилась там, причем утвердилась прочно [11; 66].

Первое беглое упоминание о Достоевском встречается в 1873 году. Х. Флемберг пишет о серии статей без указания автора в газете «Nya Dagliga Allehanda», где в номере от 4 сентября 1873 года среди прочих русских писателей назван и Достоевский как один из представителей реалистического направления.

Первым вышедшим в Швеции произведением знаменитого русского писателя стал роман «Преступление и наказание». Интересно, что перевод одновременно осуществляли два независимых издательства: издательство «Альберт Бонниер» в Стокгольме и издательство Универсальной библиотеки г. Уппсала. Работу закончили в 1883 и 1884 годах соответственно [11; 22–23]. До этого момента произведение Достоевского было известно лишь на других европейских языках, поэтому можно предположить, что заголовок романа – «Раскольников» – появился вслед за немецким переводом В. Хенкель (1882).

Другой вариант перевода этого же произведения, выполненный Даниэлем Стефаном Хектором (1883 год), публиковался несколько раз, вплоть до 1944 года [9; 13–14]. Как правило, основой для переводческой работы служили немецкие, иногда французские издания, исключение составляли книги, выходившие в свет в Хельсинки. Финские переводчики опирались на оригинальное произведение, однако результаты их трудов не становились известны шведской публике.

Таким образом, сразу два крупных шведских издательства обратили внимание на не очень известного в стране писателя и опубликовали его работу. Однако следует отметить, что знакомство читающей публики с Достоевским состоялось еще до выхода в свет перевода романа [11; 24]. Это было не просто упоминание о писателе вскользь, а подробный рассказ о личности и творчестве Достоевского. С.-О. Стальфельт приводит данные об очерке Г. Брандеса, вышедшем за полгода до издания готовой книги и опубликованном в «Göteborgshandels- och sjöfartstidning». В итоге статья превратилась в рецензию на «Преступление и наказание». Она была основана на переводе, опубликованном в Германии [11; 25]. Положительный отзыв об авторе и его произведении, благодаря авторитету и известности датского критика, во многом определил дальнейшую судьбу русского классика в Швеции. По стопам Брандеса пошли многие шведские литературоведы: Густав аф Гейерстам, Альфред Йенсен и другие. Постепенно анализ произведений Достоевского становился все более глубоким, критики обратили свое внимание не только на сведения о традициях и укладе жизни в России, но и отмечали мастерство психологического анализа писателя.

Таким образом, русская литература прошла нелегкий путь к сердцам шведских читателей. Политические взаимоотношения двух стран наложили свой отпечаток на культурные связи России и Швеции. При этом произведения русских писателей смогли завоевать признание в читающих кругах государств Северной Европы. Постепенно известность стал приобретать и Достоевский. На волне интереса к экзотической русской литературе его романы обретали все большую популярность среди критиков, читателей и постепенно заняли важное место в культуре Скандинавии в целом и Швеции в частности.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Второй период увлечения начался в 1970-е годы с ростом интереса к русскому модернизму, современной советской и антисоветской литературе, а также волной новых публикаций классиков. После начала 1990-х количество изданий стремительно уменьшается. На сегодняшний день книги, переведенные с русского языка, составляют незначительный процент от общего количества изданий в Швеции: в 2000-х годах выходило примерно 14 наименований в год [10; 132–139].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова О. Г. Творчество Владимира Маяковского в литературе и критике Швеции: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2013. 24 с.
2. Бережков Ф. Достоевский на Западе (1916–1928). К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/be13.html#top
3. Иванов А. Н. Русские писатели как константы шведской культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/
4. Карху Г. Э. Достоевский и финская литература. Петрозаводск: Карелия, 1976. 136 с.
5. Ристе У. Шведско-норвежская уния, 1814–1905 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.norway-live.ru/library/istoriya-vneshney-politiki-norvegii15.html
6. Романовская И. В. Современное шведское платоноведение // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 2. С. 63–68 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=2969
7. Сойни Е. Г. Иван Солоневич и важнейшие черты финской критики и публицистики 1900–1930-х годов // Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 149–196.
8. Шарыпкин Д. М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975. 219 с.
9. Bergstrand M. Från Karamzin till Tolstoy. En bibliografi över rysk skönlitteratur i svensk översättning. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 430 p.

10. H å k a n s o n N. Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Uppsala: Ruin, 2012. 348 p.
11. S t a l f e l t S.-O. Dostojevskij i relation till svensk kritik, litteratur och litterär publik under 1880-talet: licentiatavhandling vid Uppsala Universitet. Uppsala Universitets bibliotek. Uppsala: Handskrifter, 1961. 226 p.

Matashina I. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON THE HISTORY OF THE FIRST SWEDISH TRANSLATIONS OF F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVELS

At present, the Swedish literary society is paying special attention to the Russian literary culture. Cooperation between our countries in this area is highly productive. Initially the interest towards Russian literature appeared in Sweden in the 18th century and was known to have a rather inconsistent character, which reflected unstable political relations between the two countries. During this particular time, such Russian writers as Turgenev, Tolstoy and Dostoyevsky became rather famous. With time, the Swedish reading public and the literary critics became more familiar with the culture of Russia and Russian literature. The perception of F. M. Dostoyevsky underwent through some changes and evolutionalized. In the late 19th century, namely in 1880, the writer's first novels were published in Sweden. The article describes the history of the first translations of Dostoyevsky's works. It presents the analysis of critical essays, which introduce different ways of the Russian genius creativity's classification. The article also deals with some previously unknown works of Swedish researchers, which can be used for the further study of Fyodor Dostoyevsky's novelism.

Key words: F. M. Dostoyevsky, Sweden and Russia, first translations, critical essays

REFERENCES

1. A b r a m o v a O. G. *Tvorchestvo Vladimira Mayakovskogo v literature i kritike Shvetsii: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Works of Vladimir Mayakovsky in the literature and criticism in Sweden. Author's abst. PhD. philol. sci. diss.]. Voronezh, VGU Publ., 2013. 24 p.
2. B e r e z h k o v F. *Dostoevskiy na Zapade (1916–1928). K 190-letiyu so dnya rozhdeniya F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky in the West (1916–1928). To the 190th anniversary of the birth of Fyodor Dostoyevsky]. Avaliable at: http://magazines.russ.ru/neva/2011/5/be13.html#top
3. I v a n o v A. N. *Russkie pisateli kak konstanty shvedskoy kul'tury* [Russian writers as the constants of the culture in Sweden]. Avaliable at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/
4. K a r k h u G. E. *Dostoevskiy i finskaya literatura* [Dostoyevsky and the Finnish literature]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1976. 136 p.
5. R i s t e U. *Shvedsko-norvezhskaya uniya, 1814–1905* [Swedish-Norwegian union, 1814–1905]. Avaliable at: http://www.norway-live.ru/library/istoriya-vneshney-politiki-norvegii15.html
6. R o m a n o v s k a y a I. V. Modern Platonov studies in Sweden [Sovremennoe shvedskoe platonovedenie]. *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № 2. P. 63–68. Avaliable at: http://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=2969
7. S o y n i E. G. Ivan Solonevich and the major features of the Finnish criticism and publicism of 1900–1930-s [Ivan Solonevich i vazhneyshie cherty finskoy kritiki i publitsistiki 1900–1930-kh godov]. *Soyni E. G. Solonevichi i Sever* [The Soloneviches and the North]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Russian Academy of Science Publ., 2010. P. 149–196.
8. S h a r y p k i n D. M. *Russkaya literatura v skandinavskikh stranakh* [Russian literature in Nordic counties]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 219 p.
9. B e r g s t r a n d M. Från Karamzin till Tolstoy. En bibliografi över rysk skönlitteratur i svensk översättning. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 430 p.
10. H å k a n s o n N. Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Uppsala: Ruin, 2012. 348 p.
11. S t a l f e l t S.-O. Dostojevskij i relation till svensk kritik, litteratur och litterär publik under 1880-talet: licentiatavhandling vid Uppsala Universitet. Uppsala Universitets bibliotek. Uppsala: Handskrifter, 1961. 226 p.

Поступила в редакцию 05.06.2014

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 398

ИЗАЛИЙ ИОСИФОВИЧ ЗЕМЦОВСКИЙ
доктор искусствоведения, профессор (Беркли, Калифорния, США)
izalma49@yahoo.com

«DO IT WITH PROPP!» (ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ СЕРИИ «В. Я. ПРОПП В АМЕРИКЕ»)

Читателям предлагаются воспоминания ученика В. Я. Проппа Изалия Земцовского[1], написанные в июле этого года по просьбе нашего журнала. В воспоминаниях нашли свое отражение зарубежные публикации о вкладе В. Я. Проппа в теорию и практику кино.

Ключевые слова: Владимир Яковлевич Пропп, «Морфология сказки», американский кинематограф

В моей жизни было много хорошего и светлого. Ярчайшим из лучшего было 15-летнее (1955–1970) общение с Владимиром Яковлевичем Проппом.

Владимир Яковлевич был не только моим университетским профессором, учителем, научным руководителем, позже официальным оппонентом, редактором, коллегой (причем не только в фольклористике, но и, представьте себе, в филателии), неоднократно даже участником фортепианного дуэта, – мне, осиротевшему в 5 лет, он стал по сути вторым отцом. Он никогда не отказывал мне во встрече. Увидеться с ним было моим лучшим лекарством от всех невзгод. Никогда не забуду, как в середине 1960-х годов, когда после моей первой защиты (мне было тогда 28 лет) некоторые коллеги вдруг перестали со мной общаться и стали распространять про меня какие-то небылицы, я приехал к Владимиру Яковлевичу с единственным вопросом – пожалуйста, объясните, что происходит? Я ведь ни на йоту не изменился! И тогда он, чуть ли не торжественно усадив меня в кресло, с нарочитой четкостью медленно произнес: «Запомните: есть такое длинное иностранное слово – *кон-ку-ренци-я*». И все сразу стало просто и легко, и мы оба весело расхохотались. Жизнь продолжалась...

И вот я преподаю в США – читаю американским студентам Беркли и Стэнфорда лекции по истории и теории российской фольклористики, веду семинары по Веселовскому и Потебне, Проппу и Путилову. И однажды... Но все по порядку. В мою бытность в США имя Владимира Яковлевича возникало неоднократно. Расскажу об одном эпизоде, особенно меня порадовавшем. Судьба свела меня с Викторией Нелсон, американской писательницей и сценаристкой голливудских фильмов. Будучи у нее в гостях в городе Беркли, я как-то рассказывал о своих годах учебы в университетском семинаре В. Я. Проппа. И вдруг Нелсон перебила меня неожиданной фразой: «А вы знаете, если бы Пропп был жив, он давно бы стал миллионером!» И тут же разрешила мое недоумение: «У нас в Голливуде есть популярная и безотказно спасительная формула – “Do it with Propp!” (буквально «Делай это с Проппом!” или “Поступай согласно Проппу!”)». И добавила: «Когда нужно в одной фразе изложить суть будущего фильма, особенно в случае хитрого комбинирования, например, двух сюжетов, опытные мастера-сценаристы советуют: “Follow Propp!” (то есть буквально “Следуй Проппу!”). Выведенные им законы построения сказки работают и в кинематографии. Его книга “Морфология сказки” – имею в виду второе американское издание 1968 года – перепечатывалась в США уже не менее 20 раз. Все сценаристы ее имеют. Это их рабочая Библия... Так что я серьезно говорю вам, – повторила Нелсон, – Пропп разбогател бы в Голливуде». Отчасти я был подготовлен к этой реплике – правда, не к ее по-американски бойкой финансовой части, а скорее, по существу. Дело в том, что за несколько лет до того Лючано Берио (1925–2003), известный итальянский композитор-экспериментатор и, как оказалось, феноменальный эрудит, рассказывал мне о своей работе в оперном театре и о своей лекции на тему «Владимир Пропп и анализ оперы», где, в частности, говорил о том, что́ Пропп якобы в действительности имел в виду, но будто бы не решался опубликовать. Узнав о моей учебе у Владимира Яковлевича, маэстро Берио – это было в одном из петербургских ресторанов, куда он пригласил нас с Алмой (Алма Кунанбаева – фольклорист, жена И. И. Земцовского. – *Прим. ред.*) для беседы, – невероятно сказать – порывисто стал передо мной на колени... Такое не забывается – такое и вообразить трудно. Я оробел, но все же попросил рассказать о значении Проппа в его творчестве. Оказывается, он прочел все книги Проппа, переведенные к тому времени на итальянский, французский и английский языки, дискутировал о них со своим другом, писателем и философом Умберто Эко, а одна из опер Берио написана им на его собственное либретто, задуманное и сделанное, как он торжественно сказал, «исключительно по Проппу, в духе его “Морфологии”».

Однако вернемся в США. После той памятной беседы с Викторией Нелсон я решил поближе

© Земцовский И. И., 2015

ознакомиться с американскими публикациями по теории кино, и вот что я вскоре обнаружил. Имя Проппа занимает достойное место и в энциклопедии кино (Film Encyclopedia), и даже в учебниках по созданию и анализу фильмов (film textbooks). И не только в США. Даже в британском путеводителе по фильмам и кинематографии есть глава о Проппе (См.: Sheila Johnston. Film Narrative and the Structuralist Controversy: Propp // The Cinema Book / Ed. Palm Cook. London: British Film Institute, 1986. 3rd ed. 2008). Хронологически первыми оказались такие публикации, как Peter Wollen's (Питер Уоллен, 1976) исследование фильма 1959 года *North by Northwest,* демонстрирующее «морфологический анализ» в духе Проппа, и яркая статья Джона Фелла с вызывающим заголовком: «Владимир Пропп в Голливуде» [5].

На более академическом уровне написаны труды Дэвида Бордуэла – по сути о том, как Пропп стал Аристотелем кинематографической нарратологии [2], [3]. Дэвид Бордуэл – автор фундаментальной книги «Narration in the Fiction Film» [1], уже с десяток раз переиздававшейся. Имя Проппа появляется в ней буквально с первой страницы. Заслуживают упоминания и такие тексты, как «Disney's Animated Features In Comparison To Propp's Literary Theory» by Amy Sherr (1996) и «In and Out of Worlds: Fairy Tale Structures in Classic Hollywood Film» by Teresa Bairos (б/г).

Кинематографический интерес к методике В. Я. Проппа не угасает и сегодня, в 2000-е годы, начиная с изданной в Великобритании книги Ари Хилтунена [7]. См. также полезную книгу Стивена Бенсона «Cycles of influence: fiction, folktale, theory» [4] и вышедший под его редакцией том «Contemporary fiction and the fairy tale» (edited by Stephen Benson. 2006). Наконец, обращу внимание на еще две характерные публикации: «Policing Propp: Toward a Textualist Definition of the Procedural Drama» by Chandler Harriss [6] и «Applications of Vladimir Propp's formalist paradigm in the production of cinematic narrative» by Janis Lesinskis [8].

Когда эти воспоминания были уже завершены, я позвонил Виктории Нелсон, чтобы рассказать ей о них с благодарностью за ту памятную беседу, а в ответ получил неожиданный и ценный подарок – выпуск американского ежеквартальника «Раритан» с ее статьей о ежегодном европейском международном кинофестивале, с 1967 года регулярно проходящем в испанском средиземноморском городе Сиджес (Festival Internacional de Cinema Fantàstic de Catalunya, Sitges) [10]. Нелсон сформулировала там одно из непременных, по ее убеждению, правил популярного кинематографа: «Жанровый фильм строится как фольклорная сказка». Черты этих фильмов, которые на поверхностный взгляд представляются клише или копированием, на более глубоком уровне оказываются фольклорной закономерностью, отвечающей запросам широкой публики, с детства знакомой с традицией устного рассказа. Тут же Нелсон афористично формулирует свою хорошо продуманную мысль о том, что «старые голливудские фильмы были, разумеется, абсолютным Проппом», и голливудские боссы, добавляет она, вполне отдавали себе отчет в том, что́ именно американцы хотели смотреть.

Но пропповская теория сказки актуальна не только для старых фильмов. Оказывается, напоминает Нелсон, по сути именно открытие Проппа в области структуры рассказывания широко распространяется в последние годы среди сценаристов и писателей мира через феноменально популярные семинары и мастер-класссы Роберта МакКи, автора «библии сценаристов», по сей день регулярно переиздающейся [9].

Мне часто вспоминается один из последних визитов к Владимиру Яковлевичу, когда он был уже в больнице, прикованный к постели. Я принес ему хорошую весть о японском переводе его «Русских аграрных праздников». Никогда не забуду его реакцию на эту новость: «Надо же, я лежу и ничего не делаю, а слава моя растет».

Воображаю, как бы он ответил на известие о публикациях вроде «Пропп в Голливуде»...

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Изалий Иосифович Земцовский, фольклорист, музыковед и этномузыковед, родился и учился в Санкт-Петербурге, окончил одновременно филологический факультет университета (по классу проф. В. Я. Проппа) и консерваторию (как этномузыковед по классу Ф. А. Рубцова и как композитор по классу В. Н. Салманова). С 1960 по 1996 год – старший научный сотрудник Российского института истории искусств (СПб.). Доктор искусствоведения (1981), профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1991), член Союза композиторов России (1961), член американского Общества этномузыкологии (SEM, 1969). Лауреат Международной премии по этномузыкологии (Koizumi Fumio Prize for Ethnomusicology, 2011). Участник Рябининских чтений в г. Петрозаводске в 2007 году.

Из воспоминаний И. И. Земцовского о В. Я. Проппе:

1. Пропп – музыкант // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры / Ред. Ю. А. Клейнер и В. Н. Сажин. СПб., 1995. Т. 1. № 3. С. 396–401. Переиздано в кн.: Неизвестный В. Я. Пропп / Сост. А. Н. Мартынова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 448–451.
2. Урок поэтики Владимира Яковлевича Проппа // Судьба традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой / Ред.-сост. В. Д. Кен. СПб., 1998. С. 45–55.
3. Vladimir Propp and Ethnomusicology // The Journal of the Slavic and East European Folklore Association. 2001. Vol. 6. № 1. P. 26–30 (перевод с русского Натальи Кононенко).
4. В. Я. Пропп и этномузыкознание // Земцовский И. И. Из мира устных традиций: Заметки впрок: (К 70-летию автора). СПб., 2006. С. 110–116.

5. Письма В. Я. Проппа И. И. Земцовскому (1958–1970) / Подготовка к печати И. И. Земцовского // Из фондов кабинета рукописей Российского иститута истории искусств. Вып. 4 / Сост. Г. В. Копытова. СПб., 2007. С. 125–152. Пропущенное в этой публикации письмо от 23 августа 1964 года увидело свет в кн.: Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И. И. Земцовского / Сост. Н. Ю. Альмеева. Ч. 2. СПб., 2011. С. 209–210.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bordwell David. Narration in the Fiction Film. University of Wisconsin Press, 1985. 370 p.
2. Bordwell David. Classical Hollywood Cinema: Narrational Principles and Procedures. New York: Columbia University Press, 1986. P. 17–34.
3. Bordwell David. ApProppriations and ImPropprieties: Problems in the Morphology of Film Narrative // Cinema Journal. Vol. 27. № 3. Spring, 1988. P. 5–20.
4. Benson Stephen. Cycles of Influence: Fiction, Folktale, Theory. Detroit: Wayne State University Press, 2003.
5. Fell John L. Vladimir Propp in Hollywood // Film Quarterly. Vol. 30. № 3. Spring, 1977. P. 19–28 (см. с. 20–22: “Propp Goes to Hollywood”).
6. Harriss Chandler. Policing Propp: Toward a Textualist Definition of the Procedural Drama // Journal of Film and Video. 2008. Vol. 60. № 1. P. 43–59.
7. Hiltunen Ari. Aristotle in Hollywood: The Anatomy of Successful Storytelling. Bristol, 2002.
8. Lesinskis Janis. Applications of Vladimir Propp’s formalist paradigm in the production of cinematic narrative. RMIT, 2010. Available at: https://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:7520/Lesinskis.pdf
9. McKee Robert. Story: Style, Structure, Substance, and the Principles of Screenwriting. New York, HarperCollins Publishers, Dey Street Books, 1997. См. также его вебсайт “Storylogue”.
10. Nelson Victoria. The Ten Rules of Sitges // Raritan: A Quarterly Review. Vol. XXVI. № 2. Rutgers, 2006. P. 4–23. (См. о В. Я. Проппе на с. 11–13).

Zemtsovsky Izaly (Berkeley, Carlifornia, USA)

“DO IT WITH PROPP!” (MEMOIRS FROM THE SERIES: “V. YA. PROPP IN AMERICA”)

The recollections of Izaly Zemtsovsky, a Propp’s student, are written at the request of our journal in July of this year. They are dedicated to Vladimir Propp’s contribution into theory and practice of world cinematography and introduce into Russian scholarship numerous publications on the subject.

Key words: Vladimir Yakovlevich Propp, “Morphology of the Folktale”, American cinematograph

REFERENCES

1. Bordwell David. Narration in the Fiction Film. University of Wisconsin Press, 1985. 370 p.
2. Bordwell David. Classical Hollywood Cinema: Narrational Principles and Procedures. New York: Columbia University Press, 1986. P. 17–34.
3. Bordwell David. ApProppriations and ImPropprieties: Problems in the Morphology of Film Narrative // Cinema Journal. Vol. 27. № 3. Spring, 1988. P. 5–20.
4. Benson Stephen. Cycles of Influence: Fiction, Folktale, Theory. Detroit: Wayne State University Press, 2003.
5. Fell John L. Vladimir Propp in Hollywood // Film Quarterly. Vol. 30. № 3. Spring, 1977. P. 19–28 (см. с. 20–22: “Propp Goes to Hollywood”).
6. Harriss Chandler. Policing Propp: Toward a Textualist Definition of the Procedural Drama // Journal of Film and Video. 2008. Vol. 60. № 1. P. 43–59.
7. Hiltunen Ari. Aristotle in Hollywood: The Anatomy of Successful Storytelling. Bristol, 2002.
8. Lesinskis Janis. Applications of Vladimir Propp’s formalist paradigm in the production of cinematic narrative. RMIT, 2010. Available at: https://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:7520/Lesinskis.pdf
9. McKee Robert. Story: Style, Structure, Substance, and the Principles of Screenwriting. New York, HarperCollins Publishers, Dey Street Books, 1997. См. также его вебсайт “Storylogue”.
10. Nelson Victoria. The Ten Rules of Sitges // Raritan: A Quarterly Review. Vol. XXVI. № 2. Rutgers, 2006. P. 4–23. (См. о В. Я. Проппе на с. 11–13).

Поступила в редакцию 29.07.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 398.2

СУРЕН ТИГРАНОВИЧ ЗОЛЯН
доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии, Национальная академия наук Республики Армения (Ереван, Республика Армения)
surenzolyan@gmail.com

СТРУКТУРА СЮЖЕТА ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»: ИНВАРИАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Сюжет можно рассматривать и как содержание текста, и как модель семантической организации текста. В связи с этим предлагается различать глубинные и поверхностный уровни сюжета. Применительно к армянскому эпосу «Давид Сасунский» разграничение между глубинной структурой и ее трансформациями позволяет выявить целостность и связность эпоса и рассматривать все его различные ветви, версии и эпизоды как единый комплекс, хотя на поверхностном уровне связность между различными ветвями эпоса незначительна и основана лишь на единстве центрального локуса (Сасун) и генеалогии главных героев. Основная смысловая структура основана на двух связанных осях (патрилинейность – матрилинейность; патрилокальность – матрилокальность) и двух основных оппозициях (мужской – женский; свое – чужое). Используя формулу мифа К. Леви-Стросса, глубинный сюжет эпоса можно представить как переход от матрилинейной и матрилокальной системы в ее радикальной форме (отрицание роли мужчин в деторождении) к противоположной радикальной патрилинейной системе, отрицающей роль женщин в семье в ее абсолютной и потому трагической форме (отрицание продолжения жизни).

Ключевые слова: армянский эпос, «Давид Сасунский» («Неистовые из Сасуна»), эпос как многомерное множество семантических вариантов, глубинная структура эпоса как инвариант, формула мифа Леви-Стросса и ее приложение к эпосу

Армянский героический эпос «Давид Сасунский» (его другое распространенное название – «Неистовые из Сасуна») – выдающееся художественное произведение, ставшее символом духа армянского народа и его исторической судьбы. Эпос достаточно широко известен и за пределами Армении, в различных версиях он переведен на основные европейские языки и языки народов бывшего СССР, он регулярно включается в антологии мировой литературы. В декабре 2012 года эпос «Давид Сасунский» был включен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Несмотря на то, что он был записан в относительно поздний период[1], сразу после появления он оказал огромное влияние на армянское общественное сознание, литературу и идеологию. Главные герои эпоса, в особенности центральный персонаж Давид Сасунский, стали восприниматься как вечные символы армянской идентичности. Не только история, но и текущие события стали осмысляться (и переосмысляться) в соответствии с кодом, заданным этим эпосом. Приведем два показательных примера. Так, в годы Великой Отечественной войны был сформирован танковый полк «Давид Сасунский» – такова была воля пожертвовавших на закупку танков американских армян: как видим, война с фашистской Германией символически была представлена как продолжение эпических подвигов Давида. А в ходе последних президентских выборов в Армении (2013 год) один из кандидатов в президенты использовал эпос как политическую программу, по его мнению, в эпосе настолько точно была описана текущая ситуация и пути выхода из кризиса, что каких-либо добавлений не требовалось. Безусловно, такая тесная связь эпоса с текущей историей и даже повседневностью оказывает воздействие на модус его восприятия. Подобно легенде о прародителе армян Айке, эпос воспринимается прежде всего в патриотическом ключе – как победоносная борьба армянского народа против иноземных захватчиков за независимость, за идентичность, религию и саму возможность существования. Другое направление семантизации эпоса – это традиционный историко-филологический подход, который сосредоточен на выявлении того, какие исторические события нашли отражение в эпосе: разумеется, некоторые исторические факты могли послужить основой для тех или иных представленных в эпосе эпизодов, но несомненно и то, что в эпосе они явлены трансформированными в соответствии с фольклорными моделями. Кроме того, сами сказители и их аутентичные слушатели, в отличие от филологов, воспринимали эпос как повествование о реально случившемся, а вовсе не как искаженный образ исторических событий. Еще одно направление осмысления и интерпретации эпоса – это его сравнительный этимологический анализ, который ориентирован на экспликацию мифологических индоевропейских корней основных персонажей[2].

Однако эпос достоин и имманентного изучения – не как неполное и противоречивое от-

© Золян С. Т., 2015

ражение других систем (исторических или мифологических), но и как целостная, связная и многоаспектная самодостаточная семантическая система. Как это ни парадоксально, существует очень мало попыток изучить эпос именно как поэтическое произведение, как художественный текст, используя методологию поэтики и лингвистики текста. В некоторой степени этот пробел был восполнен А. Егиазаряном[3]. Мы также сосредоточимся на вопросах поэтики, но, по сравнению с А. Егиазаряном, мы намерены выявить структурные аспекты эпоса и его глубинной семантики[4]. Применение современных концепций и методов лингвистики и семиотики текста позволяет увидеть структурную целостность эпоса и рассмотреть его с этой новой точки зрения: выявления формы (структуры) семантической организации эпоса. Но до этого требуется ответить на достаточно нетривиальный вопрос: насколько методы текст-анализа применимы к эпосу, и если да, то в какой степени и каким образом? И можно ли вообще говорить о тексте применительно к эпосу «Давид Сасунский»? В самом деле, ведь нет такого объекта изучения, как полный текст эпоса «Давид Сасунский», – то, что имеют в виду, есть сводный текст (или композит), который был составлен в 1939 году выдающимся исследователем армянского фольклора и литературы Мануком Абегяном при содействии Геворка Абова и Арама Ганаланяна. Манук Абегян исполнил свой труд наилучшим образом, ему удалось объединить различные версии и эпизоды в рамках единого текста. Но в любом случае, это есть результат филологической реконструкции, но не оригинальный текст. Кроме того, среди записанных версий нет ни одной, которая включала бы все четыре ветви, как это представлено в сводном тексте. С другой стороны, есть много интересных эпизодов и деталей, которые не вошли в этот текст. Однако в наши цели вовсе не входит оценивать работу, прекрасно выполненную М. Абегяном и его коллегами. Главной нашей целью является на основе анализа всех существующих версий выделить нечто, что можно считать инвариантом, основой семантической организации различных вариантов, и тем самым выявить глубинное смысловое единство даже между непосредственно не связанными между собой версиями и эпизодами, которые можно при таком подходе рассматривать как трансформации некоторой глубинной структуры (инварианта).

Прежде всего, это предполагает иной подход к тексту и механизмам его структурирования и функционирования. Следует отказаться от привычного рассмотрения текста как линейной конкатенации эпизодов, соединенных посредством временных и причинно-временных взаимосвязей. Мы считаем, что следует различать текст как готовый продукт и текст как порождающую модель для создания таких продуктов. Обычно литературные произведения создают иллюзию, что существует полная и окончательная версия, которая и является собственно текстом, а все другие версии текстом не являются, а представляют собой несовершенные попытки в процессе создания последней и лучшей версии. Разумеется, и в этом случаи возникает ряд проблем, на которых мы сейчас останавливаться не будем. В данном случае можно лишь констатировать, что подобный подход не применим к фольклору, особенно к мифологии. Так что анализ мифа и эпоса может быть использован для введения и обоснования нового подхода к тексту. Впрочем, о «новизне» подобного подхода следует говорить с определенной долей условности. Еще в своей пионерской работе «Структура мифов» Клод Леви-Стросс предлагал рассматривать миф как многомерную структуру, как музыкальный текст, где линейность речи преодолевается за счет семантических и структурных средств [17; 432]. Тем самым можно уточнить то, как понимать разграничение между текстом как продуктом и текстом как моделью. Текст как продукт – это линейная последовательность эпизодов, связанных временными или причинно-следственными отношениями. Текст как модель – это многомерная структура (партитура), которую на семантическом уровне можно рассматривать как модель для создания различных композиций, которым будет соответствовать некоторое множество миров текста (художественных миров или, используя термины модальной логики, – возможных миров). При обращении к эпосу «Давид Сасунский» можно описать некоторые конфигурации связей, структур и смыслов, которые можно рассматривать как глубинную форму для определенных семантических моделей. Семантическая модель есть множество базисных объектов (персонажей), событий и отношений, которые поразному воспроизводятся в различных ветвях, версиях и эпизодах эпоса. Вариации и преобразования этой семантической модели выступают как репрезентации той же глубинной структуры в тексте эпоса, а сам эпос понимается как упорядоченное множество всех семантических вариантов, с которым соотнесено некоторое множество взаимосвязанных возможных миров (областей интерпретации).

В настоящее время, основываясь на результатах развития лингвистики текста и модальной семантики, можно подвести лингвистический фундамент под предложенное Леви-Строссом понимание мифа как многомерной нелинейной структуры и даже как инструмента для преодоления линейности времени. В наших предыдущих публикациях мы попытались описать формальную семантическую структуру текста с подобной точки зрения [4], [6]. Текст понимается как смыслопорождающий механизм, а не как – пусть даже очень сложная – линейная композиция вы-

сказываний, обособляемая от других подобных вербальных композиций четко выделяемыми границами (началом – концом). Тем самым семантическая структура текста выступает как полисемантичная многомерная структура, или, если воспользоваться прекрасной метафорой Льва Толстого, – как «бесконечный лабиринт сцеплений» [14], создающих основу для бесконечного множества интерпретаций. Изменение текстовой семантики литературного произведения не сопровождается изменением языковых выражений текста, она оформляется как создание нового (мета)текста, тогда как в случае фольклорных текстов новая семантика может найти свое воплощение в том числе и в новом в языковом отношении тексте. Для фольклора как раз обычной является ситуация, когда текст существует как множество смысловых и текстовых вариантов.

С этой точки зрения в случае «Давида Сасунского» множество возможных интерпретаций задано, но не как множество возможных прочтений некоторого текста (как то имеет место в случае литературного произведения) – в данном случае множество интерпретаций формируется на основе различающихся версий основной семантической модели-инварианта. Тем самым становится несущественным то, имеется или нет окончательный (или исконный и т. п.) вариант текста, а основным вопросом – до какой степени можно рассматривать имеющиеся версии как преобразования той же базовой структуры. Тем самым вносится необходимое уточнение: эпос рассматривается не как произвольный набор различных версий, а как *упорядоченное множество всех семантических вариантов.* Поэтому, понимая семантику эпоса как бесконечное множество возможных интерпретаций и межмировых соотношений, мы тем не менее отмечаем, что все эти интерпретации должны быть различными вариациями основной семантической структуры, рамками которой замкнута и упорядочена их бесконечность.

Совместимы ли друг с другом текстовые миры различных версий и ветвей, какие типы семантических отношений устанавливаются между ними? Отношения упорядоченности и связности должны быть установлены как внутри текстовых структур, так и между ними, учитывая парадигматические отношения и связи между различными версиями поэмы. С таких теоретических позиций эпос «Давид Сасунский» можно рассматривать как истинный образец текста, то есть как такой текст, который не был редуцирован к какой-либо более или менее случайной манифестации, будь то некая композиция ветвей, эпизодов, строф и т. д., а предстает именно как – повторим слова Льва Толстого об «Анне Карениной» – «бесконечный лабиринт сцеплений». Заметим, что при этом связи не хаотичны и произвольны, но обладают некоторой присущей им логикой, которая поддерживает всю семантическую структуру в целом и придает ей устойчивость.

Возможны два подхода к сюжету: один рассматривает сюжет в аспекте содержания и идеологии, а второй – как форму смысловой организации текста. Первый осознаваем автором и читателями, второй неосознаваем и может быть выявлен только в результате метаязыкового анализа. Это не столько содержание, сколько семантическая форма, которая организует собственно содержание. Здесь уместна лингвистическая аналогия – эти аспекты сюжета, его содержание и семантическая форма, выступают соответственно как его поверхностный и глубинный уровни (или структуры). Поверхностный уровень – это то, что читатель воспринимает непосредственно. Этот уровень выражает тематику и идеологию произведения. Глубинный уровень – это тот каркас или формальная структура, которая организует сюжет и связывает между собой различные эпизоды. Это не значит, что глубинный уровень выражает более глубокое содержание – это тот **инвариант**, результатом переосмысления и соответствующей трансформации которого явятся структуры поверхностного уровня. Впервые, насколько мы можем судить, применительно к структурам текста различие между глубинными и поверхностными структурами было предложено Владимиром Проппом (см.: [11], [13]), хотя он и не употреблял подобных терминов[5]. Если в постфольклорной ситуации глубинные структуры (инварианты) характеризуют преимущественно жанр, а не отдельные тексты, то в фольклоре это, как правило, унаследованные из прошлой стадии сюжетные семантические структуры, которые преобразуются в семантическую схему. Как показал В. Я. Пропп в более поздних работах [12], это с особой очевидностью проявляется при переходе от мифа к эпосу – когда семантические системы предыдущего этапа, при сохранении системы тех же смысловых оппозиций, оказываются формой выражения для иного содержания и миропонимания.

Указанное разграничение между глубинными и поверхностными структурами применительно к эпосу «Давид Сасунский» приводит к весьма интересным следствиям. Выявляется очень высокая степень текстовой связности на глубинном уровне, при том что на поверхностном уровне она является достаточно низкой. На поверхностном уровне связность между различными циклами поддерживается исключительно за счет генеалогии главных героев (главный персонаж следующего цикла является сыном главного героя предыдущего), а также тем, что все события связаны с одним и тем же центральным локусом, Сасуном. Внутри циклов сюжет также распадается на мало связанные между собой эпизоды, причем одни и те же эпизоды в разных версиях

могут достаточно свободно переходить из одного цикла в другой. Значительный разброс наблюдается и между различными зафиксированными версиями эпоса. В то же время обращение к глубинным структурам эпоса позволяет увидеть его единство, целостность и рассматривать его как единый комплекс всех различных ветвей, версий эпизодов и даже вариантов одного и того же эпизода. На этом уровне наблюдается исключительная цельность и связность не только ветвей, но и различных фрагментов и вариантов эпоса. Как организующая – своего рода каркас сюжета – выступает семантическая схема, отражающая организацию социума по двум связанным, но не всегда совпадающим осям (патрилинейность – матрилинейность; патрилокальность – матрилокальность) и по двум фундаментальным оппозициям (мужское – женское; свое – чужое).

С этой точки зрения разнообразие различных версий благоприятствует применению вышеуказанного подхода. Сравнительно позднее время письменной фиксации эпоса, безусловно, привело к неизбежным потерям более ранних версий, но вместе с тем обеспечило дополнительную возможность для появления новых вариантов. В ходе бытования исключительно в устной форме текст не мог не подвергаться постоянным существенным изменениям. Отсутствие письменной фиксации делало возможным свободное варьирование основных тематических структур. Различные варианты представляют возможности различного смыслового и событийного развития одной и той же семантической структуры. Таким образом, место несуществующей «изначальной», «исконной» или же «истинной» версии текста заступает парадигма взаимозаменимых и взаимодополняющих вариантов.

Синтагматическая связность сюжета осложняется и обогащается его парадигматическим измерением. Приведем предваряющий пример: в различных версиях эпоса варьируются родственные отношения между главным героем Давидом и его антагонистом Мсра Меликом. Во всех версиях они предстают как антагонисты, бой между ними – обязательный центральный эпизод эпоса. В различных версиях Мсра Мелик появляется как отчим, как сводный дядя Давида, как сводный брат или как сын мачехи Давида и даже как незаконорожденный (буквально: «Собака Мелик», то есть выродок, бастард Мелик) – сын любовника второй (младшей) жены Льва Мгера (она же мачеха Давида). При всем разнообразии и в некоторых случаях причудливости этих отношений родства/свойства четко просвечивает основная модель: Мсра Мелик является отчимом или старшим сводным братом Давида. Она допускает различные преобразования, но только такие, которые не затрагивают основные характеристики, а именно – принадлежность Мсра Мелика к клану и локусу матрилокальной (второй) жены отца Давида (Льва Мгера). На поверхностном уровне может быть только одно из возможных отношений, то есть Мсра Мелик может быть либо отчимом Давида, или его сводным братом, или приемным дядей и т. д. Однако на глубинном уровне все эти отношения возможны, если они сохраняют инвариантные признаки. Как видим, тот же набор семантических признаков актуален на обоих уровнях, но на глубинном уровне он выступает как конъюнкция признаков, а на поверхностном уровне – как дизъюнкция.

Другие семантические характеристики (в первую очередь идеологические) могут быть объединены с этим глубинным инвариантом. Идеологические характеристики должны мотивировать враждебные отношения между патрилокальным Сасуном и матрилокальным Мсыром (Египтом), и это неразрешимое противоречие на наблюдаемом поверхностном уровне интерпретируется как патриотическая и религиозная борьба армян-христиан против иноземных завоевателей-идолопоклонников. Тем не менее есть некоторые «непатриотические» версии (например, сказителя Аракела Шакояна из Нор-Баязета) – после победы над Меликом Давид оставляет Сасун и переезжает в Мсыр в качестве законного царя. Так античная Эдипова модель приобретения власти путем убийства царя и женитьбы на его вдове оказывается актуализованной в данном эпизоде[6]. Хотя подобные случаи являются исключениями на поверхностном идеологическом уровне, но они соответствуют общей логике глубинного сюжета.

Центральный для всего эпоса эпизод смертельного боя между Давидом и Мсра Меликом демонстрирует различия между глубинным и поверхностным семантическими уровнями, а также между функциями тех же семантических элементов в различных ситуациях и интерпретациях. Это показывает, что для объяснения отдельных эпизодов должна быть выстроена общая система, и только в ее концептуальных и структурных рамках всем компонентам эпоса могут быть адекватно приписаны их значения и функции. Семантическая организация эпоса «Давид Сасунский» в этом отношении может быть уподоблена структурному принципу мифа, который был охарактеризован Леви-Строссом следующим образом: «Если мифы имеют смысл, то он определен не отдельными элементами, входящими в их состав, а тем способом, которым эти элементы комбинируются» [8; 217].

Структурообразующим элементом рассмотренного эпизода, который соотнесен с устойчивыми сюжетными элементами других ветвей эпоса, является конфликт между носителями патрилокальных и матрилокальных отношений. Основная сюжетная линия – это не находящие успешного завершения попытки установления патрилинейных и патрилокальных отношений, родство через отца и связанные с ним отноше-

ния власти и наследования, *переход от незнания отца к узнаванию отца.* Именно эта линия скрепляет все четыре ветви эпоса. Хотя эпос начинается с чудесного рождения, отрицания роли отца в деторождении (забеременевшая от воды Цовинар рождает близнецов Санасара и Багдасара), но именно эта ситуация подлежит трансформации. Чуть ли не с самого рождения братья вынуждены вступить в смертельный конфликт с ложным отцом – мужем матери. Этот конфликт и в данном случае получает идеологическую мотивацию как конфликт между армянкой-христианкой и идолопоклонником Калифом (иногда он является турком). Этот мотив – конфликт с ложными отцами-отчимами (мужьями матери или мачехи) – может совмещаться с другим конфликтом – со сводными братьями, детьми настоящего отца, но которые были оставлены им в локусе матрилокальной жены (иногда она совпадает с мачехой). Отсутствие отца, своего рода безотцовщина вынуждает героев Сасуна вступать в смертельный бой с матрилокальными претендентами-узурпаторами. Сын и отец Сасуна не могут существовать одновременно. Все герои Сасуна – сироты, потенциальные жертвы матрилинейных отчима или старшего брата. Первые герои эпоса, близнецы Санасар и Багдасар, не имеют отца, их, как и в последующем Мгера-младшего, окружающие называют *pitch* (незаконнорожденный, букв. «ублюдок»). Претендующий на роль отца муж матери пытается их убить, но близнецам удается убить его самого, после чего они возвращаются в родной клан матери – к деду или же к дяде по материнской линии. Сын Санасара Мгер фактически не знает отца – Санасар умирает сразу же после рождения Мгера-старшего, или Мгера-Льва. Рождение сына, Давида, становится причиной смерти Мгера-старшего (это мотивировано нарушением данного обета, и, зачиная Давида как продолжателя рода Сасуна, его родители знают, что умрут). Наконец, единственные отец и сын, которые сосуществуют хронологически, но разделены пространственно, – это Давид и его сын Мгер-младший. Давид покидает Сасун еще до рождения сына, Мгер растет как сирота, и единственная встреча между ними заканчивается боем – лишь в последний момент сын и отец узнают друг друга, избежав убийства сыном отца, но Давид проклинает сына – быть бессмертным и не иметь потомства. Мгер-младший после смерти отца и матери, как и в детстве, которое он провел без отца, вновь становится сиротой – в ряде вариантов брат отца выгоняет его из отчего Сасуна как «собачьего сироту».

Как видим, бой Давида с Мсра Меликом есть лишь одна из вариаций инвариантного комплекса, хотя и наиболее удачная в идеологическом отношении. Противопоставление «свое – чужое» может иметь различные проявления, в том числе и как центральный эпизод – бой Давида с Меликом. Но в целом это отражение конфликта между своим Сасуном и своим патрилокальным родом и матрилокальными и матрилинейными локусами, откуда исходит смертельная угроза (напомним, что в некоторых вариантах Давида убивает его же дочь от покинутой матрилокальной жены Чмшкик-Ханум или она сама). Как можно убедиться из сказанного, при всем разнообразии сюжетов налицо повторяющиеся структурные компоненты, которые образуют единый сюжетный комплекс. В эпосе он воплотился в различных мотивах и их модификациях, но его единая семантика – это конфликт и временами бой с «ложными» отцами сына-сироты, которого в отсутствие истинного отца пытаются лишить (и, как правило, лишают) отцовского наследия. Все сюжетные линии сконцентрированы вокруг наиболее фундаментальных отношений родства (муж/жена; отец/сын; дом (род) отца/дом (род) жены; отец/дяди со стороны матери или отца)[7]. При этом наличествует четкое смысловое противопоставление начала и конца эпоса: начальному чудесному рождению без отца противопоставлено отцовское проклятие, приводящее к бесплодию. Такая маркированность границ эпоса есть несомненное свидетельство его текстуальной целостности и единства[8].

Как видим, функциональная значимость эпизодов эпоса на глубинном и поверхностном уровне различна, что подтверждает вышеприведенную мысль Леви-Стросса о смысле мифа как отношении между его структурными компонентами. То, что на поверхностном уровне дано как динамика подчас не связанных между собой событий, на глубинном уровне выступает как результат трансформации и совмещения базисных оппозиций. В свое время Леви-Стросс предложил универсальную модель развертывания мифологического сюжета – это семантический инструмент разрешения неразрешимых противоречий. Используя лингвистическую технику современного ему структурного анализа, Леви-Стросс описывает динамику событий как следствие трансформации бинарных оппозиций, в результате чего посредством медиации (введения промежуточных ступеней) осуществляется переход к новым парам менее радикальной оппозиции. В процессе медиации взаимоисключающие члены оппозиции заменяются такими, между которыми можно найти нечто общее (например, в случае «Давида Сасунского» фундаментальная оппозиция между жизнью и смертью заменяется медиативной формой – бес-смертие, это не жизнь, а лишь отсутствие смерти)[9]. Исходная, воплощающая неразрешимое противоречие оппозиция остается, но она предстает в более мягкой форме как пара противопоставленных, но не взаимоисключающих членов. На последнем этапе семантика и структура исходной оппозиции по-

лучает свое зеркальное отражение в финальной ситуации и организующей ее оппозиции.

Согласно Леви-Строссу, этот процесс определяет структуру любого мифа, что может быть описано посредством квазиалгебраической формулы[10]:

$$F_x(a) : F_y(b) = F_x(b) : F_{a-1}(y).$$

Разумеется, эту формулу следует использовать только в качестве каркаса, или ориентира, который показывает направление семантических операций. Тем не менее есть значительное соответствие между этой формулой и структурой содержания эпоса «Давид Сасунский». Возможно, столь сильную корреляцию между глубинной семантикой эпоса и формулой, предложенной Леви-Строссом для описания мифа, может объяснить вышеупомянутая идея В. Проппа о том, что при переходе от мифа к его трансформам (сказка, эпос) изменяется содержание мифа, но унаследованная из предыдущего этапа система семантических оппозиций и категорий становится формой выражения для нового содержания и новых идеологических моделей. Разумеется, оппозиция между матрилокальностью и патрилокальностью в конце XIX – начале XX века давно уже не была актуальной для повествователей эпоса, но она, как было показано выше, продолжала оставаться основной для глубинного сюжета и на поверхностном уровне получала свое выражение в новых идеологических противопоставлениях. С одной стороны, это было противопоставление этническое: армяне – турки (tatch'ik); с другой – религиозное: христиане (khachapasht, букв.: крестопоклонники) – идолопоклонники (kr'apasht).

Говоря о соответствиях между формулой Леви-Стросса и эпосом «Давид Сасунский», прежде всего следует отметить совпадение между числом членов формулы и числом циклов эпоса; это исключительный случай, когда эпос описывает деятельность как минимум четырех поколений, тогда как в других случаях присутствуют максимум три поколения[11]. Однако более существенным представляется то, что в основе семантической организации эпоса лежит упорядоченная группа семантических оппозиций, обеспечивающих градуальный переход от исходной ситуации к ее инвертированной (зеркальной) форме в финале эпоса. Основная модель, которая организует структуру эпоса в целом, может быть представлена как следующая семантическая интерпретация формулы Леви-Стросса:

$$F_x(a) : F_y(b) = F_x(b) : F_{a-1}(y),$$

где функции и переменные могут быть интерпретированы как: (a) – женский; (b) – мужской; F_x – деторождение; F_y – отсутствие деторождения; F_{a-1} – отсутствие женщин.

Семантическую структуру эпоса можно представить как переход от матрицы первой ветви:

|+ женское| |мужское|
vs
|+ деторождение| |- деторождение|

к матрице четверой ветви:

|+ деторождение | |отсутствие женщин|
vs
|+ мужское| |отсутствие деторождения|.

В первой части связанная с признаком «женское» функция «деторождение» протиповоставлена отсутствию деторождения, ассоциированного с признаком «мужское». Это находит свое перевернутое отражение в ситуации финальной части: продолжение рода (деторождение) связано с мужским началом, чему противопоставлено отсутствие потомства, отсутствие деторождения и отсутствие женщин. Это можно интерпретировать как переход от матрилинейной и матрилокальной системы в ее радикальной, отрицающей роль мужчины в деторождении форме (зачатие Цовинар от выпитой ею воды, ее уход из дома мужа и возвращение в дом отца, убийство ложного отца сыном, возникновение дома Сасуна) к противоположной радикальной патрилинейной модели, отрицающей роль женщин в абсолютной и поэтому трагической форме. Это находит отражение в следующих эпизодах и мотивах последних глав эпоса: бесплодие Мгера, его заточение в пещере (метафора могилы), проклятие отца (символическое убийство сына), убийства Мгером (иногда немотивированные) женщин, перенесение мертвого тела жены Мгера Гоар из ее отчего дома в Сасун и ее погребение в Сасуне рядом с могилой жены Давида Хандут, разрушение Сасуна и завершение его истории.

Финал эпоса – заточение бесплодного Мгера в пещере – можно рассматривать как медиативную форму основной для мифологического мышления оппозиции

(ЖИЗНЬ vs СМЕРТЬ) vs БЕС-СМЕРТИЕ, – отсутствие смерти при отсутствии потомства (то есть жизни) есть отрицание обоих членов оппозиции. Жизнь и смерть, несовместимые члены оппозиции, оказываются совмещены в их обращенном виде – как отрицание и того и другого. Отсутствие смерти оказывается сопряженным с отсутствием потомства: «*Нет мне ни смерти, ни потомства»*, так говорит о себе Мгер. Напротив, наличие потомства оказывается ассоциированным со смертью: «Моя гибель – от меня самого, Мое семя меня убило», таковы предсмертные слова Давида. Нетрудно заметить, что эта оппозиция (ЖИЗНЬ vs СМЕРТЬ) vs БЕС-СМЕРТИЕ есть глубинная структура, и в том числе вышеприведенной семантической формулы эпоса, эта формула является ее сюжетной конкретизацией.

В заключение вкратце укажем основные механизмы дальнейшего развертывания сюжета эпоса. Вышеприведенные глубинные семантические структуры определяют различные тематические направления развития сюжета, а также пределы возможных вариаций. Смысловые еди-

ницы базовой модели развиваются в производных, каждая из которых определяет некоторый набор тем и возможных ходов. Внутренняя динамика этих производных регулируется той же логикой, что и базовая модель, – это система градуальных оппозиций, то есть пошагового перехода от некоторого начального семантического комплекса посредством промежуточных структур до его конечной инверсии и/или отрицания. Такое развитие сюжета сответствует главной модели и распределено по четырем циклам. Это можно продемонстрировать как посредством анализа сюжета (описываемых событий), так и тем и мотивов (семантических инвариантов и вариантов). Основная формула может быть проинтерпретирована как противопоставление между персонажами первой и четвертой ветвей эпоса, или, точнее, между глубинными характеристиками персонажа. Эти характеристики понимаются в духе модели В. Я. Проппа как а) набор семантических признаков, который совмещен и который определяет б) действия данного персонажа и круг ситуаций, в которых он участвует [5]. Основная оппозиция, которая была приведена выше, может быть выражена как противопоставление между прародительницей рода Сасуна и его последним прямым отпрыском: ЦОВИНАР – МГЕР-мл.

Серия промежуточных оппозиций является основой для сюжетов отдельных частей. Их также можно описать как противопоставление между персонажами:

ЦОВИНАР vs КАЛИФ
ЦОВИНАР vs {САНАСАР vs БАГДАСАР}
САНАСАР vs БАГДАСАР
{САНАСАР vs БАГДАСАР } vs МГЕР-ст.
МГЕР-ст. vs {АРМАГАН vs ИСМИЛ ХАТУН}
МГЕР-ст. vs {ДАВИД vs МСРА-МЕЛИК}
ДАВИД vs МСРА-МЕЛИК
ДАВИД vs {МСРА-МЕЛИК vs ИСМИЛ ХАТУН}
{ДАВИД – МГЕР-мл} vs ГОРЛАН ОВАН
ДАВИД - {ХАНДУТ vs ЧМШКИК ХАНУМ}
{ВСЕ ПРЕДЫДУЩИЕ ОППОЗИЦИИ } vs МГЕР-мл.

Каждая из этих пар представляет определенную трансформацию и развитие базового семантического комплекса, который задан как в исходной, так и в финальной паре и обобщением которого является вышеприведенная формула – семантический инвариант эпоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Принято, что эпос «Давид Сасунский» в устной форме передается с IX века и основой его послужила освободительная борьба армян против арабских завоевателей, хотя сам эпос включает и ряд более архаичных эпизодов. Тем не менее в армянских источниках он не упоминается, хотя еще в XVI веке португальский путешественник Местре Афонсо и курдский историк Шараф Хан из Битлиса независимо друг от друга воспроизвели некоторые эпизода эпоса. Первая запись была сделана лишь в 1873 году епископом Гарегином Срвандзтяном. Эти, а также и другие справочные сведения см. в: [2; 619–620, 626–628].

[2] Ср. [10]. Из исследований последнего времени отметим: [19], [20], [21].

[3] [3], перевод на англ.: [22]; см. также: [16], [18].

[4] Приближением к проблемам глубинной семантики, но выполненным в сравнительно-сопоставительном аспекте, можно считать, помимо вышеуказанных работ Джеймса Расселла, также исследования Левона Абрамяна. См.: [1], [15].

[5] О значимости идей В. Я. Проппа об инварианте и трансформациях применительно к проблемам реконструкции см. в [7].

[6] Так, та же модель обретения власти присутствует и в «ультрапатриотическом» варианте (повествователь Мкртич Арутюнян из Шатаха), но в этом случае Давид отвергает подобную возможность: «Мать (Мсра-Мелика) говорит: “Сынок, ты убил моего сына Мсра-Мелика. Не беда, ты также мой сын. Возьми в жены его жену и пусть также и царство Мсра-Мелика будет твоим, а Сасун и так тебе принадлежит”. Давид говорит: “Как я рожден был от матери, я как непорочный агнец, и я не смешаю мое чистое (халал) тело с вашим грязным (харам) телом” (перевод наш. – *С. З.*)». Примечательно, что описывающий себя посредством евангельского символа («непорочный агнец») Давид использует исламские термины «халал» и «харам».

[7] Здесь не место рассматривать дополнительные, но также существенные конфликты из-за отцовского наследия между основными героями и их дядьями как со стороны матери, так и отца.

[8] Джеймс Расселл отметил наличие зеркальной симметрии между началом эпоса и его финалом также и на поверхностном уровне, что выражено посредством временной отнесенности соответствующих эпизодов к христианскому празднику – Дню Вознесения, что, по его мнению, свидетельство целостности эпоса и кольцеобразной формы его композиции [21].

[9] Мгер-младший обречен на бесплодие и на бессмертную жизнь в могиле, причем он не может выйти из пещеры до конца света (это конец мира, который под влиянием христианства стал восприниматься как второе пришествие Христа или Страшный суд).

[10] Ср.: «...любой миф (рассматриваемый как совокупность его вариантов) может быть представлен в виде канонического отношения типа: $F_x(a) : F_y(b) = F_x(b) : F_{a-1}(y)$. Поскольку два члена, a и b, заданы одновременно, равно как и две функции, x и y, этих членов, мы полагаем, что существует отношение эквивалентности между двумя ситуациями, определяемыми соответственно инверсией членов и отношений, при двух условиях: 1) если один из членов может быть заменен на противоположный (в вышеприведенном выражении: a и a-1); 2) если можно произвести соответственно одновременную инверсию между значением функции и значением аргумента двух элементов (в вышеприведенном выражении y и a) [8; 238–239].

[11] См. [9]. Заметим, что С. Неклюдов отождествляет поколение с главными героями четырех циклов, между тем, помимо этих четырех героев (близнецы Санасар и Багдасар; Мгер-Лев; Давид; Мгер-младший), в эпосе в первой ветви присутствуют мать близнецов Цовинар, ее отец Гагик, брат Теодорос, а в одной из версий четвертой ветви – сын Мгера-младшего Ованнес, то есть пять и даже шесть поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Герой без детства и герой, не расстающийся с детством // Армянский народный эпос и мировое эпическое наследие: Материалы 2-й междунар. конф. Ереван: Ван Арьян, 2006. С. 47–61.
2. Арутюнян С. Армянский народный эпос // Сасна Церер. Ереван: Советакан грох, 1977. С. 619–642. (на арм. яз.)
3. Егиазарян А. Поэтика эпоса «Давид Сасунский». Ереван: Изд-во НАН Армении, 1999. 281 с. (на арм. яз.)
4. Золян С. Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура // Критика и семиотика. М.; Новосибирск, 2013. № 1 (18). С. 18–44.
5. Золян С. Т. Описание сюжета: генеративный подход // Семиотика и проблемы коммуникации. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. С. 89–105.
6. Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. Изд. второе, перераб. и доп. М.: URSS, 2013. 331 с.
7. Иванов В. В., Топоров В. Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 44–76.
8. Леви-Стросс К. Структура мифа // Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 212–242. Впервые: Levi-Strauss Claude. The Structural Study of Myth // The Journal of American Folklore. 1955. Vol. 68. № 270. P. 428–444.
9. Неклюдов С. Ю. Типология и история в памятниках героического эпоса // The Armenian Epic "Daredevils of Sassoun" and the World Epic Heritage. 4–6 November, 2004, Tsakhkadzor. Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia, 2004. P. 17–24.
10. Орбели И. А. Армянский героический эпос. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1956. 143 с.
11. Пропп В. Я. Морфология сказки / Гос. ин-т истории искусств. Л.: Academia, 1928. 152 с.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
13. Пропп В. Я. Трансформации волшебной сказки // Поэтика. Вып. 4. Л.: Academia, 1928.
14. Толстой Л. Н. Письмо Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову (Ясная Поляна, 1876, апрель, 23 и 26) // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 18. С. 784–785.
15. Abrahamian L. Hero Chained in Mountain: On the semantics and Landscape Transformations of the Proto-Caucasian Myth // Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies. Association for Near Yerevan. 2006. Vol. 1. P. 222–238.
16. Bardakjian Kevork B. (Review) Daredevils of Sasun: Poetics of the Epic, by AzatYeghiazaryan, trans. S. Peter Cowe // Middle Eastern Literatures. 2011. Vol. 14. № 3. December. P. 324–327.
17. Levi-Strauss Claude. The Structural Study of Myth // The Journal of American Folklore. 1955. Vol. 68. № 270. P. 428–444.
18. Lint van Theo M. Review: Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic, by Azat Yeghiazaryan, trans. S. Peter Cowe // Comparative Literature Studies. 2010. Vol. 47. Number 4. P. 558–561.
19. Petrosyan A. Y. The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic. Journal of Indo-European Studies. Monograph № 42. Washington DC, 1977. 236 p.
20. Russell J. Mithra in the epic of Sasun: Armenian Apocalypse – to be appear in Proceedings of the conference on Armenian Apocalyptic, Hebrew University of Jerusalem (forthcoming).
21. Russell J. The shrine beneath the waves // RES, Antropology and Aesthetics, Cambridge, MA. Vol. 51. Spring, 2007. P. 136–156.
22. Yeghiazaryan Azat. Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic / Trans. S. Peter Cowe Costa Mesa. CA, Mazda Publishers, 2008. 239 p.

Zolyan S. T., National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Republic of Armenia)

THE PLOT STRUCTURE OF ARMENIAN EPIC "DAREVILS OF SASSOUN": INVARIANTS AND TRANSFORMATIONS

A plot can be considered both as a pattern and content of the text's semantic organization. In this regard we suggest adherence to the distinction between two levels of the plot: a deep level and a superficial one. In respect to the Armenian epic "The Daredevils of Sassoun" this distinction provides an opportunity to reveal integrity and coherence of the epic viewed as a unified set of all its various branches, versions, episodes and even variants, – despite that, on the superficial level, the cohesion between and within the various branches of the epic is rather weak. The underlying semantic structure is based on two associated axes (patrilineage – matrilineage; patrilocality – matrilocality) and two fundamental oppositions (masculine – feminine; own – alien). The deep plot of the epic can be understood as a representation of transition from the matrilineal (matrilocal) system in its radical form (denying men's role in childbirth) to the opposing radical patrilineal system denying women's role in its absolute and, therefore, tragic form (denying continuation of life). The well-known Levi-Straussian quasi-algebraic formula of the myth's semantics can be used as an instrument for the formal representation of this plot.

Key words: Armenian epic, "Daredevils of Sassoun", epic as multisemantic and multidimensional set of semantic varieties, deep and surfaces structures of the plot, Levi-Straussian formula and its application for epic

REFERENCES

1. Abramyan L. A. The Hero without childhood and Heroes, who do not abandon their childhood [Geroy bez detstva i geroy, ne rasstayushchiysya s detstvom]. *Armyanskiy narodnyy epos i mirovoe epicheskoe nasledie: Materialy 2-y mezhdunar. konf.* Yerevan, Van Ar'yan Publ., 2006. P. 47–61.
2. Harut'yunyan S. Hay zhoghovrdakan vepy [The Armenian folk epic]. *Sasna TSRRER*. Yerevan, 1977. P. 619–642. (in Armenian)
3. Egiazaryan A. *"Sasna tsrer" eposi poetikan* [Poetics of the Epic "Daredevils of Sassoun"]. Erevan, 1999. 281 p. (in Armenian)
4. Zolyan S. T. "Infinite Labyrinth of linkages": semantics of the text as a multi-dimensional structure ["Beskonechnyy labirint stsepleniy": semantika teksta kak mnogomernaya struktura]. *Kritika i semiotika*. Moscow; Novosibirsk, 2013. № 1(18). P. 18–44.

5. Z o l y a n S . T . Description of the plot : a generative approach [Opisanie syuzheta: generativnyy podkhod]. *Semiotika i problemy kommunikatsii*. Erevan, AN ArmSSR Publ., 1981. P. 89–105.
6. Z o l y a n S . T . *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [The semantics and structure of the poetic text]. 2-nd rev. and expanded ed. Moscow, URSS Publ., 2013. 331 p.
7. I v a n o v V . V . , T o p o r o v V . N . Invariant and Transformations in mythological and folklore texts [Invariant i transformatsii v mifologicheskikh i fol'klornykh tekstakh]. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: Sb. statey pamyati V. Ya. Proppa*. Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 44–76.
8. L e v i - S t r o s s K . The Structural Study of Myth [Struktura mifa]. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, Nauka Publ., 1985. P. 212–242.
9. N e k l y u d o v S . Y u . Typology and history in Heroic Epics [Tipologiya i istoriya v pamyatnikakh geroicheskogo eposa]. *The Armenian Epic "Daredevils of Sassoun" and the World Epic Heritage. 4–6 November, 2004. Tsakhkadzor.* Yerevan, National Academy of Sciences of Armenia, 2006. P. 17–24.
10. O r b e l i I . A . *Armyanskiy geroicheskiy epos* [The Armenian Heroic Epic]. Yerevan, AN Armyanskoy SSSR Publ., 1956. 143 p.
11. P r o p p V . Y a . *Morfologiya skazki* [The Morphology of folk tale]. Leningrad, Academia Publ., 1928. 152 p.
12. P r o p p V . Y a . *Russkiy geroicheskiy epos* [The Russian Heroic Epic]. Moscow, GIKhL Publ., 1958. 603 p.
13. P r o p p V . Y a . Transformations of the Folktale [Transformatsii volshebnoy skazki]. *Poetika.* Issue 4. Leningrad, Academia Publ., 1928.
14. T o l s t o y L . N . Letter L. N.Tolstoy to N. N. Strakhov [Pis'mo L. N. Tolstogo k N. N. Strakhovu]. *Tolstoy L. N. Sobr. soch.: V 22 t.* Vol. 18. P. 784–785.
15. A b r a h a m i a n L . Hero Chained in Mountain: On the semantics and Landscape Transformations of the Proto-Caucasian Myth // Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies. Association for Near Yerevan. 2006. Vol. 1. P. 222–238.
16. B a r d a k j i a n K e v o r k B . (Review) Daredevils of Sasun: Poetics of the Epic, by AzatYeghiazaryan, trans. S. Peter Cowe // Middle Eastern Literatures. 2011. Vol. 14. № 3. December. P. 324–327.
17. L e v i - S t r a u s s C l a u d e . The Structural Study of Myth // The Journal of American Folklore. 1955. Vol. 68. № 270. P. 428–444.
18. L i n t v a n T h e o M . Review: Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic, by Azat Yeghiazaryan, trans. S. Peter Cowe // Comparative Literature Studies. 2010. Vol. 47. Number 4. P. 558–561.
19. P e t r o s y a n A . Y . The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic. Journal of Indo-European Studies. Monograph № 42. Washington DC, 1977. 236 p.
20. R u s s e l l J . Mithra in the epic of Sasun: Armenian Apocalypse – to be appear in Proceedings of the conference on Armenian Apocalyptic, Hebrew University of Jerusalem (forthcoming).
21. R u s s e l l J . The shrine beneath the waves // RES, Antropology and Aesthetics, Cambridge, MA. Vol. 51. Spring, 2007. P. 136–156.
22. Y e g h i a z a r y a n A z a t . Daredevils of Sasun: Poetics of an Epic / Trans. S. Peter Cowe Costa Mesa. CA, Mazda Publishers, 2008. 239 p.

Поступила в редакцию 08.06.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 821.161.1+398

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

В ПРОСТРАНСТВЕ В. Я. ПРОППА (ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДЕТСКИМ ШВАМБРАНИЯМ КАК ЯВЛЕНИЯМ ФОЛЬКЛОРА)

Статья обращена к одному из феноменов детской субкультуры – игре в страну-мечту, которая многократно на разном материале исследовалась ее автором как явление детского фольклора. Возвращение к теме имеет целью акцентировать, как первообразы мифомышления (страна как остров, «островное царство»), обозначенные В. Я. Проппом, воссоздаются в детских утопиях (метафорически – детских Швамбраниях), насколько игра в страну соответствует тем основополагающим жанровым принципам, которые сформулированы великим ученым.

Ключевые слова: страна-мечта, детские утопии, остров, мечтательное воображение, поведенческий стереотип

Пространство Владимира Яковлевича Проппа – это мир его уникальных трудов, книг и статей, завоевавших мировое признание, это мир идей и прозрений великого ученого, создавшего целостную концепцию фольклора, это мир духовных и нравственных ценностей истинного интеллигента. Без Проппа невозможно себе представить не только отечественную, но и мировую фольклористику. Труды великого В. Я. Проппа, его методология анализа оказали определяющее влияние на мое существование в преподавательской и научной жизни в фольклористике. Идеями Проппа одушевлена одна из главных моих работ.

Детские игровые утопии, игры в страну-мечту. Они существенно отличаются от традиционных, уходящих в обрядовую жизнь детских игр, что сохраняют такие основополагающие константы, как название, модель, число участников, их функции, действия, движения, предметы, наличие вербальной составляющей. Эта тема, с которой в научный оборот вводится новое явление детского фольклора и детской мифологии, держит меня уже несколько десятилетий и является предметом многолетних штудий. Ей посвящено более десятка работ, которые не просто повторяют друг друга, а, используя новые источники, иногда являющиеся присланным кем-либо из коллег-филологов материалом как отклик на публикацию, дополняют уже напечатанное новыми фактами, обоснованиями, коннотациями, выявлением новых смыслов и аспектов [9].

Сама природа этих игр-импровизаций незрелищного типа сделала их «нефиксированными видами культуры» (термин В. Е. Гусева), предопределила их отсутствие в исследовательском поле, куда они не могли войти обычным для фольклористики путем. У такой игры иной «механизм» возникновения и бытования, никак не связанный с передачей от одного исполнителя другому. И рассматриваемая разновидность игр опровергает «привычное убеждение в том, что фольклорная традиция – это только трансмиссия текстов» [14; 16]. Они не могли быть записаны в момент разыгрывания, исполнения, ибо были известны только самим участникам игры, для которых это был «театр для себя», тайная жизнь «как будто», без свидетелей, без зрителей, без внешнего перевоплощения (костюм, декорации). Такая игра, как правило, воспроизводится ретроспективно в письменной форме самими участниками, ставшими взрослыми.

Импульсом и началом изучения этих игр была Швамбрания из известной (смею сказать, классической) повести Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания». Швамбранию придумали герои повести Лелька и Оська из обиды на взрослых за наказание.

«– Давай убегём! – предложил Оська. – Как припустимся! <…>

И вдруг ослепительная идея ударила мне в голову. <…> Не надо было никуда бежать, не надо было искать обетованную землю. Она была здесь, около нас. Ее надо было *только выдумать* (курсив наш. – *С. Л.*). Я уже видел ее в темноте. <…>

– Оська, земля! – воскликнул я, задыхаясь. – Земля! Новая игра на всю жизнь! <…>

– А во что играть?

– В страну!.. Мы теперь каждый день будем жить не только дома, а еще как будто в такой стране… в нашем государстве. Левое вперед! <…>

И мы сошли со скамейки на берег новой страны. <…>

Все это должно было сохраняться в строжайшей тайне <…> Мы играли с братишкой в Швамбранию несколько лет подряд. Мы привыкли к ней, как ко второму отечеству» [8; 35–36].

Пристальное и детальное рассмотрение кассилевской игры-импровизации в утопическую страну, истоком которой является мечтательство как непременный элемент детского мышления, «мечтательная форма воображения <…> с ясной

© Лойтер С. М., 2015

установкой на то, чтобы построить известный фантастический образ, относящийся к будущему» [4; 449–450], позволило мне сначала гипотетически высказать мысль об их причастности к детскому фольклору. Затем к изучению были привлечены другие многочисленные нетрадиционные для фольклористики и этнографии источники: 1) воспоминания, дневники, эссе; 2) автобиографические повести о детстве; 3) собственно детская литература (русская – преимущественно и зарубежная).

Самые ранние изображения или упоминания детских утопий относятся к первой трети XIX века, их продолжает игра в муравейных братьев, «Фанфаронова гора» и таинственная «зеленая палочка» братьев Толстых. Пик бытования игр в страну-мечту падает на начало XX века и 1940–1950-е годы, когда были придуманы страны Н. П. Анциферова, И. М. Дьяконова, М. Пришвина, З. Герцык, М. Шагинян, И. Эренбурга, К. Паустовского, А. Макина, У. Эко и др. Заметную группу материалов составили письма-отклики с воспоминаниями: фольклористов К. В. Чистова, М. Ю. Новицкой, литературоведов В. С. Баевского, Д. И. Черашней, Б. Ф. Егорова.

Совершенно особый слой текстов появился с использованием в фольклористике в 1990-е годы таких методов собирания (преимущественно в городе), как анкетирование, опросы, домашние задания для студентов. Это тексты «письменного фольклора» нескольких видов от студентов (тетради, описания, краткие ответы с названием вымышленной страны (Арлезиания, Страна Златорогого Оленя, Лимония, Страна Южинская, Атвитония и др.).

Среди многих выявленных игр в страну-мечту Швамбрания Л. Кассиля – одно из самых ярких и развернутых воплощений. Ее привлекательность, обаяние и в то же время достоверность состоят в том, что Кассиль перенес игру своего детства в книгу. В Швамбрании все представимо, оперсонажено, опредмечено. «Страна высокой справедливости, сладчайшего благополучия и пышного совершенства», как определяет ее автор, Швамбрания – морская держава, большой остров, имеющий форму зуба с тремя корнями, срисованными с зубоврачебной рекламы, у нее свой флот, свое флагманское судно со своим адмиралом Арделяром Кейсом. Произвольность, ассоциативность, абсолютную свободу комбинаций отражает «народонаселение» вымышленной страны (глава «Заповедник героев»), вобравшее в себя немалый книжный опыт ее создателей (несколько переиначенное название страны имеет своим началом книжный источник – «Греческие мифы» Шваба). И этот искрометный праздник вымысла позволил говорить о феномене Швамбрании, превратив ее название в имя нарицательное, в метафору. Мне не раз приходилось, когда речь заходила о детских мечтаниях, слышать: «наши детские Швамбрании», «сочиняли свои Швамбрании», «Швамбрания: Л. Мартов с братьями-сестрами в детстве играл в страну с особым моральным миром: Приличенск» [5; 436][1].

Основанная на творческой переработке книжных и жизненных впечатлений, «комбинировании их и построении на их основе новой действительности» [3; 7], вымышленная страна Кассиля несет в себе такую степень произвольности и свободы, такое нарушение привычного порядка вещей, такую логику «обратности», что делает игру родственной карнавальной культуре как «особой форме вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, семейного и возрастного положения» [1; 13].

Наиболее близки Швамбрании игры, описанные двумя авторами мемуаров – известным литературоведом, краеведом и историком Петербурга Н. П. Анциферовым («Из дум о былом») и известным ученым-востоковедом, переводчиком И. М. Дьяконовым. Амония, Парамония и Рондалия, созданные воображением гимназиста Коли Анциферова и его друзей – братьев Фортунатовых (один из них Филипп Федорович – известный лингвист), – это «неведомая, бесконечная страна чудес и сокровищ», «первая мечта об острове блаженных». Ахагия – целый архипелаг с множеством маленьких островов-государств, придуманных героями И. М. Дьяконова в «Книге воспоминаний».

Когда сформировался / образовался обширный и разнообразный материал о детских утопических играх, явленных то как развернутый художественный сюжет, то как подробное описание, то всего лишь как упоминание или высказывание, появилась возможность обоснованно говорить о них как явлении фольклора, определить их типологические признаки.

Характеризуя типологию этой импровизационной игры в страну-мечту, назову ее доминирующую константу – это поведенческий комплекс, «поведенческий стереотип», который содержит в себе способности «к многократной повторной применимости, способности к модификациям, к вариативности» [14; 111–112]. А вариативность – основа творческого процесса в фольклоре. Варьирование не ограничивается словесной сферой. По словам Б. Н. Путилова, «варьирование может захватывать все стороны плана содержания, плана выражения и реального функционирования фольклора» [13; 201]. Фольклорное знание в нашем случае включает в себя не только и не столько тексты, сколько широкий спектр воспроизведений и исполнений. Главный повторяющийся стереотип и «стабилизатор» игры, ее сигнал, ее маркер – *страна* (или ее эквиваленты) как символ воплощенной мечты или второй «автономной реальности», которая

противополагается реальности существующей. Неосознанно для «авторов» игры модель страны-мечты определяет свои архетипы коллективного и бессознательного, свои первообразы мифомышления, связанные с представлениями о «волшебной стране», об «ином царстве», «стране обилия», «солнечном царстве», которое разные мифологии связывают с островным положением. Исследуя «тридесятое царство» в сказках, В. Я. Пропп называет его «островным царством». Но оно может «лежать и на горе», «быть городом». Остров, город-государство, гора – таковы «формы локализации иного царства» в фольклоре многих народов, генетически восходящие к представлениям об ином «небывалом» мире [11; 290].

Как фольклорное явление игра в страну-мечту соответствует тем основополагающим жанровым принципам, которые были сформулированы В. Я. Проппом: «общность поэтической системы, бытового назначения и формы исполнения» [12; 46]. Игра в страну-мечту содержит в себе типологические признаки детской художественной игры: 1) способ воплощения художественного образа, которым является «страна», – поэтический символ идеального, гармонического мира, мифологизированное место действия, мифологизированный локус, преимущественно островное пространство; 2) структуру страны – план содержания, всякий раз заново созданный сценарий, основанный на деятельности воображения; 3) общность функциональных и исполнительских принципов новых игровых ситуаций – игра тайная, засекреченная, тщательно скрываемая, известная только самим играющим, которых преимущественно от одного до трех-четырех человек. Существующая прежде всего как способ духовной (и что не менее важно сокровенной) консолидации узкого круга участников, такая игра в основном городских детей – всегда новый сюжет, новые мотивы, персонажи, люди и/или животные, пребывающие, как уже отмечалось, в отношениях «вольного фамильярного контакта». Как правило, существование такой игры (слово «исполнение» в данном случае не подходит, так как это игра длительная, она не исполняется, а проживается) сопровождается созданием большего или меньшего количества атрибутов – своеобразного вещественного приложения, которое делает игру синтезом *устных и письменных форм.* Один из главных таких атрибутов – географическая карта, а самая впечатляющая – карта Швамбрании («У меня сохранились “швамбранские письма”, географические карты, военные планы Швамбрании, рисунки ее флагов и гербов»). Во всех упоминаемых мною странах реквизиты игры присутствуют и живописуются не так ярко, как в Швамбрании, но они вездеприсущи.

Совершенно особая сфера в играх в страну – их ономастика, то есть все то, что относится к именам собственным, – топонимам, антропонимам, зоонимам. Большинство из них не входит в основной словарный фонд языка, отсутствует в существующих толковых словарях или словарях имен, а относится к области словотворчества. Одна группа названий (Швамбрания, Кальдония, Бальвония, Шелопутия, Пришпандория, Гирляндия – у Кассиля; Амония, Парамония, Рондалия – у Анциферова; Ахагия, Миндосия, Пендосия, Делвария – у Дьяконова и др.) образована по одной и той же модели (суффикс -и- и окончание -я), которую известный исследователь детской речи А. Н. Гвоздев называет характерной для обозначения географических названий стран и областей в детском словотворчестве [6; 251]. Многочисленные примеры топонимов в располагаемых мною играх – замечательные плоды сочинительства, игры словом. Это произвольные и парадоксальные лексемы, близкие к зауми, образованные либо по принципу комбинаций частей разных слов, слогов и придания им самостоятельного значения, либо по принципу перестановки звуков и слогов в слове (метатезис), либо по принципу создания новых звукокомплексов, звукоподражательных, ономатопеических и междометных слов. Такая «языковая игра» – игра в игре [2; 83]. И она тем интереснее, изощреннее и богаче, чем начитаннее играющие. Это очень явственно обнаруживают игры современных детей, книжный багаж которых несравненно беднее. Тем не менее страны-утопии продолжают свою жизнь[2], подтверждая положение Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о том, что мифологический тип мышления может принадлежать и немифологической культуре, что устойчивость мифологии оказывается «предметом непосредственного наблюдения при обращении к миру ребенка», ибо детское мышление является «типично мифологическим» [10; 290–295].

Утверждая бесценность вечнодетского, игры в страну-мечту, детские утопии, детские Швамбрании вошли в фольклористику, стали достоянием науки. И о том, что они расширили спектр утопических воплощений, свидетельствует мнение одного их патриархов отечественной фольклористики, автора новаторского исследования о крестьянских социально-утопических легендах К. В. Чистова [16]. В новой книге «Русская народная утопия» он назвал появление детских утопий в исследовательском поле «подлинным открытием». «Это ново и своеобразно и вполне согласуется с современным расширительным пониманием фольклора» [15; 487–488]. А известный петербургский историк, культуролог, литературовед Б. Ф. Егоров ввел детские страны-мечты в исторический путеводитель «Российские утопии» [7; 121, 270–271].

В пространстве В. Я. Проппа я впервые оказалась на первом курсе филологического факультета Петрозаводского университета, когда слушала лекции по фольклору его ученицы, позже

друга – Ирины Петровны Лупановой[3]. Не помню, в каком году, взяв у Ирины Петровны монографию «Исторические корни волшебной сказки» тогда единственного издания 1946 года, из-за отсутствия в библиотеках полностью переписала от руки всю книгу, и два толстых блокнота до сих пор служат мне, хотя уже обладаю вторым изданием книги 1986 года. К работам Проппа неизменно обращалась на лекциях по фольклору в Карельском педагогическом институте, на занятиях научного студенческого кружка, когда студенты узнавали его «Морфологию сказки», реферировали отдельные работы. В развитие идей Проппа написан ряд статей: «О жанровой специфике кумулятивной сказки», о кумулятивной форме в детском фольклоре, ее мифоритуальных истоках[4]. После смерти И. П. Лупановой (2003) мне были переданы письма В. Я. Проппа, которые прокомментировала и подготовила к печати[5]. И сейчас, когда достигла весьма преклонных лет, совершенно особым для меня пространством стала книга «Неизвестный В. Я. Пропп», содержащая его автобиографическую повесть «Древо жизни», переписку с другом В. С. Шабуниным, врачом и художником, воспоминания учеников, друзей и коллег, «Дневник старости»[6]. Особенно «Дневник старости». «Под старость чувства не притупляются, а, наоборот, все обостряется; я стал еще более впечатлителен». «Я вижу, что несмотря на все свои тщательно скрываемые немощи, чего-то стою. <…> Я томлюсь неизъяснимым счастьем жизни» (это накануне своего 70-летия). «Я опять верю в свою работоспособность, в то, что моя инфернальная усталость обратима и что и в 70 можно быть бодрым». «Говорят, что наука – это подвиг, наука – это труд, большой, упорный, интенсивный. Наука – это страсть, притом страсть, с которой надо родиться. А в страстях человек не всегда волен. Вот схватит страсть – и становишься одержимым».

Настоящая статья – благодарение Владимиру Яковлевичу Проппу, в пространстве которого я находилась много десятилетий жизни. Она и дань памяти открывателю Швамбрании Льву Абрамовичу Кассилю, которому в этом году исполнилось бы 110 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. Искандер: «Я еще в детском саду придумал два племени: Эндурию и Кенгурию, рисовал их карты, изображая сражения между ними… Вроде Швамбрании» (Рассадин Станислав. Книга прощаний. М., 2004. С. 189).

[2] Мне удалось летом 2014 года получить от 12-летней Ксюши Яртцеровой ее тайный альбом с описанием, рисунками вымышленной страны Мурлании, в которой много атрибутов современной массовой культуры, но полностью отсутствуют книжные персонажи и ассоциации.

[3] См.: Лупанова И. П. Минувшее проходит предо мною… Книга о пережитом. Петрозаводск, 2007. С. 170–233.

[4] См.: Лойтер С. М. О жанровой специфике кумулятивной сказки // Проблемы изучения народного творчества: Респ. сб. Вып. IV. М., 1979. С. 18–28; Лойтер С. М. Кумулятивная форма в детском фольклоре: генезис, функция // Язык и поэтика фольклора. Петрозаводск, 2001. С. 150–161; Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 59–69.

[5] Письма В. Я. Проппа И. П. Лупановой (1954–1967) / Вступ. ст., подгот. текстов, коммент. С. М. Лойтер // АБ-60: Сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 497–513; Письма В. Я. Проппа И. П. Лупановой (1968–1970) / Подгот. текстов и коммент. С. М. Лойтер // Антропологический форум. № 7. СПб., 2007. С. 403–420. (Музей антропологии и этнографии. Кунсткамера). Письма переданы мною в рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), присоединены к личному фонду В. Я. Проппа (721), зарегистрированы в «книге поступлений», № 58 (протокол № 10), о чем информировала меня зав. Рукописным отделом Т. С. Царькова в письме от 19 декабря 2007 года.

[6] Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартынова; Подгот. текста, коммент. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002. 480 с. ((Петербургская серия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. 525 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. Ч. 1. М., 1994. 206 с.
3. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1967. 93 с.
4. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. 504 с.
5. Гаспаров М. Л. Записки и выписки // НЛО. 1998. № 31 (3). С. 427–439.
6. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка: В 2 ч. Ч. 1. М., 1949. 268 с.
7. Егоров Б. Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007. 416 с.
8. Кассиль Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1965. 670 с.
9. Лойтер С. М. Юмор «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля и детский фольклор // Жизнь и творчество Л. Кассиля / Сост. Л. Э. Разгон. М., 1979. С. 189–202; Лойтер С. М. Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Школьный быт и фольклор: В 2 ч. / Сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 65–75; Лойтер С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 605–617; Лойтер С. М. Феномен детской субкультуры. Петрозаводск, 1999. 44 с.; Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 134–173; Лойтер С. М. Еще раз о детской игре в страну // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 59–64; Лойтер С. М. Древнегреческие истоки русских детских игровых утопий первой трети XX века // Россия и Греция: диалог культур. Петрозаводск, 2007. С. 338–343.
10. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф. Имя. Культура // Труды по знаковым системам. 6. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 282–303.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
12. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
13. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. 464 с.

14. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки истории. Л., 1986. 303 с.
15. Чистов К. В. Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. 539 с.
16. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. 341 с.

Loyter S. M., Petrozavodsk, Russian Federation

ON LITERARY LEGACY OF V. Y. PROPP (BACK TO CHILDREN'S DREAMLAND "SHVAMBRANIYA" AS FOLKLORE PHENOMENON)

The article is concerned with one of the phenomena of children's subculture – dreamland game. With the help of diverse materials the mentioned subculture has been repeatedly studied by the author as a phenomenon of children's folklore. The purpose of the study is to emphasize how the prototypes of myth thinking (land as an island, "island kingdom"), identified by V. Y. Propp, are recreated in children's utopia. Consistency of the dreamland game with the fundamental principles of the genre, which were formulated by the great scholar, is also accentuated.

Key words: dreamland, children's utopia, island, visionary imagination, behavioral stereotype

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The art of Francouis Rabelais and the folk life culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1965. 525 p.
2. Vitgenshteyn L. *Filosofskie raboty. Fenomenologiya. Germenevtika. Filosofiya yazyka. Ch. 1* [Philosophical works. Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of the language]. Moscow, 1994. 206 p.
3. Vygotskiy L. S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 93 p.
4. Vygotskiy L. S. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collection of works]. Vol. 2. Moscow, 1982. 504 p.
5. Gasparov M. L. Notes and extracts [Zapiski i vypiski]. *NLO*. 1998. № 31 (3). P. 427–439.
6. Gvozdev A. N. *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroya russkogo yazyka: V 2 ch. Ch. 1* [Russian language grammar skills development in children]. Moscow, 1949. 268 p.
7. Egorov B. F. *Rossiyskie utopii. Istoricheskiy putevoditel'* [Russian utopia, A historical guide]. St. Petersburg, 2007. 416 p.
8. Kassil' L. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collection of works]. Vol. 1. Moscow, 1965. 670 p.
9. Loyter S. M. Humor of Konduit and Shvambraniya [Yumor "Konduita i Shvambranii" L. Kassilya i detskiy fol'klor]. *Zhizn' i tvorchestvo L. Kassilya* / Comp. L. E. Razgon. Moscow, 1979. P. 189–202; Loyter S. M. A game of dreamland as a phenomenon of children's folklore [Igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora]. *Shkol'nyy byt i fol'klor: V 2 ch.* / Comp. A. F. Belousov. Tallinn, 1992. Part 1. P. 65–75; Loyter S. M. Children's utopia or a game of dreamland as a phenomenon of children's folklore [Detskie utopii, ili igra v stranu-mechtu kak yavlenie detskogo fol'klora]. *Russkiy shkol'nyy fol'klor* / Comp. A. F. Belousov. Moscow, 1998. P. 605–617; Loyter S. M. *Fenomen detskoy subkul'tury* [A phenomenon of children's subculture]. Petrozavodsk, 1999. 44 p.; Loyter S. M. *Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya* [Russian folklore and mythology for children]. Petrozavodsk, 2001. P. 134–173; Loyter S. M. Again on the children's game in the country [Eshche raz o detskoy igre v stranu]. *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: Sb. st. k 60-letiyu A. F. Belousova.* St. Petersburg, 2006. P. 59–64; Loyter S. M. The Ancient Greek origin of the Russian actable utopia of children [Drevnegrecheskie istoki russkikh detskikh igrovykh utopiy pervoy treti XX veka]. *Rossiya i Gretsiya: dialog kul'tur*. Petrozavodsk, 2007. P. 338–343.
10. Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Myth. Name. Culture [Mif. Imya. Kul'tura]. *Trudy po znakovym sistemam.* 6. Issue 308. Tartu, 1973. P. 282–303.
11. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical origin of the fairytale]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1986. 365 p.
12. Propp V. Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore of reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 325 p.
13. Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam* [Folklore and the folk life culture]. St. Petersburg, 2003. 464 p.
14. Chistov K. V. *Narodnye traditsii i fol'klor. Ocherki istorii* [National traditions]. Leningrad, 1986. 303 p.
15. Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (Genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian national utopia. The genesis and the functions of the socio-utopian legends]. St. Petersburg, 2003. 539 p.
16. Chistov K. V. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy* [Russian, national, socio-utopian legends]. Moscow, 1967. 341 p.

Поступила в редакцию 20.05.2015

Август, № 5 **Филологические науки** **2015**

УДК 811.161.1

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nvpatr@list.ru

КАРЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИРИКЕ Р. РОЖДЕСТВЕНСКОГО*

В поэзии Р. И. Рождественского важное место занимает тема Карелии как поэтической родины всемирно известного лирика второй половины XX века. На материале ряда стихотворений начала 1970-х годов, вошедших в сборник «Возвращение», рассматривается образ карельской земли в поэзии «Орфея советской эпохи» впервые в тесной связи с фольклорными жанрово-стилистическими и диалектными элементами, проникающими в структуру и содержание лирических произведений Р. Рождественского. Анализируются метафоры, сравнения, гиперболы, повторы и синтаксический параллелизм, лексические и грамматические особенности лирических текстов, с одной стороны, тесно связанные с поэтикой лирической и эпической народной поэзии, с другой стороны, являющиеся неотъемлемой особенностью идиостиля Р. Рождественского. Карелия предстает в творчестве поэта краем – хранителем фольклорной традиции. Вопрос о фольклоризме лирики Р. Рождественского до сих пор в научной литературе специально не рассматривался, однако используемые поэтом выразительные средства позволяют прийти к заключению о том, что устная народная поэзия была для поэта неиссякаемым источником образных ресурсов и приемов текстообразования.

Ключевые слова: поэзия, литературный фольклоризм, фольклорные мотивы, образ Карелии

Карельская земля навсегда связана с именем Роберта Ивановича Рождественского. Именно на родине рун и былин были написаны первые стихи этого замечательного лирика второй половины XX века. В Петрозаводске послевоенных лет студент-филолог Рождественский жил на пр. Ленина в доме мамы и отчима, участника Великой Отечественной войны. Вместе с карельским поэтом Маратом Тарасовым Роберт Рождественский в 1950–1951 годах учился на историко-филологическом отделении Петрозаводского госуниверситета. С 1950 года на страницах журнала «На рубеже» (ныне «Север») печатаются стихи юного Роберта Рождественского, а в 1955 году в карельском издательстве вышли и первые книги Рождественского – сборник стихов «Флаги весны» и поэма «Моя любовь» (именно в Карелии поэт встретил свою первую любовь).

В 1971 году, готовя для публикации в издательстве «Карелия» книгу стихов «Возвращение», Роберт Рождественский включает в сборник «стихов разных лет» и пять лирических миниатюр с узнаваемыми заглавиями и зачинами: «Кижи», «На Юсовой горе», «Росстани» («Северное название для перекрестков – росстани…»), «Банный день» («Прямо над Онегою – десять бань…») и «Мы стоим перед Кижским собором одни…» – на некоторых из них мы специально остановимся в связи с темой Карелии, а также проблемой влияния творчества карельских сказителей на лирику Рождественского.

Стихотворение «Кижи» открывается вполне прозрачной реминисценцией:

Да,
сначала было
слово!.. [9; 174].

Подобная отсылка к началу Евангелия от Иоанна вполне закономерна для стихотворения, посвященного острову с известными всему миру деревянными церквями. Не случайно следующая далее метафора («Зоревая позолота / облетела с небосклона»), создающая яркий, необычный образ зари, включает слово «позолота», ассоциативно связанное с куполами православных храмов, напоминающими озаренные солнцем небеса. Как будто с этих куполов-небес раздается вечное «слово» о карельских крестьянах, зодчих и хранителях деревянного чудо-собора:

И звучало
слово
так:
«Мы – отсюда.
Мы – карелы.
Мы тонули.
Мы горели.
Мы
до старости
старели.
Нас
не купишь за пятак.
Камни пашем.
Камни сеем.

© Патроева Н. В., 2015

Сердце тешим
горьким зельем,
рыбою
да хлебом серым, –
так
от века
суждено.
Ну, а если в землю канем,
нас укроют
тем же камнем.
Нас укроют.
Как зерно…» [9; 174–175].

За этими строками перед читателем встает образ крепкого, бывалого, мастерового северного народа. Мотивы камня, зерна, хлеба также насыщены многочисленными библейскими и былинно-сказочными аллюзиями. Эпитет *серый* помогает сблизить в контексте образы хлеба и камня (серого озерного валуна, каменного надгробия на погосте). Зерну, упавшему в землю и поднявшемуся колосом сквозь камни и холодную северную землю, уподобляется в стихотворении Р. Рождественского сначала человек – богатырь, хлебопашец и зодчий, упрямо преодолевающий все невзгоды, а затем Кижский собор:

Час настал.
Зерно упало.
Запахом земли
пропахло.
Не сопрело.
Не пропало.
И вздыхая тяжело,
продиралось сквозь каменья,
говорило:
«Я сумею!..»
повторяло:
«Я сумею!..»
И сумело.
И взошло.
Не березкой кособокой.
не цветочком беззаботным,
а взошло оно
собором
возле медленной воды [9; 175].

Кижский храм сравнивается с человеком, наделяется душой и способностью плакать, разливающейся звоном зарей, плавающим на озере кораблем и плещущейся в воде рыбой, плодоносящим и заполняющим мир мифологическим древом жизни:

Он стоял легко и крупно.
К облакам вздымаясь кругло,
будто
спелые плоды.
Был легендой он и благом.
Так стоял,
как будто плавал.
Так звенел,
как будто плакал, –
(словно плакала душа).
Он стоял,
сравнясь с зарею,
над холодною землею
деревянной чешуею,
будто листьями,
шурша.
Он покачивался плавно,
многостенно,
многоглавно, –
ширь – налево и направо!
Щуки плещутся в тиши…
Он стоял,
слезу роняя,
мир
собою
заполняя,
в землю уходя корнями…
Так и выросли
Кижи [9; 175–176].

Поэт поддерживает этот богатый ассоциативно-символический ряд («парадигму образа», в терминах Н. Павлович [5]), живописуя Кижский собор с помощью окказиональных наречий-эпитетов: «многостенно» и «многоглавно», метафор: «покачивался», «в землю уходя корнями», «выросли», сравнений: «будто спелые плоды», «будто листьями шурша», «словно плакала душа», олицетворений: «слезу роняя», «как будто плавал», «как будто плакал», с использованием непривычной сочетаемости: «стоял легко и крупно», «вздымаясь кругло», «деревянной чешуею». Повторы слов, звуков, синтаксический параллелизм, выстроенный то «лесенкой», то «столбцом» стих – все создает картину раскинувшегося над Онегой чудо-храма, с симметрично-правильными и гармоничными пропорциями, красивым звоном, сливающимся с плеском волн.

Стихотворение «На Юсовой горе» переносит читателя в другой уголок Карелии – на родину известной всему миру сказительницы и вопленицы Ирины Андреевны Федосовой. Произведение открывается неким предисловием-эпиграфом, в котором автор сообщает читателю о последнем пристанище своей героини: «Могила И. А. Федосовой до сих пор не найдена. Знают только, что знаменитая народная сказительница похоронена в Заонежье, на кладбище села Кузаранда». Эти строки, написанные в начале 1970-х годов и звучащие с такой пронзительной болью, теперь знающим читателем воспринимаются как документ эпохи, поскольку усилиями поэта и энтузиаста Марата Тарасова примерно десять лет спустя после создания стихотворения все-таки удалось найти могилу И. А. Федосовой на кузарандском погосте, а Роберт Рождественский помог собрать для этого необходимые материальные средства.

Используемое в зачине усеченное относительное прилагательное сразу же переключает стили-

стический регистр произведения, создавая ореол былинно-песенной старины:

Возле озера
сгнила оградка тесова.
На горе –
деревянных крестов разнобой… [9; 177].

Лирический герой Рождественского уважительно, используя фольклорную формулу, обращается к карельской плакальщице «Ирине Андреевне свет-Федосовой» с призывом спеть про трудную судьбу олонецких крестьян, чтобы плачем пробудить не только сочувствие, сопереживание простому народу, но и достоинство, гордость в душе самого извечно терпящего горести «безголосого» труженика:

Спой,
Ирина Андреевна,
свет-Федосова!
Про крестьян Олонецкой губернии
спой…
Научи их словам,
дай им собственный голос.
тем, которые, –
ежели полночь страшна, –
медяком похваляясь,
в беде хорохорясь,
по-звериному
воют над чаркой вина… [9; 177–178].

Поэт, просящий «вытницу» оплакать и пожалеть униженных и обиженных, дать им «собственный голос», уверен, что плач этот – не только утешит и утолит печали, объявит во всеуслышание о нуждах страждущих, но и спасет, подобно тому как вера в Спасителя поддерживает в людях надежду на лучшее:

Ты спаси их.
Спаси от извечной напасти.
Ты их выпрями,
выправь,
людьми назови.
Ведь не зря по России –
всё Спасы да Спасы.
На Терпении Спас.
На Слезах.
На Крови… [9; 178].

То, что лирический герой так настойчиво уговаривает свою героиню, напрямую связано с реальными фактами из воспоминаний фольклористов, пытавшихся «разговорить» плакальщицу. Так, первым, кто открыл миру поэтический талант карельской крестьянки, стал Елпидифор Васильевич Барсов, собиратель фольклора, в 1865–1870 годах учитель Олонецкой духовной семинарии, будущий хранитель Отдела рукописей Румянцевского музея и издатель трехтомного собрания «Причитаний Северного края». В статье «Ирина Федосова и ее песнопения» (Московский листок. 1896. № 3) Е. В. Барсов упоминает о том, что еще прежде него хотел послушать карельскую сказительницу и записать от нее несколько былин сосланный в Петрозаводск фольклорист П. Н. Рыбников, «но ему это не удалось. Он был в собственном смысле “изящный барин”, а потому Федосова выразила к нему недоверие и наотрез отказалась сообщить ему что бы то ни было»[1]:

Спой про них и за них.
За могутных,
за рыжих,
за умельцев,
уставших от долгих трудов,
за больных бурлаков,
за гундосых ярыжек,
за обиженных свекром и боженькой вдов.
За прозрачных старух,
за детишек в коросте,
за добытчиков леса
на тропах кривых…
Ты, Аринушка,
выскажи их безголосье.
Пособи сиротинам.
Уважь горемык.
Ты начни причитанье тихонько.
Особо.
Неторопко.
Нежданно, как дождь в январе [9; 177–178].

Введение в текст устаревших и диалектных слов способствует исторической и фольклорной стилизации текста, созданию северного колорита: «крестьян Олонецкой губернии», «могутных»[2], «гундосых ярыжек»[3], «пособи», «уважь», «особо», «неторопко»[4], предлог «за» в значении «о», с которым в контексте контаминируется современное литературное значение этого предлога «вместо».

Помимо свойственных и фольклору, и литературе звуковых, морфемных, лексических повторов-анафор и синтаксического параллелизма, однородных рядов, Рождественский использует кольцевое композиционное построение текста, повторяя настойчивую просьбу и отсылая читателя к началу произведения:

Спой,
Ирина Андреевна,
свет-Федосова!
Спой, как в детстве,
на Юсовой скорбной горе…
Впереди у тебя –
одинокая старость,
и могила,
ушедшая в небытие… [9; 178–179].

Концовка произведения прямо связывает народную поэтессу, от которой фольклористы записали около 30000 строк-импровизаций, сочиненных ею с опорой на народные традиции плачей, былин, песен, духовных стихов, пословиц и поговорок, которую слушала Россия и весь мир, и современного поэта, болеющего душой

за нынешнюю жизнь, переживающего так же за теперешние беды и страдания людские, тоже путешествующего по миру и переживающего чужое горе, как свое:

Лишь бы песня
осталась.
Лишь бы правда
осталась.
Лишь бы дело
осталось.
Твое и мое [9; 179].

Стихотворение Р. Рождественского «Банный день» также насыщено повторами количественно-именных сочетаний с числительным *десять*: «десять бань», «десять раз» (5 повторов), «десять поминаний черта в аду», «десять долгих выдохов», «десять обновленных, распаренных тел», «десять домов», «десять дымов», «десять хозяюшек», «десять аккуратных стираных рубах», «десять папиросок», «десять откровений», «десять ложек», «десять перепутанных прядей волос», «десять капель белого», «десять лбов наморщенных», «десять ультиматумов», «десять океанов» и др. Некоторые из этих словосочетаний содержат абстрактные несчетные имена, в контексте, рядом с числительным, трансформирующие прямое отвлеченное значение и приобретающие метонимический смысл: «десять потрясений», «десять заварух», «десять умов». Стихотворение, насыщенное «неиссякающим юмором» [4; 105] Рождественского, содержит бытовые, разговорно-обиходные и диалектные слова («у-у-ух», «ох», «булки-налетушки», «бухтят», «баня», «таз эмалированный», «веник», «заварух», «черта», «хозяюшек», «папиросок», «уха навариста», «белое», «дурманище»), реплики – «все то, из чего складывается заинтересованное общение человека с человеком» [1; 366], подчеркивающие не только будничность, обычность происходящего, но и особую теплоту, человечность, подобную пушкинской «всемирную отзывчивость» лирики Рождественского. Повтор количественно-именных сочетаний как будто бы передает вечный круговорот жизни, в который включен и банный обряд, символизирующий обновление, очищение от скверны не только тела, но и души человека, а потому священный и не нарушаемый в былинном крае. Номинативный ряд «Ночь. Отдохновение. Тишина» включает изображаемые картины жизни заонежских деревень в космический природный цикл, а «лбы наморщенные» и «откровения» карельских мужичков выдают в нарисованных с такой любовью персонажах философов, подобных шукшинским «чудикам». Завершается стихотворение излюбленным приемом Рождественского, перенятым, очевидно, от Маяковского, – гиперболой [7; 105]:

…И такое озеро
за окном –
десять океанов
поместятся
в нем!
И такой дурманище
от земли, –
даже в бане
веники
расцвели [9; 184].

Настойчиво повторяющийся нумератив «десять» намекает, как кажется, и на десять глав кижской церкви Покрова Божьей Матери, и на десять заповедей Христа, по которым должен жить и живет простой русский человек, и на десять пальцев руки хранимого Господом и Богородицей народа-зодчего и умельца.

В завершающем наш разбор стихотворении «Мы стоим перед Кижским собором одни…» также используется имя числительное, связанное с описанием уже другого кижского памятника – церкви Преображения Господня, венчающейся 22 главами, подобными шеломам русских витязей:

…встанут
други мои.
Будто Кижский собор.
Над могилой склонив
двадцать две головы [9; 186].

Сам собор уподобляется поэтому дружине, богатырям – защитникам земли русской, так что стихотворение оказывается ассоциативно связанным с былинными сказаниями и воинскими повестями Древней Руси. Не случайно стихотворение написано «от лица некоего коллективного “мы”» [6; 204]:

Мы стоим перед Кижским собором
одни.
Мы стоим,
пересчитывая купола.
И не верим еще,
что прекрасны они
тою силой,
что их воедино
свела.
Богатырское племя.
Дружина.
Семья [9; 185].

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что Карелия всегда была в сердце Роберта Рождественского как край – хранитель народной поэзии, богатая талантами земля, с ее северным мастеровым народом, наконец, как место, где поэт встретил людей, прошедших с ним рядом всю жизнь, поэтому образ Карелии в лирике Р. Рождественского, как-то сказавшего о себе: «Кому принадлежу?.. Березе, ниспадающей в Онегу», – занимает особое место. Поэзия Рождественского, с ее лиро-философским, романтическим характером, гуманистическим пафосом продолжает лучшие традиции фольклорного песенного творчества и русской классической литературы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00180.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по [3; 527].
[2] Слово, например, зафиксировано в [10; 243].
[3] Слово имеет разные словарные дефиниции: «**Ярыга, ярыжка** м. стар. – низший служитель полиции, для рассылки прислуги и исполнения разных приказаний; они ставились от общин и также звались земские ярыжки. Стар. и ныне, *ерыга*, *ерыжка*, *ярыжник*, ярыжница – пьяница, шатун, мошенник, беспутный» [2; 67]; «**Ярыга** – тот, кто ведет себя предосудительно» [11; 67]; «**Ярыжка** – пьяница, беспутный человек» [8; 805].
[4] Слово зафиксировано, например, в [12; 177].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров А. Поэтический мир Роберта Рождественского // Роберт Рождественский. Удостоверение личности / Сост. К. Р. Рождественская. М.: ООО «Эстепона», 2002. С. 362–366.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980 (репринт. изд.). Т. 4. 623 с.
3. Калугин В. И. Струны рокотаху…: Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1989. 623 с.
4. Мальгин А. В. Р. Рождественский: очерк творчества. М.: Худ. лит., 1990. 208 с.
5. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.
6. Попова А. Фольклорные традиции в творчестве Роберта Рождественского // Север: Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал. 2008. № 1–2. С. 203–207.
7. Прищепа В. П., Сипкина Н. Я. Орфей великой эпохи. Иркутск: Принт Лайн, 2011. 244 с.
8. Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX в. М.: Дрофа, 2005. 828 с.
9. Рождественский Р. Возвращение: Стихи разных лет. Поэма. Петрозаводск: Карелия, 1972. 232 с.
10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 1996. Вып. 3. 414 с.
11. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2005. Вып. 6. 342 с.
12. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1986. Вып. 21. 360 с.

Patroeva N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KARELIAN MOTIVES AND FOLKLORE ELEMENTS IN R. ROZHDESTVENSKII LYRICS

The theme of Karelia takes an important place in the lyrics of R. I. Rozhdestvenskii. Karelia was a poetical homeland of the world famous lyric poet of the second half of the XX century. The image of Karelian land in the poetry of "Orpheus of the Soviet era" is examined with the help of some poems written in the early 1970's. The poems were included into the collection "The Return". For the first time, the image of Karelian land is analyzed in close connection with the folk genre, stylistic, and dialect elements penetrating into the structure and content of the lyrical works by R. Rozhdestvenskii. Metaphors, comparisons, hyperboles, repetitions, syntactic parallelism, and other lexical and grammatical features of lyrical texts are analyzed. The studied lexical and grammatical features are, on the one hand, in close connection with poetics of lyrical and epic folk poetry, on the other hand, are an integral feature of the idiostyle of R. Rozhdestvenkii. Karelia is presented as a place-keeper of folklore traditions. R. Rozhdestvenskii's poetry of the early 1970's is rich with Karelian motives and continues the best traditions of the folk songs.

Key words: poetry, literary folklorism, folklore motives, the image of Karelia

REFERENCES

1. Bocharov A. Poetic world of Robert Rozhdestvenskii [Poeticheskiy mir Roberta Rozhdestvenskogo]. *Robert Rozhdestvenskiy. Udostoverenie lichnosti* / Sost. K. R. Rozhdestvenskaya. Moscow, OOO "Estepona" Publ., 2002. P. 362–366.
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1980 (reprint. publ.). Vol. 4. 623 p.
3. Kalugin V. I. *Struny rokotakhu…: Ocherki o russkom fol'klore* [Strings of rokotakhu…: Essays on Russian folklore]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 623 p.
4. Mal'gin A. V. *R. Rozhdestvenskiy: ocherk tvorchestva* [Rozhdestvenskii: essay of works]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1990. 208 p.
5. Pavlovich N. V. *Yazyk obrazov: paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [Language of images: the paradigms of poetic images in Russian language]. 2nd ed., rev. and updated. Moscow, Azbukovnik Publ., 2004. 527 p.
6. Popova A. Folk traditions in the work of Robert Rozhdestvenskii [Fol'klornye traditsii v tvorchestve Roberta Rozhdestvenskogo]. *Sever: Ezhemesyachnyy obshchestvenno-politicheskiy i literaturno-khudozhestvennyy zhurnal*. 2008. № 1–2. P. 203–207.
7. Prishchepa V. P., Sipkina N. Ya. *Orfey velikoy epokhi* [Orpheus of great era]. Irkutsk, Print Layn Publ., 2011. 244 p.
8. Rogozhnikova R. P., Karskaya T. S. S*lovar' ustarevshikh slov russkogo yazyka. Po proizvedeniyam russkikh pisateley XVIII–XX v.* [Dictionary of outdated Russian words. On the works of Russian writers of XVIII–XX century]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 828 p.
9. Rozhdestvenskiy R. *Vozvrashchenie: Stikhi raznykh let. Poema* [Return: Verses of different years. Poem]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1972. 232 p.
10. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas] / Chief ed. A. S. Gerd. St. Petersburg, SpbGU Publ., 1996. Issue 3. 414 p.
11. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas] / Chief ed. A. S. Gerd. St. Petersburg, SpbGU Publ., 2005. Issue 6. 342 p.
12. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects] / Ed. F. P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1986. Issue 21. 360 p.

Поступила в редакцию 10.06.2015

Август, № 5 **Экономические науки** **2015**

УДК 330.101.54

ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА ГЛАДКИХ
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
martyukova_e@mail.ru

ОППОРТУНИЗМ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РОССИИ*

Обсуждается проблема оппортунизма экономических агентов как одна из базовых поведенческих характеристик в новой институциональной экономической теории. В условиях институциональных трансформаций последних десятилетий в России разнообразные формы оппортунистического поведения получили широкое распространение. Одним из ярких проявлений оппортунизма экономических агентов последних лет стало поведение банков в период кризиса 2008–2009 годов. Целью настоящей статьи является выявление источников возникновения оппортунистического поведения, а также идентификация его элементов на примере банковской системы России. Автором рассматриваются современное состояние и проблемы банковского сектора под углом выявления источников оппортунистического поведения. Раскрывается тезис о взаимосвязи между источниками оппортунизма и его специфическими формами в банковской системе.

Ключевые слова: оппортунистическое поведение, трансакционные издержки, банковская система России, госбанки

Вопросами оппортунистического поведения и методов его ограничения в разное время занимались многие зарубежные ученые, среди которых О. Уильямсон (ввел понятие оппортунизма) [16], П. Милгром [10], Д. Норт [11], Г. Саймон [15], Р. Рихтер, Э. Фуруботн [17], Т. Эггертссон [19] и др. Весомый вклад в разработку проблем формирования институциональной структуры российской экономики, а также оппортунистического поведения внесли работы отечественных исследователей: А. Аузана, Р. Капелюшникова, Р. Нуреева, А. Олейника, В. Полтеровича, В. Тамбовцева, А. Шаститко и др.

Обобщая подходы разных авторов (например, [5; 26], [12; 93], [13; 141], [14], [18; 95]), оппортунистическое поведение можно определить как экономические отношения по поводу одностороннего перераспределения богатства в ущерб экономическим интересам контрагентов, основанные на преднамеренном использовании асимметрии информации.

Попробуем идентифицировать элементы оппортунистического поведения экономических агентов в российской экономике на примере конкретного эмпирического объекта – банковского сектора. Но сначала ответим на вопрос: есть ли возможности (те самые opportunities) для такого поведения в российской банковской системе, то есть попробуем выявить источники оппортунизма.

Для выявления источников оппортунизма в российской банковской системе нами был проведен анализ ее современного состояния в сравнении с развитыми странами (табл. 1).

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что банковская система России по своим основным характеристикам существенно уступает банковским системам развитых стран. Выделим несколько основных проблем сектора, которые, на наш взгляд, создают возможности для оппортунистического поведения.

1. *Низкая капитализация и недостаточность объемных показателей – пассивов и активов.* Активы российского банковского сектора составляют только 81,5 % ВВП, в то время как в Бразилии – 133, в Китае – 144, в европейских странах – от 200 % и выше, в США – 87 % (без инвестиционных банков). Суммарный капитал всех российских коммерческих банков меньше капитала любого из крупнейших американских, европейских или китайских банков (например, J. P. Morgan Chase, Deutsche Bank, HSBC Holdings или Industrial & Commercial Bank of China)[1]. Это обстоятельство не позволяет российским банкам в полной мере обеспечить потребности предприятий страны в кредитных ресурсах. В России доля кредитов реальному сектору и населению в ВВП в 2–4 раза меньше, чем в развитых странах. Это, в свою очередь, побуждает российские фирмы занимать средства за рубежом. К началу кризиса 2008–2009 годов предприятия страны имели долг перед зарубежными кредиторами в размере более 300 млрд долл., что немногим уступало всему объему кредитования со стороны российских банков (в конце 2008 года – около 395 млрд долл.).

2. *Краткосрочный характер пассивов банковского сектора.* В связи с этим доля и объем инвестиционных кредитов незначительны и в разы уступают показателям банковских систем других стран (доля ипотечных кредитов в ВВП в развитых странах доходит до 40 %, в России же этот показатель – всего 3 %(!)). Из-за нехватки инвестиционных ресурсов норма инвестиций в России (около 20 % по сравнению с 35 % в развивающихся

© Гладких Е. Г., 2015

Таблица 1

Банковская система России в сравнении с США и Германией
(данные по состоянию на октябрь 2013 года)

Наименование показателя	США (без инвест. банков)	Германия	Россия
I. Показатели степени развитости банковской системы ($П_0$–$П_2$)			
$П_0$ – количество банков (шт.)	6891	2053	1076
$П_1$ – количество филиалов, приходящихся на один банк (шт.)	13,7	17,7	1,9
$П_2$ – обеспеченность населения банковскими учреждениями (шт. на 100 тыс. чел.)	2,15	2,55	0,75
II. Показатели мощности банковской системы ($П_3$–$П_{11}$)			
$П_3$ – масштабность банковской системы (активы к ВВП, %)	87,3	283,7	81,5
$П_4$ – степень доверия к банковской системе (вклады к денежной массе, %)	88,6	139,7	54,7
$П_5$ – доля долгосрочных вкладов (свыше 3 лет) в пассивах банковской системы (%)	12,7	33,0	26,9 (свыше 1 года)
$П_6$ – масштабность кредитования населения и реального сектора (кредиты реальному сектору и населению к ВВП, %)	42,0	98,6	44,3
$П_7$ – масштабность кредитования населения (задолженность по потребительским кредитам, включая ипотечные, к ВВП, %)	20,9	53,4	14,1
$П_8$ – доля ипотечных кредитов в ВВП (%)	11,0	37,1	3,0
$П_9$ – доля депозитов физических лиц в ВВП (%)	57,4	97,9	23,9
$П_{10}$ – прибыльность банковского сектора (ROA, %)	1,06	0,36	1,57
$П_{11}$ – рентабельность собственного капитала (ROE, %)	9,45	7,81	13,6
III. Показатели стоимости кредитных ресурсов в экономике ($П_{12}$–$П_{16}$)			
$П_{12}$ – ставки по депозитам физических лиц (%)	0,2-0,3 (до года) 0,4–1,0 (свыше года)	1,87 (до 2 лет) 2,32 (более 2 лет)	5,1 (до года) 7,6 (свыше года)
$П_{13}$ – средневзвешенная ставка по кредитам в национальной валюте нефинансовым организациям (%) до года Свыше года	3,25 (bank prime loan) н/д	4,0 н/д	9,2 11,7
$П_{14}$ – ставки по кредитам физическим лицам (%) до года Свыше года Ставка по ипотечным кредитам	12,20 (по кредитным картам) 11,85 4,32	6,37 5,10 3,07	24,2 20,70 12,50
$П_{15}$ – спред между процентными ставками по кредитным и депозитным операциям банков с нефинансовыми организациями и физическими лицами (%)	3,5	н/д	6,5
$П_{16}$ – учетная ставка (ставка рефинансирования) (%)	0,25	0,25	8,25
IV. Индикаторы безопасности банковской деятельности (I_1–I_5)			
I_1 – собственный капитал к активам, %	11,3	4,4	12,4
I_2 – доля кредитного портфеля в активах банковского сектора (%) (>=45 %)	53,5	66,3	71,7
I_3 – концентрация банковской системы (активы первых 5 банков к активам банковского сектора, %)	44,2	23,5 (4 банка)	51,3
I_4 – уровень просроченной задолженности (%) (по данным ВБ, 2012)	3,9	3,0	6,7
I_5 – уровень монетизации экономики (М2 (М3) к ВВП, %)	65,7	84,4	43,7

Примечание. Рассчитано автором по данным Бюро экономического анализа США, Бундесбанка, ФРС США, Европейского статистического агентства, Федеральной корпорации по страхованию вкладов, Всемирного Банка, Банка России.

странах) является одной из самых низких в мире и может обеспечить экономический рост за счет собственных источников только на 3–4 % в год.

3. *Высокая стоимость заемных ресурсов*. Из-за нехватки денег в экономике (менее 50 % против 80 % в развитых странах), высокой инфляции, низкой производительности труда и высоких издержек на проведение финансовых операций, а также повышенных рисков процентная ставка за кредит в России является одной из самых высоких в мире. Доступ к финансированию, по оценкам Всемирного экономического форума, – одно из ведущих препятствий на пути развития бизнеса в России[2].

4. *Низкая обеспеченность банковскими услугами и неравномерность территориального распределения российских банков.* Один филиал в России обслуживает потребности более 70 тыс. человек. Аналогичные подразделения в развитых странах могут удовлетворять потребности от 1,5 до 4,5 тыс. человек [7; 9]. Кроме того, более 50 % всех российских банков расположены в Мо-

сковской области. Ими контролируются более 80 % банковских активов и свыше 70 % капитала[3], в то время как 90 % ВВП производится в регионах.

Кроме указанных выше характеристик, также стоит отметить и ряд *институциональных особенностей* формирования и развития российской банковской системы, которые, в свою очередь, также являются источниками оппортунистического поведения в банковском секторе.

Во-первых, в отличие от развитых западных стран формирование банковской системы России происходило на основе top-down model, то есть за счет средств, поступающих «сверху» из государственных источников [3]. Несмотря на произошедшие изменения, и сегодня участие государства в банковской системе очень велико. По некоторым оценкам, его доля в российской банковской системе составляет 59 % [1], [4]. Сегодня государственные банки фактически стали основой кредитной системы: три ведущих игрока (Сбербанк России, группа «ВТБ» и «Россельхозбанк») сосредоточили 81,7 % активов банков данной категории и 42,9 % всех банковских активов страны. «Государственные банки составили не предусмотренный законом третий, промежуточный уровень банковской системы, именно через них в экономику и другим участникам рынка теперь поступают основные ресурсы от центрального банка» [2].

При этом сегодня прямое государственное участие в капитале коммерческих банков постепенно замещается косвенным: получают распространение многоуровневые вертикальные структуры пирамидальной формы, во главе которых находится крупный государственный банк или компания, чаще всего – сырьевая или транспортная монополия [6]. Примером такой структуры является ОАО «Газпром», контролируемое государством (доля Российской Федерации – более 50 %). С ОАО «Газпром» аффилирован «Газпромбанк», которому в свою очередь принадлежит несколько дочерних банков («ГПБ-Ипотека», «Кредит-Урал» и др.).

В результате реализации данной стратегии, с одной стороны, занижаются истинные масштабы государственного присутствия в экономике, а с другой – возникают благоприятные условия для оппортунистических действий со стороны инсайдеров данных банков.

Во-вторых, в российском банковском секторе присутствуют элементы редистрибутивной экономики. Следствием исторического пути развития российской банковской системы стала ее высокая степень монополизации. На долю 5 крупнейших банков России приходится 52,0 % всех банковских активов. На долю 200 крупнейших – 94,9 %[4]. Данная ситуация не является специфической для России. В США этот показатель составляет 61,3 %, в Бельгии – 84,3 % [8]. Однако особенность России в том, что контроль над крупнейшими банками осуществляет государство.

В банковских системах развитых стран, где присутствие государства в секторе относительно невелико, даже государственные по форме собственности банки действуют в соответствии с рыночными принципами. Если же участие государства превышает 50 %, количественные изменения могут переходить в качественные [3]. Так, среди элементов распределительной экономики в функционировании российской банковской системы выделяются директивные методы управления (например, адресные задания каждому из государственных банков по увеличению портфеля кредитов на II квартал 2009 года), контроль над ценами (верхний предел ставки по кредитам и частным депозитам), личный контроль со стороны первых лиц государства.

В-третьих, специфика банковской системы России связана и с особенностями деятельности Центрального банка. Задачи, стоящие перед Банком России, отличаются от задач центральных банков развитых стран (табл. 2).

Цели ЦБ РФ касаются в основном укрепления национальной валюты. В свою очередь цели, стоящие перед центральными банками развитых стран, определены шире и направлены на стимулирование развития экономики в целом путем эффективного распределения ресурсов и обеспечения максимальной занятости.

В-четвертых, на сегодняшний день существует ряд противоречий в правовом обеспечении банковской деятельности России. Одним из основных является то, что принятый в 1990 году Закон «О банках и банковской деятельности», по которому банковский сектор живет до сих пор, не определил сущность коммерческого банка и не выделил его специфические черты как хозяйствующего субъекта, по-прежнему существует путаница в терминологии (одновременное оперирование понятиями «банк» и «кредитная организация», «банковская операция», «банковская сделка» и «банковская услуга» и др.).

Проблемы, а также институциональные особенности современной банковской системы России создают возможности для оппортунистического поведения и являются его источниками. Выявим формы оппортунизма во взаимосвязи с рассмотренными выше источниками. Мы предполагаем, что анализировать оппортунистическое поведение в банковском секторе целесообразно на трех экономических уровнях. Микроуровень – это оппортунистические потоки, возникающие внутри банка как экономической единицы. Мезоуровень – это, во-первых, оппортунизм в отношениях между самими (конкурирующими) коммерческими банками, а во-вторых, в отношениях с заемщиками и кредиторами в лице предприятий и домашних хозяйств. Оппортунистические потоки макроуровня возникают в отношениях коммерческих банков с регулятором банковской системы – Центральным банком России [14; 111].

Таблица 2

Основные цели, которые ставятся национальным законодательством перед ФРС, ЕСЦБ, ЦБ РФ

Федеральная резервная система США	Европейская система центральных банков	Центральный банк России
Федеральная резервная система и Федеральная комиссия по открытым рынкам обязаны поддерживать долгосрочный рост денежных агрегатов с учетом потенциала увеличения производства в стране, а также эффективно проводить политику, направленную на обеспечение максимальной занятости, стабильности цен и умеренных долгосрочных процентных ставок	Главной целью ЕСЦБ является поддержание стабильности цен. Без ущерба цели стабильности цен ЕСЦБ предоставляет свою поддержку общей экономической политике в Союзе, чтобы способствовать достижению целей Союза, как они определены в статье 3 Договора о Европейском Союзе. ЕСЦБ действует в соответствии с принципом открытой рыночной экономики со свободной конкуренцией, создавая благоприятные условия для эффективного распределения ресурсов и соблюдая принципы, установленные в статье 119 Договора о функционировании Европейского Союза	Защита и обеспечение устойчивости рубля; Развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; Обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы

Примечание. Составлено автором на основании Закона о Федеральном резерве от 1913 г.; Протокола об Уставе Европейской системы центральных банков и Европейского центрального банка (в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.); ФЗ «О Центральном банке РФ».

Таблица 3

Взаимосвязь источников и форм оппортунистического поведения на макро-, мезо- и микроэкономическом уровнях в банковском секторе России

Источник ОП	Форма ОП		
	Макро	Мезо	Микро
Высокая доля государственного участия и элементы редистрибутивной экономики	*Моральный риск:* – нецелевое использование средств, предоставленных государством	*Моральный риск:* – принятие повышенных рисков при кредитовании; *Вымогательство:* – нарушение конкуренции: пользование государственным статусом и доступом к государственному финансированию; – занижение процентных ставок по депозитам	*Моральный риск:* – высокие банковские бонусы; – мошеннические схемы (сокрытие информации о движении финансовых ресурсов от собственников)
Характер деятельности ЦБ РФ	*Вымогательство:* – злоупотребление доступом к государственным ресурсам		
Низкая капитализация и недостаточность объемных показателей, краткосрочный характер пассивов, высокая стоимость заемных ресурсов в экономике		*Моральный риск:* – кредитование аффилированных лиц; – чрезмерное кредитование собственников; *Вымогательство:* – завышение ставок по кредитам	
Низкая обеспеченность банковскими услугами, неравномерность территориального распределения банков		*Вымогательство:* – занижение ставок по депозитам; – завышение ставок по кредитам	
Противоречия в правовом обеспечении банковской деятельности		*Моральный риск:* – использование мелкого шрифта в договоре; – сокрытие реальной процентной ставки по кредиту; *Вымогательство:* – введение дополнительных комиссий	

Примечание. Составлено автором.

В табл. 3 представлены конкретные формы оппортунизма в банковском секторе России во взаимосвязи с выявленными нами ранее источниками.

Рассмотрим некоторые из этих взаимосвязей подробнее.

Высокая доля государственного участия и элементы редистрибутивной экономики в банковской системе ведут к тому, что банки, имеющие статус государственных, пользуются привилегиями правительства, реализуя при этом частные, а не государственные интересы. Так, например, именно государственным банкам было выделено в период кризиса 2008–2009 годов более триллиона рублей субординированных кредитов под 8 % до 2020 года. Средства должны были быть направлены на кредитование реального сектора экономики. Однако четких требований к их целевому использованию изначально сформулировано не было. В этой ситуации банки воспользовались дешевыми ресурсами государства для достижения частной цели и направили средства в валютные спекуляции и иностранные активы.

За время плавной девальвации (с ноября 2008 по февраль 2009 года) курс рубля по отношению к бивалютной корзине снизился на 34,6 % (с 30,38 до 40,88 руб.). Именно в этот период в банковскую систему были направлены значительные государственные ресурсы, конечной целью которых было возобновление кредитования предприятий реального сектора экономики. Однако объем средств, привлеченных 30 крупнейшими банками от ЦБ в течение октября – декабря 2008 года, составил 2,7 трлн руб., а объем выданных кредитов – лишь 1,1 трлн руб. Таким образом, только 40 % средств государственной поддержки были направлены на кредитование.

В то же время остатки на корреспондентских счетах в кредитных организациях-корреспондентах в конце 2008 года возросли в 6 раз. Вероятнее всего, это было следствием активного перевода банками свободных рублевых средств в иностранную валюту. По оценкам госкорпорации «Агентство по страхованию вкладов», российские банки заработали на девальвации рубля 800–900 млрд руб.[5]

Представляется, что эта ситуация стала возможной в силу недостаточной проработанности механизмов контроля за целевым использованием средств. В России механизмы по контролю за целевым расходованием средств своевременно разработаны не были. Власти в вопросах контроля изначально исходили из того, что действующих механизмов будет вполне достаточно. В октябре 2008 года был создан Совет при Президенте Российской Федерации по развитию финансового рынка Российской Федерации, который являлся совещательным органом и, следовательно, не мог выполнять какие-либо контрольные функции.

С началом валютных спекуляций ЦБ РФ направил письмо кредитным организациям, в соответствии с которым банкам лишь рекомендовалось не наращивать среднюю величину иностранных активов[6]. Возможные санкции состояли в угрозе отлучения от беззалоговых аукционов ЦБ. Однако и такие санкции были единичными и несущественными.

В конце 2008 года были приняты поправки в статью 76 Закона о Банке России, предоставляющие ЦБ РФ право назначать уполномоченного представителя в кредитные организации, получившие государственную поддержку в виде субординированных, беззалоговых кредитов и размещения средств бюджета. Но только спустя два месяца (в конце февраля) руководство ЦБ РФ заявило, что направляет первых спецпредставителей в 30 российских банков. Кроме того, перед уполномоченными представителями Банка России не ставилась задача следить за расходованием банком средств, получаемых от государства. Действия спецпредставителя заключались в анализе деятельности банка, он участвовал в обсуждении, но не имел права голоса[7].

В конце января 2009 года Правительство выпустило директивы для банков с государственным участием, предписывающие наращивать кредитные портфели не менее чем на 2 % в месяц[8]. А ЦБ РФ обязал крупные банки ежемесячно предоставлять сведения о размещенных и привлеченных средствах по отраслям деятельности. Но фактически регулятор не мешал банкам зарабатывать на девальвации рубля.

Таким образом, жестких требований к целевому использованию средств государственной поддержки не было, были лишь рекомендации, которые во многом носили бессистемный и запоздалый характер.

По нашему мнению, нецелевое использование государственных средств является проявлением оппортунистического поведения банков, ярким примером которого были их валютные спекуляции в период кризиса 2008–2009 годов. Можно говорить о том, что это оппортунизм макроуровня, то есть в отношениях между экономическими субъектами разного уровня – ЦБ и коммерческими (преимущественно государственными) банками.

Еще одним примером оппортунизма уже на микроуровне явилась выплата многомиллионных бонусов по итогам деятельности в кризисные 2008–2009 и посткризисные 2010–2012 годы высшим менеджерам тех банков, которые получили помощь от правительства. По данным информационного агентства «РИА Новости», в 2008 году сумма выплат членам правления Сбербанка РФ (заработная плата, премии) составила 40,6 млн руб. на каждого из 23 членов правления; сумма доходов, выплаченных «Газпромбанком» каждому из 12 членов Совета директоров, составила 61,3 млн руб.; размер вознаграждения каждому из 9 членов правления «ВТБ-24» – 17,267 млн руб.[9] При этом, например, «ВТБ» получил около 600 млрд руб., Сбербанк – 500 млрд руб., а «Газпромбанк» – 305 млрд руб. в виде правительственной помощи для борьбы с кризисом.

В кризисный 2008 год банкиры США и Европы также получили крупные бонусы. Однако в ответ на подобное оппортунистическое поведение менеджеров к 2010 году правительства США и многих стран ЕС приняли ряд серьезных мер, направленных на ограничение подобных выплат. Что касается России, то на сегодняшний день в нашей стране в отличие от США размер вознаграждений топ-менеджменту даже не фиксируется в трудовом договоре.

Получается, «госбанки», будучи открытыми акционерными обществами, не выполняют государственных функций, а являются коммерческими банками, нацеленными на извлечение прибыли. Государство несет бремя рекапитализации и поддержки ликвидности этих банков, не получая при этом всех выгод от владения ими. В этом случае можно говорить о приватизации прибылей и национализации убытков [20], то есть оппортунистическом поведении инсайдеров банка по отношению к государству и обществу.

Противоречия в правовом обеспечении банковской деятельности являются источником оппортунистического поведения банков преимущественно в отношениях с кредиторами и заемщиками (оппортунизм мезоуровня).

В 2007 году в целях противодействия недобросовестной конкуренции на рынке розничного кредитования ЦБ обязал банки раскрывать информацию о размере эффективной ставки по кредиту. Однако то, как и в какой момент это должно быть сделано, осталось на усмотрение банков. Поскольку в предписаниях ЦБ эффективная процентная ставка рассматривается лишь как условие, необходимое для формирования портфеля однородных ссуд, следовательно, до момента выдачи кредита у банка нет никаких побудительных мотивов раскрывать эффективную ставку конкретному заемщику: он сделает это в тексте договора. Получается, что возможность сравнить условия разных банков с помощью эффективной ставки проблематична.

Примечательно также, что банки не обязаны озвучивать размер эффективной ставки в рекламе. Нововведение также не коснулось использования мелкого шрифта в кредитном договоре, которым по-прежнему излагаются важнейшие параметры и условия кредитования.

Кроме того, сам механизм расчета эффективной ставки содержит в себе возможности для оппортунистических действий банков. ЦБ приводит список платежей, в обязательном порядке включаемых в расчет эффективной процентной ставки, – это платежи, размер которых известен заранее и не зависит от дальнейших действий заемщика. Однако помимо обязательных платежей ЦБ выделяет платежи, которые «могут не включаться» в расчет. Это выплаты, размер которых установить заранее невозможно: комиссия за досрочное погашение ссуды, штрафы за просрочку платежа, плата за предоставление информации о состоянии задолженности и др.

Большинство банков, естественно, выбирает учет только обязательных платежей – это позволяет показать меньшую эффективную ставку без прямого нарушения указания ЦБ. Кроме того, некоторые банки находят способы избежать учета даже обязательных платежей, например, с помощью изменения названия платежа.

Таким образом, несмотря на определенные усилия ЦБ по раскрытию банками реальных сумм переплат и эффективной процентной ставки, потребительские экспресс-кредиты попрежнему ориентированы на финансовую неграмотность и невнимательность населения.

Проведенный нами анализ становления и развития банковской системы России позволил выявить возможности для оппортунистического поведения в этом секторе (источники оппортунизма), а затем идентифицировать его элементы. Будучи частью трансакционных затрат, издержки оппортунистического поведения ограничивают возможности взаимовыгодного сотрудничества в одном из ключевых сегментов экономики – банковской сфере. В связи с этим задачи дальнейшей разработки методов количественной оценки издержек оппортунистического поведения, а также механизмов его ограничения в банковском секторе представляются сегодня особенно актуальными.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Top banks in the world 2013. Available at: http://www.relbanks.com/worlds-top-banks/assets
[2] The Global Competitiveness Report 2013–2014. Available at: http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2013–2014
[3] Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2012 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=7204
[4] Обзор банковского сектора Российской Федерации. Январь 2014 г. Сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1401.pdf?pid=bnksyst&sid=ITM_43323
[5] Девальвация рубля позволила банкам РФ заработать около 800–900 млрд. руб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bankir.ru/news/newsline/2033464
[6] Письмо ЦБ РФ от 28.10.2008 № 01-13-1/5713.
[7] ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» № 86-ФЗ от 27.06.2002 (в ред. 06.10.2011).
[8] Банки с госучастием будут ежемесячно наращивать кредитные портфели [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rian.ru/crisis_news/20090130/160556311.html
[9] Бонусы топ-менеджеров российских банков и госкомпаний. Справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/economy/20090403/166979843.html#ixzz24B9utKdu

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верников А. В. Доля государственного участия в банковской системе России // Деньги и кредит. 2009. № 9. С. 4–14.
2. Верников А. В. Рыночная доля банков с государственным участием в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/17897
3. Верников А., Кирдина С. Эволюция банков в X- и Y-экономиках [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kirdina.ru/doc/publications/collections/bank_evolution.pdf
4. Глушкова Е. А. Банки с государственным участием в системе финансового посредничества на современном этапе: Автореф. дисс. … канд. экон. наук. М., 2011. 26 с.
5. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2011. 415 с.
6. Капелюшников Р. И. Концентрация собственности и корпоративное управление. Препринт WP1/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 40 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216402505/WP1_2005_03.pdf

7. Коробов Ю. И., Орлова А. Н. Парадоксы банковской системы России // Финансы, Деньги, Инвестиции. 2010. № 3 (35). С. 7–11.
8. Королева А. Активная пятерка // Expert Online. 03.04.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/2012/04/3/aktivnaya-pyaterka
9. Мартюкова Е. Г. Оппортунизм в банковском секторе России: причины и последствия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 7 (128). С. 110–113.
10. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация, менеджмент: В 2 т. / Пер. с англ. И. В. Розмаинского, Д. Е Тетерина, К. А. Холодилина; Под ред. И. И. Елисеевой и В. Л. Тамбовцева. СПб., 1999. Т. 1. 472 с. Т. 2. 424 с.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 179 с.
12. Одинцова М. Институциональная экономика. М., 2008. 397 с.
13. Олейник А. Институциональная экономика // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 133–158.
14. Попов Е., Симонова В. Оценка внутрифирменного оппортунизма работников и менеджеров // Проблемы теории и практики хозяйствования. 2005. № 4. С. 108–117.
15. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16–38.
16. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
17. Фуруботн Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. 702 с.
18. Шаститко А. Новая теория фирмы. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 1995. 134 с.
19. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с.
20. Salvemini G. Under the Axe of Fascism. London, 1936. 380 p.

Gladkikh E. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

COSTS OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN RUSSIAN ECONOMY

The article studies the problem of opportunistic behavior as one of the basic behavioral characteristics of the new institutional economics. Over the last decades various forms of opportunistic behavior have become widely spread in different sectors of Russian economy. One of the most vivid examples of that were the actions of Russian commercial banks during the crisis of 2008–2009. The aim of the article is to identify the opportunities and sources for opportunistic behavior and its elements on the example of the Russian banking sector. The author studies the current state and the problems of Russian banking system for the purpose of finding out sources of opportunistic behavior. The article argues that there are direct dependences between sources of opportunism and its specific forms in the banking sector.

Key words: opportunistic behavior, transaction costs, banking system of Russia, government banks

REFERENCES

1. Vernikov A. V. Proportion of government in Russian banking system [Dolya gosudarstvennogo uchastiya v bankovskoy sisteme Rossii]. *Den'gi i kredit* [Money and credit]. 2009. № 9. P. 4–14.
2. Vernikov A. V. *Rynochnaya dolya bankov s gosudarstvennym uchastiem v Rossii* [Market share of government banks in Russia]. Available at: http://mpra.ub.uni-muenchen.de/17897.
3. Vernikov A., Kirdina S. *Evolyutsiya bankov v X- i Y-ekonomikakh* [The banks evolution in X- and Y-economies]. Available at: http://www.kirdina.ru/doc/publications/collections/bank_evolution.pdf
4. Glushkova E. A. *Banki s gosudarstvennym uchastiem v sisteme finansovogo posrednichestva na sovremennom etape: Aftoref. diss. ... kand. ekon. nauk* [Government banks in contemporary system of financial agency. Author's abst. PhD. med. sci. diss.]. Moscow, 2011. 26 p.
5. *Institutsional'naya ekonomika: novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional economics: new institutional economic theory]. Moscow, INFRA-M Publ., 2011. 415 p.
6. Kapelyushnikov R. I. *Kontsentratsiya sobstvennosti i korporativnoe upravlenie* [Concentration of property and corporate management]. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/05/04/1216402505/WP1_2005_03.pdf
7. Korobov Yu. I., Orlova A. N. Paradoxes of Russian banking system [Paradoksy bankovskoy sistemy Rossii]. *Finansy, Den'gi, Investitsii* [Finance, Money, Investment]. 2010. № 3 (35). P. 7–11.
8. Koroleva A. Active five [Aktivnaya pyaterka]. *Expert Online*. 03.04.2012. Available at: http://expert.ru/2012/04/3/aktivnaya-pyaterka
9. Martyukova E. G. Opportunism in Russian banking sector: reasons and consequences [Opportunizm v bankovskom sektore Rossii: prichiny i posledstviya]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki" [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities]. 2012. № 7 (128). P. 110–113.
10. Milgrom P., Roberts Dzh. *Ekonomika, organizatsiya, menedzhment* [Economics, organization and management]. In 2 vol. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1999. Vol. 1. 472 p. Vol. 2. 424 p.
11. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala" Publ., 1997. 179 p.
12. Odintsova M. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow, 2008. 397 p.
13. Oleynik A. Institutional Economics [Istitutsional'naya ekonomika]. *Voprosy ekonomiki* [Economic questions]. 1999. № 10. P. 133–158.
14. Popov E., Simonova V. The estimation of managers' and workers' opportunism inside a firm [Otsenka vnutrifirmennogo opportunizma rabotnikov i menedzherov]. *Problemy teorii i praktiki khozyaystvovaniya* [The problems of theory and practice of economic management]. 2005. № 4. P. 108–117.
15. Saymon G. Rationality as Process and as Product of Thought [Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya]. *THESIS*. 1993. Issue 3. P. 16–38.
16. Uil'yamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya* [The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 702 p.
17. Furubotn E., Rikhter R. *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: dostizheniya novoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii* [Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics]. St. Petersburg, 2005. 702 p.
18. Shastitko A. *Novaya teoriya firmy* [The new theory of firms]. Moscow, 1995. 134 p.
19. Eggertsson T. *Ekonomicheskoe povedenie i instituty* [Economic Behavior and Institutions]. Moscow, Delo Publ., 2001. 408 p.
20. Salvemini G. Under the Axe of Fascism. London, 1936. 380 p.

Поступила в редакцию 03.07.2015

Август, № 5 **Экономические науки** **2015**

УДК 330.101

ИРИНА ОЛЕГОВНА КУЧИЦ
аспирант, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
fomina_i@mail.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Рассматриваются некоторые теоретические аспекты процесса государственного регулирования экономики, и обосновывается необходимость применения институциональной теории для наиболее полного анализа регулирующего воздействия как на глобальном, так и на национальном уровне. Отмечается повышенное внимание к проблеме регулирования и «провалам» государства, связанное с мировым финансовым кризисом и его последствиями, выразившимися в замедлении экономического роста в большинстве стран. Приводятся аргументы относительно недостаточности и ограниченности применения неоклассической теории для объяснения зависимостей, происходящих в современной экономике, и обозначаются перспективы применения институционального подхода к регулированию для обеспечения развития и роста социально-экономической системы. Рассматриваются некоторые спорные моменты в области терминологии. В заключение представлено авторское видение того, как институциональный подход может быть интегрирован в анализ процесса регулирования.

Ключевые слова: регулирование, институциональный подход, субъекты регулирования, институциональный порядок, институциональная среда, институциональная структура

Вопросы регулирования экономики и степень государственного вмешательства в экономические процессы являются одними из основных в экономической науке, вне зависимости от смены политических взглядов, экономических курсов и научных парадигм. Взаимосвязь и взаимодействие двух ключевых институтов – рынка и государства – представляли определенный интерес для исследования и анализа на протяжении всей истории экономической науки. На определенных этапах одни представления о мере регулирующего воздействия и допустимой степени вмешательства государства в экономическую жизнь общества сменялись другими. Так, в период формирования рыночных отношений с XVI по XVIII век в условиях господства меркантилизма преобладали идеи о необходимости государственного регулирования торговли и промышленности, но в конце XVIII века с возникновением либерального направления экономической мысли стали доминировать представления о саморегулировании рынка, а вмешательство государства считалось некой помехой [3; 7], [8; 41]. Как показывает история, переосмысление роли государства в экономике и его значения для экономического развития наиболее часто обуславливается именно значительными потрясениями в общественной жизни, что наблюдается в период кризиса и на посткризисном этапе, когда правительство стремится предпринять меры по реабилитации экономики и стимулировать экономический рост. Примером этому может служить наблюдавшееся в XX веке расширение функций государства, связанное, главным образом, с двумя мировыми войнами и Великой депрессией [10; 4].

В настоящее время столь пристальное внимание к проблеме регулирования также связано с определенными потрясениями, вызванными мировым финансовым кризисом 2008 года. Несмотря на то, что большинство представителей экономической науки склоняются к необходимости вмешательства государства в экономику, выделяя многочисленные недостатки теории рыночного фундаментализма, в научной литературе не сформировалось единого мнения о степени регулирующего вмешательства государства в экономику и методах оценки его эффективности. Более того, одной из причин кризиса некоторые эксперты, в частности лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Ю. Стиглиц, называют «провалы» государства, а именно «провалы» регулирования.

Будучи представителем неокейнсианской школы экономической мысли, Дж. Ю. Стиглиц неоднократно отмечал несостоятельность идей саморегулирования рынков на практике, указывая на то, что абсолютно свободный рынок, функционирующий без каких-либо ограничений, не приводит к оптимальному экономическому эффекту. Эта же мысль звучит в докладе Дж. Ю. Стиглица и комиссии финансовых экспертов ООН «О реформе международной валютно-финансовой системы», в котором отмечается недооценка роли регулирования в докризисный период как отдельными государствами, так и на глобальном уровне в целом и выдвигается предложение о «создании соответствующей регулирующей структуры, отражающей изменяющуюся экономику» (Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии

© Кучиц И. О., 2015

финансовых экспертов ООН. М.: Междунар. отношения, 2010. 328 с.).

Тем не менее до недавнего времени при разработке и обсуждении регулирующего воздействия, проблем замедления экономического роста и стагнации в первую очередь рассматривали именно рецепты неоклассической экономической теории. Однако неоклассическая и другие теории, лежащие в основе мейнстрима современной экономической науки, не смогли предсказать нынешний мировой финансовый кризис, что заставило исследователей обратиться к поиску новых способов объяснения макроэкономических явлений, в том числе к альтернативной институциональной экономической теории. Несмотря на все сложности включения институциональной среды в макроэкономический анализ, это может дополнить достаточно абстрактный неоклассический подход, добавив ему полноты и глубины, необходимой для объяснения всех зависимостей, происходящих в экономике [9; 15].

Более того, некоторые исследователи в области институциональной экономики (в том числе В. В. Вольчик, В. В. Дементьев, П. С. Лемещенко), анализируя проблему стагнации и замедления экономического роста, указывают на ее институциональную, нежели на макроэкономическую природу. При этом отмечаются значительные перспективы применения именно институционального подхода к регулированию для обеспечения развития и роста социально-экономической системы [7; 6].

В отличие от неоклассической теории, анализирующей равновесные экономические процессы, институциональной теории свойственна тенденция воспринимать явления «скорее в терминах процесса, чем результата». Уже на протяжении более чем ста лет существования институциональной теории идеи ее родоначальника Т. Веблена по-прежнему остаются актуальными, что выражается в том числе и в стремлении создать альтернативную исследовательскую стратегию, которая не была бы привязана к какому-либо единственно верному или «нормальному» состоянию, а представляла бы теорию «кумулятивно разворачивающегося процесса, то есть такого типа процесса, траектория которого определяется шаг за шагом действующими “правилами игры”, которые на каждой его стадии, в свою очередь, могут меняться» [2; 10–11]. Однако создание подобной теории, безусловно, представляет собой достаточно сложную и практически неразрешимую задачу.

Тем не менее перспективы применения институционального подхода при анализе деятельности государства, в том числе его регулирующего воздействия на экономическую систему, достаточно велики. Изучая как «провалы» государства, так и «провалы» рынка, выбор между рынком и государством институционалисты рассматривают не с точки зрения идеальных ситуаций, а признают его как «выбор между различными степенями и типами несовершенств», уделяя внимание причинам и условиям, порождающим дисфункции данных институтов, а также путям решения этой проблемы [9; 190].

Теоретические аспекты регулирования государственной экономики достаточно хорошо изучены как в отечественной, так и в зарубежной литературе, но институциональные аспекты регулирования во многом представляют собой материал для дискуссий. В частности, еще не завершилось оформление теоретико-методологической базы и понятийного аппарата, что в определенной мере усложняет исследовательские задачи в данной области, но в то же время делает их перспективными.

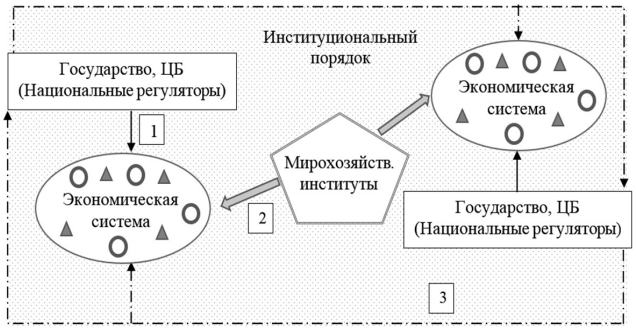
Термин «институциональное регулирование» (institutional regulation) встречается преимущественно в зарубежной литературе (например у П. С. Лемщенко) и пока прочно не закрепился в отечественных источниках. Тем не менее следует отметить отсутствие четкой дефиниции данного понятия, что связано с различием трактовок и определений ключевого понятия института. Исследователи Института экономики Общества Макса Планка достаточно широко определяют институциональное регулирование, понимая под ним регулирующее воздействие на экономику, включающее правовые и социальные структуры, а также культурные нормы и правила (Institutional regulation of the economy. Режим доступа: www.mpg.de/38450/hm02_Institutional.pdf). Отечественные ученые в большинстве случаев придерживаются близкой трактовки. О. И. Девяткова, рассматривая организационно-институциональный аспект государственного регулирования, выделяет наряду с административными и экономическими методами государственного регулирования институциональные. В частности, под институциональными методами понимаются правовые меры, этические нормы, правила и обычаи, институты права и собственности [5; 199]. Однако подобная классификация может несколько исказить изучаемую проблему, обособив институциональные методы государственного регулирования от административных и экономических.

Рассматривая значимость институционального подхода, мы будем исходить из предпосылки, что «не существует никакого экономического действия и взаимодействия до институтов и вне институтов», поскольку «институты изначально “вплетены” в систему экономических отношений и взаимодействий между людьми» [6; 25]. Таким образом, можно заключить, что любой вид экономической деятельности, так же как и государственное регулирование, осуществляется в рамках совокупности правил и ограничений. Следовательно, представляется перспективным

применение институционального подхода для анализа процесса государственного регулирования и его методов в целом, поскольку все они происходят в институциональном поле и имеют свои институциональные особенности. Более того, от качества институциональной структуры зависит возможность проведения последовательной макроэкономической политики и достижения запланированных результатов. Например, анализируя денежно-кредитную политику и качество передачи монетарного импульса посредством трансмиссионного механизма на реальный сектор, необходимо учитывать ряд институциональных моментов (в том числе ожидания экономических субъектов, асимметрию информации, возможность оппортунистического поведения и ряд других).

Усложнение процессов регулирования наряду с существованием разносторонних процессов регионализации и глобализации обуславливает необходимость рассмотрения процесса регулирования национальной экономики с учетом воздействия других национальных экономик и институтов различных уровней. То есть необходимо учитывать многогранный характер данного процесса и комплекс возможных действий со стороны национальных и мировых субъектов регулирования, что выражается в форме определенного институционального давления и попыток одних национальных экономик и их субъектов регулирования воздействовать на другие национальные экономики и ответное поведение регулирующих субъектов.

Основываясь на классической схеме регулирования национального хозяйства в открытой системе [1; 38], процесс государственного регулирования с точки зрения институционального подхода можно представить следующим образом (рисунок).



Регулирование национального хозяйства в открытой экономической системе, институциональный подход. Регулирующее воздействие: 1 – со стороны национального государства, 2 – со стороны международных экономических институтов, 3 – «нетрадиционное регулирующее воздействие» со стороны одних национальных субъектов регулирования по отношению к другим; Δ – элементы институциональной среды, О – элементы институциональной структуры

Помимо субъектов регулирования, которые упорядочивают народное хозяйство (национального государства и центрального банка, а также мирохозяйственных институтов или международных институтов регулирования в открытой экономической системе), в анализ включаются такие категории, как институциональный порядок, институциональная среда и институциональная структура. Соответственно, необходимо обозначить, что будет пониматься под каждой из перечисленных категорий. Несмотря на значительное количество дефиниций и классификации, наиболее уместной в рамках данного исследования представляется вариант, предложенный В. В. Вольчиком, поскольку в отличие от большинства авторов (И. В. Розмаинского, В. В. Каюкова, А. В. Каюкова и других) он обособляет формальные и неформальные институты, оставляя в рамках институциональной среды преимущественно неформальные институты, а не всю совокупность «правил игры».

Институциональный порядок является системным компонентом хозяйственного порядка, определяющим фундаментальные регулярности при осуществлении экономической деятельности основными агентами независимо от сфер и видов деятельности. В то время как институциональная среда формирует регулярности более низкого порядка, необходимые для хозяйствующих субъектов в сферах производства, обмена и потребления. Таким образом, институциональная среда представляет собой преимущественно неформальные институты, тогда как институциональную структуру формируют преимущественно формальные институциональные ограничения, определяющие возможные организационные формы и варианты экономических взаимодействий [4].

В разработанной схеме наглядно продемонстрировано, как институциональный подход может быть интегрирован в анализ процесса регулирования. Представляется, что включение определенных институциональных сюжетов в анализ процесса регулирования как на глобальном, так и национальном уровне может позволить более полно объяснить сложные экономические процессы, происходящие в современном мире, и выявить их причины, а также по-новому взглянуть на «провалы» рынка и государства. Более того, необходимо принимать во внимание взаимозависимость экономик в современном мире и учитывать, что действия национальных регуляторов могут иметь существенные международные последствия и влиять на экономики других стран. Подобная ситуация наблюдалась в период мирового финансового кризиса, а также наблюдается в настоящее время в виде так называемого институционального давления или «нетрадиционного регулирующего воздействия», выраженного в виде системы санкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В. Б. Макроэкономика: В 2 т. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Т. 1. 133 с.
2. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2013. 50 с.
3. Антонова Н. Б., Хорошко О. Б. Государственное регулирование национальной экономики. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. 253 с.
4. Вольчик В. В. Лекции по институциональной экономике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.institutional.narod.ru/lectures1/ie22.pdf
5. Девяткова О. И. Организационно-институциональный аспект государственного регулирования экономики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: «Экономика и финансы». 2005. № 1. С. 196–201.
6. Дементьев В. В. Институциональная политическая экономия: с чего начать? // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 1. С. 25–44.
7. Дементьев В. В. Может ли спасти экономику макроэкономическая политика? // Журнал институциональных исследований. 2013. Т. 5. № 4. С. 6–12.
8. Кузнецова О. П., Косьмин А. Д. Об эволюции теоретических представлений о роли государства в обществе и экономике // Проблемы современной экономики. 2013. № 1. С. 41–44.
9. Лемещенко П. С. Институциональная экономика. Минск: ООО «ФУАинформ», 2003. 490 с.
10. Радыгин А. Д., Этнов Р. М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 4–30.

Kuchits I. O., Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMPORTANCE OF INSTITUTIONAL APPROACH IN ECONOMY REGULATION

The article touches upon some theoretical aspects of government regulation of the economy and substantiates the necessity of applying institutional theory for a more thorough analysis of the regulatory impact both on the global and regional levels. High priority is given to regulatory issues and government failures due to the global financial crisis and its consequences resulting in the slowdown of economic growth in the majority of countries. Some arguments regarding shortfalls and limitations of neoclassical theory in explaining various correlations in the modern economy are presented. The perspectives of institutional approach to regulation ensuring development and growth of the socio-economic system are outlined. Moreover, some controversial issues in the context of terminology are discussed. In the conclusion the author's vision on the integrating institutional approach to the analysis of the regulatory process is presented.

Key words: regulation, institutional approach, subjects of regulation, institutional order, institutional environment, institutional arrangement

REFERENCES

1. Akulov V. B. *Makroekonomika* [Macroeconomics]. In 2 vols. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2013. Vol. 1. 133 p.
2. Anan'in O. I. *Ontologicheskie predposylki ekonomicheskikh teoriy* [Ontological assumptions of economic theories]. Moskow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2013. 50 p.
3. Antonova N. B., Khoroshko O. B. *Gosudarstvennoe regulirovanie natsional'noy ekonomiki* [State regulation of national economy]. Minsk, Akad. upr. pri prezidente Resp. Belarus' Publ., 2009. 253 p.
4. Vol'chik V. V. *Lektsii po institutsional'noy ekonomike* [Lectures on institutional economics]. Available at: http://www.institutional.narod.ru/lectures1/ie22.pdf
5. Devyatkova O. I. Organizational and institutional aspects of state regulation of economy [Organizatsionno-institutsional'nyy aspekt gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: "Ekonomika i finansy"* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Ser.: Economics and finances]. 2005. № 1. P. 196–201.
6. Dement'ev V. V. Institutional political economy: where to start? [Institutsional'naya politicheskaya ekonomiya: s chego nachat'?]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institutional studies]. 2015. Vol. 7. № 1. P. 25–44.
7. Dement'ev V. V. Can the macroeconomic policy save the economy? [Mozhet li spasti ekonomiku makroekonomicheskaya politika?]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institutional studies]. 2013. Vol. 5. № 4. P. 6–12.
8. Kuznetsova O. P., Kos'min A. D. On the evolution of theoretical notions on the role of the state in economy and society [Ob evolyutsii teoreticheskikh predstavleniy o roli gosudarstva v obshchestve i ekonomike]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economics]. 2013. № 1. P. 41–44.
9. Lemeshchenko P. S. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economics]. Minsk, OOO "FUAinform" Publ., 2003. 490 p.
10. Radygin A. D., Etnov R. M. Government failures: theory and policy ["Provaly gosudarstva": teoriya i politika]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of economics]. 2012. № 12. P. 4–30.

Поступила в редакцию 18.06.2015

Август, № 5 **Юридические науки** **2015**

УДК 341.1

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права, декан юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
schernov@karelia.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ*

Статья посвящена рассмотрению комплекса проблем управления в Арктическом регионе Российской Федерации. Рациональное использование морских природных ресурсов Арктики требует эффективной организации, координации и регулирования хозяйственной деятельности различных ресурсопользователей. В области права в Арктике необходимо восстановление системы государственного мониторинга состояния окружающей среды; организация на должном уровне экологического надзора за предприятиями, осуществляющими деятельность в Арктической зоне; решение вопросов международного сотрудничества в области обеспечения безопасности при добыче и транспортировке углеводородов на шельфе арктических морей.

Ключевые слова: арктические государства, Арктика, окружающая среда, безопасное морское судоходство, правовой статус Арктического совета, Энергетическая стратегия России, устойчивое развитие, национальная безопасность России, Северный морской путь

В феврале 2013 года президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил «Стратегию развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». Стратегия определяет план действия нашей страны в Арктике по решению национальных интересов. Весной 2015 года Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 2015 года № 228 была утверждена Государственная комиссия по вопросам развития Арктики. Государственная комиссия является координационным органом, обеспечивающим взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности. В состав комиссии включены руководители профильных федеральных органов исполнительной власти, главы регионов, частично или полностью входящих в состав Арктической зоны, полномочные представители президента в федеральных округах, представители аппарата Совета безопасности, администрации президента, других государственных органов, научных и общественных организаций.

Создание такого органа было связано со сложной международной обстановкой, изменением внутриполитической ситуации и серьезными экономическими задачами, стоящими перед государством в современном мире.

На первый план выдвигается защита национальных интересов России в Арктике, которые были сформулированы в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. президентом РФ Д. А. Медведевым 18 сентября 2008 года).

В условиях усиления напряженности в мире ряд заинтересованных стран предпринимают усилия для того, чтобы доказать, что Россия не имеет юридических обоснований для добычи полезных ископаемых Арктики на дне Северного Ледовитого океана, пытаются навязать международный контроль над Северным морским путем и экологической безопасностью разработок месторождений полезных ископаемых. Приарктические страны имеют особые стратегические интересы и исходят из преимущественных прав на арктические территории, они существенным образом влияют на определение правового режима Арктики.

Богатая природными ресурсами Арктическая зона пока не защищена серьезными договорами России, США, Канады, Дании, Норвегии, Исландии, Швеции, Финляндии, хотя принят ряд деклараций по проблеме защиты арктической среды. В то же время достаточно давно функционирует Международный арктический научный комитет (МАНК) [4; 23].

Комиссия ООН по внешним границам континентального шельфа формально может решить проблему разграничения арктических территорий, однако прекращения противостояния не будет. Смягчение климатических условий в Арктике и начало нового экономического и финансового кризиса в мире усиливают вероятность территориальных споров. В ходе этих споров страны Запада используют не международно-правовые обоснования, а средства информацион-

© Чернов С. Н., 2015

ного давления, как это было, например, накануне Олимпиады в Сочи, когда западные СМИ говорили о неспособности России обеспечить строительство современных объектов, безопасность Олимпиады. Идут попытки с помощью СМИ, выступлений политических лидеров обвинить РФ в неспособности обеспечить экологическую безопасность Арктики.

Для этой цели используются и общественные организации, щедро финансируемые нефте- и газодобывающими компаниями Запада. Например, международная экологическая организация Greenpeace достаточно агрессивно выступает под лозунгами «Защитим Арктику», «Арктика – не место для нефтедобычи, промышленного рыболовства и войн». Это ответ на активизацию деятельности России по добыче нефти и газа в Северном Ледовитом океане. Требования Greenpeace представляются как важнейшая гуманитарная проблема, которая может повлечь глобальные климатические изменения, и значит, требующая немедленного прекращения деятельности России в Арктике [5].

Как известно, непосредственный выход к арктическим морям имеют США, Канада, Норвегия, Дания и Россия, которые исторически пытаются получить для себя особые права преимущественного доступа к Арктике, хотя свои интересы в регионе заявляют и другие государства.

Правительства Северных и не только стран продвигают свои национальные, экономические и военно-политические интересы в Арктике. В результате возникли многочисленные межправительственные международные организации: Совет Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР), Конференция парламентариев Арктического региона, Совет Северных стран, «Северное Измерение» ЕС, Совет Министров Северных стран (СМСС), Северный форум, Арктический совет (АС).

В арктическом регионе действует ряд международных финансовых учреждений: Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР); Европейский инвестиционный банк (ЕИБ); Инвестиционный банк стран Северной Европы (ИБСЕ); Экологическая финансовая корпорация стран Северной Европы (ЭФКСЕ); Проектный фонд стран Северной Европы (ПФСЕ). Активно проявляют себя в последнее время в Арктике ЕС и НАТО.

Несмотря на жесткие подходы к территориальным и иным проблемам в Арктике, возможны и компромиссы в решении вопросов, которые могут повлиять на общий политический климат в регионе. 27 апреля 2010 года Норвегия и Россия подписали исторический договор, который лег в основу разграничения спорной арктической акватории площадью 175 000 квадратных километров. После 40 лет переговоров две страны пришли к уникальному компромиссу, позволяющему разделить спорную зону на две равные части.

Правительство России считает, что транспортный поток по Севморпути значительно вырастет в следующем десятилетии. Ежегодно по Баренцеву морю перевозится 10 млн тонн нефти, но это количество может значительно увеличиться. «Цифра в 10 млн тонн абсолютно нормальная, может быть и больше», – сказал премьер-министр РФ Д. Медведев на Баренц-саммите в Киркенесе в июне 2013 года. С 2010 по 2013 год поток движения между Европой и Юго-Восточной Азией по Северному морскому пути активно рос, а в 2014 году произошел резкий спад, который был связан прежде всего с изменением структуры экономики в северной части Российской Арктики. По сравнению с 2013 годом транзитный грузопоток сократился на 77 %. Как отмечается в аналитических прогнозах экономистов, преимущество сокращения путевого расстояния между Атлантическим и Тихим океанами на 24 % нивелируется множеством факторов. Отдаленность, отсутствие широкополосных каналов связи, ограниченные возможности поисково-спасательных служб определяют повышенный риск работы в Арктике. Мелководье лимитирует размеры судов, движение льдов обусловливает непредсказуемость времени прибытия судов. Учитывая эти сложности, нужно обратить внимание, прежде всего, на правовую регламентацию процессов, которые могли бы положительно повлиять на изменение неблагоприятной обстановки. Отрасли (подотрасли) российского права предусматривают целую систему институтов охраны соответствующих природных ресурсов. Однако данные правовые институты не всегда отличаются дифференциацией правовых режимов в зависимости от особенностей объектов [3; 28].

В Арктике постоянно проживает (по данным Совета Северных стран) всего 3,75 млн человек, в основном это некоренное население. Протяженность береговой линии морских побережий России составляет более 60 тысяч километров. Протяженность материкового побережья России в Северном Ледовитом океане – самая большая в мире. Более 10 % населения страны проживают на побережье морей и океанов. России нужна долговременная морская программа, потому что государственная монополия на управление эксплуатацией ресурсов и пространств различных частей Мирового океана является основой политики любого государства.

В северных районах РФ расположено одиннадцать городов, население которых достигает 200 тысяч человек. Эти города строились там, где добывали полезные ископаемые и был доступ к рыбным промыслам. Например, население города Мурманска в 1989 году достигло 440 тыс. человек (сейчас население недотягивает до 300 тыс. человек). На Севере были хорошие заработки, строилось комфортное жилье, были социальные льготы, и это привлекало население южных

регионов СССР. После распада СССР во многих районах Арктики население уменьшилось почти наполовину.

Однако концентрация населения в больших населенных пунктах и городах Арктики отрицательно влияет на экологию Севера. Низкие температуры, длинная полярная ночь, непрерывный производственный процесс на предприятиях требуют повышенного использования энергии, что приводит к усилению процесса загрязнения окружающей среды. В основном энергия вырабатывается дизельными и атомными станциями [2; 47].

Ярким примером загрязнения Арктики является остров Врангеля – государственный природный заповедник (1976 год), объект Всемирного наследия ЮНЕСКО (2004 год). Еще до организации на острове государственного природного заповедника были построены поселок – фактория и метеостанция, организовано отделение оленеводческого совхоза, сооружены вспомогательный военный аэродром и база ПВО, основана пограничная застава. Ежегодно на остров завозились сотни тонн ГСМ, техника и оборудование, а также продовольствие. База ПВО была закрыта в 1992 году, село Ушаковское ликвидировано в 1998 году, погранзастава – в 2006 году, полеты на остров прекратились. Остров обезлюдел, оставлен людьми, все бочки и емкости с ГСМ, металлолом, строения, антенные сооружения базы ПВО, бытовой мусор были брошены. Общая площадь загрязненной различными отходами территории составляет 209 га и включает 23,5 тыс. т металлолома, 112 000 бочек с ГСМ, 36 единиц автотранспорта, 9 радиолокационных станций, 75 крупнотоннажных емкостей с ГСМ, строительные и бытовые отходы, здания и сооружения различной степени разрушенности [7].

Строительство дорог и трубопроводов в тундре разрушает поверхностный слой, который восстановить практически невозможно. Но самой серьезной проблемой населенных пунктов Арктики и предприятий является утилизация промышленных отходов и отходов жизнедеятельности человека [1; 72].

В Арктической зоне России было выделено 27 приоритетных районов (11 на суше и 16 в морях и прибрежной зоне), где уже наблюдаются сильнейшая трансформация естественного геохимического фона, загрязнение атмосферы, деградация растительного покрова, почвы и грунтов, внедрение вредных веществ в цепи питания, повышенная заболеваемость населения [6; 63].

Из-за сложных климатических условий опасность освоения арктических месторождений нефти и газа намного выше, чем в других регионах. В настоящее время на территории России ежегодно происходит более 20 тысяч официально зарегистрированных аварий, сопровождающихся значительными разливами нефти. Объемы среднего разлива колеблются от 3 до 20 кубических метров. Основными причинами большого количества и объемов разливов нефти и нефтепродуктов являются: изношенность основных фондов; плохая оперативность и непрофессионализм персонала; недостаточность или полное отсутствие сил и средств, необходимых для предупреждения разливов нефти и нефтепродуктов, невозможность оперативно ликвидировать последствия.

В Арктике плохо развита информационная, транспортная инфраструктура, система безопасности и быстрого реагирования. Возникает необходимость использовать новейшие технологии и оборудование, в результате санкций Запада эта проблема обостряется. Самое главное, что недостаточно разработана нормативная и правовая база в сфере обеспечения безопасности.

Специалисты в области безопасности, геологи, экологи считают, что если произойдет разлив нефти в северных широтах, то восстановление экологии и морских организмов может растянуться на десятки лет. По существующим законам, очищать акваторию или территорию после разлива нефти обязаны те компании, которые допустили аварию, и они же должны заплатить немалый штраф, оплатить все работы. Казалось бы, все просто, но на самом деле этот процесс намного сложнее.

Ожидается, что к 2020 году общий объем производства нефтепродуктов в Баренцевом море составит более 30 млн тонн нефти и 130 млрд кубометров газа. В настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2002 года № 240 (с изменениями и дополнениями от 14 ноября 2014 года). Основой постановления является Международная конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству, принятая в Лондоне 30 ноября 1990 года, и федеральные законы: № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 1 января 2002 года, № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 года, № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 года.

Очень важно, что на основании постановления полнота ответственности за мероприятия по предупреждению и реагированию на разливы нефти и нефтепродуктов возлагается на эксплуатирующие организации. Устанавливается, что любой разлив нефти и нефтепродуктов вне зависимости от объемов утечки является происшествием, которое наносит вред экологии и экономике и может перерасти в чрезвычайную ситуацию.

Критерии такой чрезвычайной ситуации установлены отдельным Постановлением Правительства «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 мая 2007 года № 304, в котором указывается

на необходимость привлечения дополнительных сил и средств единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Недопущение перерастания разлива нефти и нефтепродуктов в чрезвычайную ситуацию является одной из основных целевых задач планирования и реализации мероприятий по предупреждению, локализации и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов.

В настоящее время идет ужесточение законодательных требований в области предотвращения разливов нефти в наиболее развитых странах мира. Россия также ужесточает технические, экологические, правовые требования к процессу нефтедобычи, однако специалисты считают, что часто отсутствует критический подход к нормотворчеству в использовании иностранного опыта, не учитывается опыт России.

Сравнительное правоведение может помочь реализовать комплексный подход к регулированию мероприятий по предупреждению и ликвидации разливов нефти с учетом особенностей нашего законодательства (как федерального, так и регионального), а также добиться того, чтобы эти вопросы учитывались во всех аспектах функционирования топливно-энергетического комплекса РФ.

Комплексное управление морской деятельностью России – это гарантия обеспечения как продовольственной, энергетической, военной безопасности страны, так и основа для решения социально-экономических и демографических проблем приморских регионов, в которых проживает одна пятая часть населения РФ.

В области права в Арктике необходимы: восстановление системы государственного мониторинга состояния окружающей среды; организация на должном уровне экологического надзора за предприятиями, осуществляющими деятельность в Арктической зоне; решение вопросов международного сотрудничества в области обеспечения безопасности при добыче и транспортировке углеводородов на шельфе арктических морей.

Специалисты ждут принятия базового закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», в котором должны быть установлены границы этой зоны. Требуется учесть интересы коренных малочисленных народов Севера, и в первую очередь в области природопользования.

К кризисам, спорам и разногласиям приводит правовая политика, которая не может четко согласовать международные, экономические, политические, экологические, научные интересы.

Рациональное природопользование связано с организацией такой системы, которая не позволит потреблять больше, чем экологическая система может восстановить или поглотить без ущерба для себя. При отраслевом подходе к управлению Арктикой это невозможно, так как каждое ведомство пытается решить свои задачи без учета других. Деградация морских экосистем, конфликты интересов в сфере морской деятельности подталкивают правительство РФ к комплексному управлению, экосистемному подходу, применению новых технологий и принципа предосторожности. В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» и в ратифицированных Россией международных конвенциях эти подходы уже отражены. В то же время необходимо использовать опыт других стран, в том числе и правовой, в организации управления Арктикой, хотя среди управленцев много скептиков именно в отношении к этому вопросу. Освоение и изучение Арктики требует комплексного, междисциплинарного подхода. Природные условия Арктики, сложность рельефа шельфа требуют новых технологий, которые могли бы гарантировать безопасные добычу и транспортировку нефти и газа по сложному для навигации Северному Ледовитому океану и переработку нефти и газа (опять же без загрязнения окружающей среды) в береговой зоне Арктики. Ежегодно по Баренцеву морю перевозится 10 млн тонн нефти, но это количество может значительно увеличиться. Ожидается, что к 2020 году общий объем производства нефтепродуктов в Баренцевом море составит более 30 млн тонн нефти и 130 млрд кубометров газа [9].

При планировании управления арктическим регионом должны учитываться интересы всех отраслей экономики начиная с рыболовства, туризма и заканчивая добычей нефти и газа. Без закрытых территорий обойтись нельзя (надо с помощью жестких запретов сохранить биологическое разнообразие Арктики). Фактически все государства, участвующие в освоении Арктики, ведут разработку комплексных планов управления морскими территориями. Сложность выработки общих решений по Арктике состоит в том, что международные структуры начинают настоятельно рекомендовать те или иные мероприятия, опробованные некоторыми странами, не учитывая региональные, природные, геополитические условия, иногда это даже противоречит национальным интересам России.

При разработке Комплексного плана управления Арктической зоной должны быть заложены принципы согласования интересов всех участников экономического, политического, правового процессов в регионе, интересы коренного населения и местного самоуправления.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молчанов В. П., Акимов В. А., Соколов Ю. И. Риски чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне Российской Федерации / МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС(ФЦ). М., 2011. 143 с.
2. Емельянова Т. А. Организация территорий, используемых общинами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации для обеспечения их традиционного образа жизни. М.: Изд-во ГУЗ, 2005. 324 с.
3. Институты экологического права / С. А. Боголюбов и др. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
4. Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статус, 2007. 259 с.
5. Павленко В. И., Селюков Ю. Г. Регулирование сферы недропользования в приарктических странах (США, Канада, Норвегия) // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3. С. 51–52.
6. Ревич Б. А. «Горячие точки» химического загрязнения окружающей среды и здоровье населения России. М.: Акрополь: Общественная Палата РФ, 2007. 192 с.
7. Соколов Ю. И. Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба //Арктика: экология и экономика. 2013. № 2 (10). С. 19–21.
8. Уникальный договор по арктическим границам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://barentsobserver.com/ru/arktika/2015/04/unikalnyy-dogovor-po-arkticheskim-granicam-28-04
9. Шульц В. Л., Кульба В. В., Шелков А. Б., Кононов Д. А. Информационное управление: поддержка стратегических проектов освоения арктического сектора. Ч. 1. Методологические основы // Национальная безопасность. М.: ИСПИ РАН, 2010. № 1/2. С. 4–16.

Chernov S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SPECIFICS OF LEGAL REGULATIONS IN ECONOMIC, POLITICAL, AND SOCIAL SPHERES OF THE ARCTIC ZONE

The article deals with the problem of management in the Arctic region of the Russian Federation. The rational use of the natural resources found in the Arctic Sea requires efficient organization, coordination, and regulation of economic activities of stakeholders in this area. From the legal perspective, the restoration of environment monitoring system provided by the state is required. It is essential to control environmental security in the industrial areas. Solution of the problems related to the international cooperation ensuring environmental security during hydrocarbon exploitation in the shelf area of the Arctic zone is also pivotal.

Key words: Arctic states, Arctic, environmental, safe sea navigation, legal status of the Arctic council, the Energy strategy of the Russian Federation, sustainable development, national security of the Russian Federation, the Northern Sea Route

REFERENCES

1. Molchanov V. P., Akimov V. A., Sokolov Yu. I. *Riski chrezvychaynykh situatsiy v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii* [Risks of emergency situations in the Arctic zone of the Russian Federation]. Moscow, 2011. 143 p.
2. Emel'yanova T. A. *Organizatsiya territoriy, ispol'zuemykh obshchinami korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii dlya obespecheniya ikh traditsionnogo obraza zhizni* [Organization of territories, exploited by indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation for the aim of ensuring their traditional way of life]. Moscow, Izd-vo GUZ Publ., 2005. 324 p.
3. *Instituty ekologicheskogo prava* [Institutes of the environmental law] / S. A. Bogolyubov i dr. Mosow, Eksmo Publ., 2010. 480 p.
4. Kolodkin A. L., Gutsulyak V. N., Bobrova Yu. V. *Mirovoy okean. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim. Osnovnye problemy* [The World ocean. The international legal regime. Main problems]. Moscow, Status Publ., 2007. 259 p.
5. Pavlenko V. I., Selyukov Yu. G. The regulaton of the subsurface use in the countries of the Arctic region (the USA, Canada, Norway) [Regulirovanie sfery nedropol'zovaniya v priarkticheskikh stranakh (SShA, Kanada, Norvegiya)]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2013. № 3. P. 51–52.
6. Revich B. A. *"Goryachie tochki" khimicheskogo zagryazneniya okruzhayushchey sredy i zdorov'e naseleniya Rossii* [Trouble sports of environmental contamination and the health of Russian population]. Moscow, Akropol', Obshchestvennaya Palata RF Publ., 2007. 192 p.
7. Sokolov Yu. I. Arctic: on the problem of environmental damage accumulation [Arktika: k probleme nakoplennogo ekologicheskogo ushcherba]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. 2013. № 2 (10). P. 19–21.
8. *Unikal'nyy dogovor po arkticheskim granitsam* [The unique treaty on the boundaries of the Arctic]. Available at: http://barentsobserver.com/ru/arktika/2015/04/unikalnyy-dogovor-po-arkticheskim-granicam-28-04
9. Shul'ts V. L., Kul'ba V. V., Shelkov A. B., Kononov D. A. Information management: support of the strategic projects of exploitation in the Arctic. Part 1. Methodological foundations [Informatsionnoe upravlenie: podderzhka strategicheskikh proektov osvoeniya arkticheskogo sektora. Chast' 1. Metodologicheskie osnovy]. *Natsional'naya bezopasnost'*. 2010. № 1/2. P. 4–16.

Поступила в редакцию 18.05.2015

Август, № 5 **Юридические науки** **2015**

УДК 342.565

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СИДОРОВ
бакалавр по направлению «Юриспруденция», кандидат технических наук, доцент кафедры теории вероятностей и анализа данных математического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
yurysidorov76@gmail.com

ОТЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ*

Рассматривается проблема изучения нового как для нашей страны, так и для всего мирового сообщества правового явления, которое в современной юридической науке и литературе получило название «электронное правосудие». Проведен анализ публикаций специалистов-правоведов, как теоретиков, так и практиков, с целью выявления подходов к пониманию сущности электронного правосудия. В результате выявлено два основных подхода к определению данного правового явления: подход, базирующийся на простом перечислении составляющих его элементов, и определение электронного правосудия как способа осуществления правосудия, основанного на использовании информационных технологий в процессе производства процессуальных действий. Вместе с тем автор замечает, что в последнем определении не уточнено, касается ли использование информационных технологий при производстве всех или только некоторых процессуальных действий. Более того, большинство отечественных авторов, раскрывая сущность электронного правосудия, не подчеркивают обязательность выражения в электронной форме всех процессуальных действий, а говорят о подобной возможности только для тех процессуальных действий, для которых имеется соответствующая нормативно-правовая база. Опираясь на зарубежный опыт, основанный на более длительном использовании информационных технологий в процессе судопроизводства, автор делает вывод о необходимости стремиться именно к такому пониманию электронного правосудия, как это сейчас делается за рубежом, то есть на основе использования информационных технологий при производстве всех процессуальных действий.

Ключевые слова: электронное правосудие, информационное право, государственные услуги, электронное государство

Появление нового правового явления, которое в современной юридической науке и литературе получило название «электронное правосудие», ставшее в общем-то уже общеупотребительным, связано, конечно же, с повсеместным проникновением во все сферы жизнедеятельности современных информационных технологий. Не стала исключением и такая сфера государственного управления, как судебная деятельность по рассмотрению и разрешению различных категорий дел (то есть то, что понимается под термином «правосудие», но правового определения этого термина в отечественном законодательстве нет), что еще более усложняет понимание сущности термина «электронное правосудие» и то, как они соотносятся между собой. Можно ли говорить об электронном правосудии как об отдельном виде более общего понятия «правосудие» или же это всего лишь один из способов его реализации? Поиском ответов на данные вопросы сейчас занимаются специалисты-правоведы, как теоретики, так и практики.

С одной стороны, широкое внедрение новых информационных технологий в судопроизводство призвано повышать эффективность отправления правосудия: улучшать его качество и сроки, повышать его доступность, обеспечивать гласность и т. д. С другой стороны, это неизбежно приводит к приданию нового смысла его базовым принципам, появляется их более широкое толкование. В свою очередь, появление новых процессуальных институтов в судопроизводстве влечет возникновение новых принципов, лежащих в их основе и дополняющих базовые принципы.

В юридической литературе по данной теме для объяснения, что же такое электронное правосудие, широко используется подход, базирующийся на простом перечислении составляющих его элементов. Из этого можно сделать вывод, что говорить об электронном правосудии как о некоторой единой и целостной системе на данный момент не приходится. В настоящее время происходит становление терминологического и понятийного аппарата рассматриваемого правового явления, что находит свое отражение в действующем, прежде всего процессуальном, законодательстве. Все это говорит об актуальности исследования такого правового явления, как электронное правосудие.

Следствием процессов внедрения в деятельность органов государственной власти новых информационных технологий, а также информатизации общества в целом стало появление таких

© Сидоров Ю. В., 2015

новых правовых понятий, как «электронное правительство», «электронный парламент» и «электронное правосудие». В настоящее время данные понятия находятся в процессе их всестороннего анализа учеными и практикующими юристами с целью точного выявления их сущности для последующего закрепления в законодательстве.

Ключевым для вышеприведенных понятий является более общее понятие электронного государства. Построение глобального открытого информационного общества привело к реализации практически во всех странах мира концепции электронного государства, основанной на трансформации государственного управления при широком использовании информационных технологий в процессе государственной деятельности и оказании государственных услуг [8; 6]. Хотя нередко происходит подмена понятий, когда, употребляя термин «электронное правительство», на самом деле имеют в виду более расширенное понятие «электронное государство».

Первоначально теория трансформации государственного механизма в условиях глобализации появилась в 1978 году в работе профессоров Нью-Йоркского университета П. Бредли и А. Хула «Трансформация форм государственной системы: публичное (государственное) принуждение и административная юрисдикция», а сам термин «electronic government» начал широко использоваться во времена президента США Билла Клинтона [8; 6].

Вообще термин «электронное государство» рассматривают в узком и широком смысле. В узком смысле – только как электронное правительство, то есть модернизация исполнительной власти. В широком смысле речь идет о всех трех ветвях власти – законодательной, исполнительной и судебной. Этот термин обозначает новый способ организации и развития государственного управления, способ его трансформации и совершенствования для ориентации на принципиально более тесную связь с гражданами, кардинального улучшения показателей получения конкретных полезных результатов деятельности, большей экономичности деятельности и ответственности государственных органов. Этот способ ориентирован на целенаправленное и скоординированное применение новых информационно-коммуникативных технологий для реализации функций государства [8; 10].

Таким образом, под электронным государством необходимо понимать форму организации деятельности органов государственной власти в виртуальном пространстве, обеспечивающую за счет широкого использования информационно-коммуникационных технологий оптимизацию государственного управления, усиление открытости государства и реализацию конституционных прав и свобод граждан. Одной из основных особенностей электронного государства является виртуализация (дублирование) объектов реальности, то есть перенесение их аналогов в электронную форму (например, подача деклараций, исковых заявлений, уплата штрафов и т. п. в электронной форме) [8; 10].

Электронное государство состоит из электронного правительства, электронного парламента и электронного правосудия. Последнее непосредственно и является предметом данного исследования.

В первую очередь, следует отметить, что необходимо разграничивать понятия «электронное правосудие» и «информатизация судов». Информатизация судов предполагает, что суды используют в своей деятельности компьютеры и иную технику в качестве подсобного средства, но не как процессуальное средство. Несмотря на то что информатизация судов в России идет полным ходом, единой сети для всех судов пока нет. Тем не менее само по себе объединение судов в единую компьютерную сеть – это еще не электронное правосудие. Публикация всех судебных решений в Интернете, появление веб-сайтов судов – тоже не электронное правосудие [9; 2].

Нередко в юридической прессе все информационные новшества, касающиеся, например, способов общения лиц, участвующих в деле, с судом, обеспечения информацией о движении дел через сайт соответствующего суда, размещения судебных актов в сети Интернет и прочее, объединяют под одним термином – «электронное правосудие» [10; 131], что также нельзя считать четким определением рассматриваемого явления.

Стоит также обратить внимание на принципиальное отличие электронного правосудия от электронного государства, которое заключается в ориентации на целевую аудиторию: если система электронного государства задумана для увеличения открытости государственной бюрократической системы в целом и предназначена для использования всеми гражданами и организациями страны, то электронное правосудие рассчитано на участников процесса и юристов-профессионалов, обладающих необходимыми правовыми и техническими знаниями. Учитывая целевой и профессиональный характер аудитории, К. Л. Брановицкий, анализируя опыт электронного правосудия в ФРГ, делает вывод, что для успешного внедрения элементов электронного правосудия не имеет смысла излишне концентрироваться на комплексном реформировании собственно судов (например, на создании организационных условий применения современных информационных технологий в судопроизводстве, структурных изменениях судов и т. п.) [1; 64].

К настоящему времени в отечественной литературе закрепилось определение ***электронного правосудия*** как способа осуществления правосудия, основанного на использовании информа-

ционных технологий в процессе производства процессуальных действий [7; 45].

Электронное правосудие – явление новое и сложное в содержательном плане. Поэтому далее представляется целесообразным привести более глубокий анализ данного понятия, который был сделан С. В. Романенковой, согласно которому необходимо различать понятия «электронное правосудие» в широком и узком смыслах [6; 26]. В широком смысле под электронным правосудием можно понимать совокупность различных автоматизированных информационных систем – сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения электронного дела и доступа сторон к материалам электронного дела. Вышеуказанные средства позволяют вывести на совершенно иной качественный уровень взаимодействие суда, участников процесса и иных заинтересованных лиц. В то же время все эти сервисы носят прикладной, вспомогательный характер, не изменяя способов ведения судебного процесса. В узком смысле электронное правосудие – это возможность суда и иных участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса (например, такие действия, как подача в суд документов в электронной форме или участие в судебном заседании посредством системы видеоконференцсвязи).

С. В. Романенкова устанавливает между электронным правосудием в широком и узком смыслах диалектическую взаимосвязь. По ее мнению, опыт зарубежных стран показывает, что информатизация судов приводит в конечном счете к внедрению элементов электронного правосудия в правоприменительную практику государства, при этом ссылаясь на Лорда Вулфа, который еще в 1996 году писал в своем докладе «Access to justice» («Доступ к правосудию»), что «информационные технологии будут не только помогать оптимизации и улучшению существующих систем и процесса; вероятно, со временем они сами станут катализатором для радикальных изменений... Информационные технологии в ближайшем будущем станут основой судебной системы и по этой причине уже сейчас заслуживают особого внимания на самом высоком уровне» (цит. по: [5; 75]).

Э. П. Доржиев считает, что целью проекта «Электронное правосудие» является не только оснащение всех арбитражных судов компьютеризированными рабочими местами, подключенными к сети Интернет, но и возможность совершения некоторых процессуальных действий с помощью специально разработанных информационных ресурсов [3; 15].

Следует заметить, что толкование понятия электронного правосудия в двух смыслах (узком и широком) присуще не только отечественной юридической науке. Именно такой вывод можно сделать из анализа определений электронного правосудия, приводимых в зарубежной литературе и изученных отечественными специалистами. Так, Е. В. Булгакова в своей работе приводит определение электронного правосудия, содержащегося в рекомендациях Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 (Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации: http://cikrf.ru/international/recommend.doc) государствам – участникам Совета Европы по электронной демократии, принятых Комитетом министров 18 февраля 2009 года на 1049-м собрании заместителей министров, согласно которому под электронным правосудием понимается использование информационно-коммуникационных технологий в реализации правосудия всеми заинтересованными сторонами в юридической сфере с целью повышения эффективности и качества государственных служб, в частности, для частных лиц и предприятий. Оно включает в себя электронное общение и обмен данными, а также доступ к информации судебного характера [2; 17]. Данное определение по смыслу схоже с отечественным пониманием электронного правосудия в широком смысле.

С другой стороны, В. А. Пономаренко, применяя метод сравнительного правоведения, посредством анализа современного иностранного законодательства и ознакомления с последними результатами его теоретических исследований приходит к следующему единственно возможному выводу: под электронным правосудием (electronic court, electronic justice) за рубежом понимается такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства [4; 26].

Таким образом, можно сделать вывод о следующем различии в подходах к пониманию сущности электронного правосудия в узком смысле у нас в стране и за рубежом: отечественное толкование в отличие от зарубежного не подчеркивает обязательность выражения в электронной форме *всех* процессуальных действий, а говорит о подобной возможности только для тех процессуальных действий, для которых имеется соответствующая нормативно-правовая база. Несмотря на то, что сейчас кажется, что для всех процессуальных действий, предусмотренных отечественным законодательством, невозможно подобрать соответствующую электронную форму их выражения, тем не менее, для того чтобы говорить о подлинно электронном правосудии, следует стремиться именно к такому пониманию электронного правосудия, как это сейчас делается за рубежом.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брановицкий К. Л. Опыт электронного правосудия в ФРГ: достижения и проблемы // Закон. 2011. № 2. С. 57–65.
2. Булгакова Е. В. Электронное правосудие // Российский судья. 2013. № 7. С. 14–17.
3. Доржиев Э. П. Применение информационно-коммуникационных технологий в работе помощника судьи арбитражного суда // Администратор суда. 2013. № 3. С. 15–18.
4. Пономаренко В. А. Новое упрощенное производство: эра электронного правосудия наступила? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 25–30.
5. Решетняк В. И. Электронное правосудие в гражданском процессе Сингапура // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 75–80.
6. Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.
7. Телешина Н. Н. Реализация электронного правосудия в России (на примере Арбитражного суда Владимирской области) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 44–57.
8. Федосеева Н. Н., Чайковская М. А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 6–10.
9. Федосеева Н. Н., Чайковская М. А. Электронное правосудие в России и в мире // Администратор суда. 2011. № 3. С. 2–5.
10. Черных И. И. Размышления об «электронном правосудии» // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства: Материалы междунар. научно-практ. конф. М.: РАП, 2012. С. 130–137.

Sidorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DIFFERENCES IN UNDERSTANDING OF THE E-JUSTICE ESSENCE IN RUSSIA AND ABROAD

The article is concerned with the study of the advanced legal phenomenon, which is new for both our country and the world legal community as a whole. In modern legal science and contemporary literature this phenomenon is called “e-justice”. The analysis of publications issued by legal experts, both theorists and practitioners, was conducted by the author. The research was carried out to identify a number of approaches facilitative in the understanding of the e-justice essence. As a result, two main approaches to the definition of the legal phenomenon in focus were revealed: an approach based on the simple enumeration of elements composing the phenomenon and the definition of e-justice as a method of justice realization based on the use of information technologies. At the same time, the author indicates that the last definition does not clarify whether the use of information technologies is applicable in the production of all or only some legal proceedings. Moreover, the majority of domestic authors, revealing the essence of e-justice, do not impose an obligation to express all procedural actions in an electronic form. They recognize such opportunity only for legal proceedings under statutory conditions. Considering deep foreign experience in information technologies’ employment in judicial practice, the author concludes that it is essential to adopt such understanding of e-justice, which implies the of use of information technologies in the production of all legal proceedings.

Key words: e-justice, information law, government services, e-government

REFERENCES

1. Branovitskiy K. L. Experience of e-justice in Germany: achievements and problems [Opyt elektronnogo pravosudiya v FRG: dostizheniya i problemy]. *Zakon*. 2011. № 2. P. 57–65.
2. Bulgakova E. V. E-justice [Elektronnoe pravosudie]. *Rossiyskiy sud’ya.* 2013. № 7. P. 14–17.
3. Dorzhiev E. P. The use of ICT in the work of the judge’s assistant of arbitration court [Primenenie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v rabote pomoshchnika sud’i arbitrazhnogo suda]. *Administrator suda*. 2013. № 3. P. 15–18.
4. Ponomarenko V. A. New simplified legal proceedings: has the era of e-justice come? [Novoe uproshchennoe proizvodstvo: era elektronnogo pravosudiya nastupila?]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 2013. № 3. P. 25–30.
5. Reshetnyak V. I. E-justice in civil proceedings in Singapore [Elektronnoe pravosudie v grazhdanskom protsesse Singapura]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal.* 2012. № 2. P. 75–80.
6. Romanenkova S. V. The concept of e-justice, its genesis and implementation of the law enforcement practice of foreign countries [Ponyatie elektronnogo pravosudiya, ego genezis i vnedrenie v pravoprimenitel’nuyu praktiku zarubezhnykh stran]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 2013. № 4. P. 26–31.
7. Teleshina N. N. Implementation of e-justice in Russia (for example, the Arbitration Court of the Vladimir region) [Realizatsiya elektronnogo pravosudiya v Rossii (na primere Arbitrazhnogo suda Vladimirskoy oblasti)]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 2014. № 6. P. 44–57.
8. Fedoseeva N. N., Chaykovskaya M. A. Definition and essence of the concept of e-government [Ponyatie i sushchnost’ kontseptsii elektronnogo gosudarstva]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2011. № 11. P. 6–10.
9. Fedoseeva N. N., Chaykovskaya M. A. E-justice in Russia and in the world [Elektronnoe pravosudie v Rossii i v mire]. *Administrator suda*. 2011. № 3. P. 2–5.
10. Chernykh I. I. Reflections on “e-justice” [Razmyshleniya ob “elektronnom pravosudii”]. *Sudebnaya reforma i problemy razvitiya grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessual’nogo zakonodatel’stva: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, RAP Publ., 2012. P. 130–137.

Поступила в редакцию 05.05.2015

Август, № 5 **Юридические науки** **2015**

УДК 347,9

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА СУХАНОВА
заместитель начальника учебно-методического отдела УФССП РФ по РК, старший преподаватель Северного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Петрозаводске, аспирант юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
suhanova-tatyana@mail.ru

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Особое внимание государственной власти должно быть обращено на создание надлежащей правовой базы и эффективного механизма органов исполнительной власти. Данная статья посвящена мониторингу правоприменения в системе органов исполнительной власти на примере Федеральной службы судебных приставов. Вопросы принудительного исполнения являются весьма актуальными во все времена, поскольку система принудительного исполнения судебных решений и актов других органов нуждается в совершенствовании. Развивая законодательство об исполнительном производстве, совершенствуя меры принудительного исполнения и ужесточая ответственность за невыполнение должниками требований судебных и иных актов, нужно не забывать о повышении эффективности правоприменительной практики и устранении пробелов законодательства. Мониторинг правоприменительной практики как новое правовое явление имеет очень важное значение и высокую востребованность. Мониторинг правоприменения органами исполнительной власти способствует совершенствованию правовой системы Российской Федерации, изменению подходов к законотворческому процессу, установлению единого правового механизма, позволяющего реализовывать предложения в законотворческой деятельности.

Ключевые слова: мониторинг правоприменения, исполнительное производство, системы принудительного исполнения

Необходимость исследования и анализа правоприменения действующего законодательства привела к внедрению института мониторинга правоприменения на всероссийском, общегосударственном уровне. Правовые основы мониторинга правоприменения в Российской Федерации и организации системы мониторинга были сформированы в 2011 году. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» основной целью осуществления мониторинга является совершенствование правовой системы Российской Федерации. Осуществление мониторинга правоприменения возложено на федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Мониторинг правоприменения проводится в соответствии с ежегодным планом, утвержденным Правительством Российской Федерации, а также вне плана по собственной инициативе, а результаты мониторинга направляются в Министерство юстиции Российской Федерации. Особое внимание государственной власти должно быть обращено на создание надлежащей правовой базы и эффективного механизма органов исполнительной власти [3; 5].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» мониторинг предусматривает комплексную и плановую деятельность, осуществляемую федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены):

а) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации – в целях выполнения решений Конституционного суда Российской Федерации и постановлений Европейского суда по правам человека;

б) нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов – в случаях, предусмотренных федеральными законами;

в) нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов – в случаях, предусмотренных актами Президента Российской Федерации;

© Суханова Т. П., 2015

г) нормативных правовых актов Российской Федерации – в случаях, предусмотренных ежегодными посланиями Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, иными программными документами, поручениями Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на соответствующий период и программами социально-экономического развития государства;

д) нормативных правовых актов Российской Федерации – в целях реализации антикоррупционной политики и устранения коррупциогенных факторов;

е) нормативных правовых актов Российской Федерации – в целях устранения противоречий между нормативными правовыми актами равной юридической силы[1].

Данному виду деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации придан общегосударственный масштаб и системный характер, определен широкий круг субъектов, которые могут принимать участие в проведении мониторинга. На Минюст России возложены функции по координации и методическому обеспечению деятельности по мониторингу правоприменения. В связи с этим в адрес федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации направляются методические письма об организации деятельности по мониторингу правоприменения, предлагается представлять результаты мониторинга правоприменения, осуществленного в инициативном порядке. Кроме того, направляется методика мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции.

Исходя из основных признаков правоприменительной деятельности основными субъектами, осуществляющими мониторинг, будут органы государственной власти, органы местного самоуправления. Кроме того, имеет смысл в качестве субъектов мониторинга привлекать иные органы или организации, которым органами государственной власти может быть придан статус уполномоченных специализированных экспертных организаций.

Мониторинг правоприменения должен быть направлен, в первую очередь, на изучение социальных потребностей в законе и отражение объективной информации о законодательстве и правоприменительной практике, которые будут представлены Президенту Российской Федерации для последующего оперативного устранения недостатков в законодательстве Российской Федерации либо в правоприменении. Для того чтобы объективно оценивать правоприменительную практику, к деятельности по мониторингу правоприменения целесообразно привлекать как можно более широкий круг профессиональных юристов, представителей научной школы, правозащитных и общественных организаций, бизнес-сообщества, средств массовой информации. Только при комплексном изучении оценки общественного мнения, противопоставлении полярных позиций федеральных органов исполнительной власти и профессиональных юристов и представителей иных структур гражданского общества возможно получить объективную информацию о правоприменении закона или группы нормативных правовых актов, регламентирующих определенную сферу правоотношений. Результатом должны быть компетентные квалифицированные доклады федеральных органов исполнительной власти о ситуации правоприменения в определенной сфере, выводы которых могут быть включены в проект доклада Президенту Российской Федерации. Важно при формировании ежегодного доклада Президенту Российской Федерации и плана мониторинга на последующий год использовать результаты исследований правоприменительной практики, полученные различными методами. Это могут быть итоги социологических опросов, научно-практических исследований, контент-анализа тематических материалов СМИ, работы привлеченных специалистов-экспертов, в том числе на условиях аутсорсинга.

Учитывая вышеизложенное и в целях обеспечения единых подходов к деятельности по проведению мониторинга и для оптимизации работы по сбору, обобщению и анализу информации, необходимо, чтобы процесс мониторинга правоприменения был организован путем издания внутреннего распорядительного акта, в котором определяются структурные подразделения и лица, ответственные за проведение мониторинга, конкретные сроки проведения мониторинга правоприменения, круг лиц и организаций, привлекаемых к процессу мониторинга правоприменения.

Осуществление мониторинга правоприменения Федеральной службой судебных приставов и ее территориальных органов предусмотрено приказом ФССП России от 04.12.2012 № 570 «Об организации мониторинга правоприменения в Федеральной службе судебных приставов». В соответствии с данным приказом территориальные органы ФССП России по итогам полугодия направляют предложения по внесению изменений в законодательство РФ, регламентирующее исполнительное право, с указанием на неоднозначность правоприменительной практики и пробелы законодательства.

Совершенствование законодательства об исполнительном производстве является одним из главных направлений деятельности федеральных органов исполнительной власти [1; 23]. По

результатам проведения мониторинга могут быть сделаны выводы о необходимости внесения изменений в законодательство Российской Федерации, корректировки правоприменительной практики. В случае выявления недостатков в правоприменительной практике целесообразно ставить вопрос о подготовке разъяснений правоприменительным органам о применении законодательства в определенной сфере. Кроме того, установление данных фактов может свидетельствовать о необходимости подготовки разъяснений судебными органами по вопросам судебной практики.

Исполнительное производство представляет собой установленный законом порядок принудительной реализации судебных актов и актов иных органов, имеющий своей целью обеспечение реальной защиты нарушенных или оспоренных субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов. В исполнительном производстве субъективное материальное право или охраняемый законом интерес, которые были нарушены или оспорены, получают свое восстановление посредством использования механизмов государственного принуждения, установленного законом [2; 5].

Хотелось бы обратить внимание на некоторые нормы Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (далее – Закон) ввиду их неоднозначной правоприменительной практики и различного толкования формулировок, а также затронуть тему пробелов законодательства.

1. Часть 4 ст. 123 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) закрепляет, что лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом, в том числе, если:

1) адресат отказался от получения копии судебного акта, и этот отказ зафиксирован организацией почтовой связи или арбитражным судом;

2) несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд;

3) копия судебного акта не вручена в связи с отсутствием адресата по указанному адресу, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд с указанием источника данной информации;

4) судебное извещение вручено уполномоченному лицу филиала или представительства юридического лица;

5) судебное извещение вручено представителю лица, участвующего в деле.

Однако Закон не содержал норм, позволяющих считать надлежащим образом уведомленным должника в подобных случаях, что, в свою очередь, без такого вручения в вышеупомянутых ситуациях, затрудняло последующее применение исполнительных действий и мер принудительного исполнения.

Ранее УФССП России по Республике Карелия в рамках мониторинга правоприменения направлялось предложение о дополнении Главы 4 Закона статьей, подобной норме АПК РФ, в целях урегулирования порядка признания должника извещенным надлежащим образом. 28.12.2014 в ст. 29 Главы 4 были внесены изменения, в соответствии с которыми лица, участвующие в исполнительном производстве, считаются извещенными, если:

1) адресат отказался от получения повестки, иного извещения;

2) несмотря на получение почтового извещения, адресат не явился за повесткой, иным извещением, направленными по его адресу;

3) повестка, иное извещение направлены по последнему известному месту жительства лица, участвующего в исполнительном производстве, или по адресу, сообщенному им в письменной форме судебному приставу-исполнителю для уведомления данного лица (в том числе по адресу электронной почты), или повестка, иное извещение направлены иным способом, указанным таким лицом, однако лицо направленные повестку, иное извещение не получило.

Но по-прежнему в Законе отсутствует термин «извещение надлежащим образом». Встает вопрос: изменится ли правоприменительная практика и будет ли данная измененная норма права отвечать требованиям о надлежащем извещении?

2. Также хотелось обратить внимание на пункт 1 ст. 36 Закона, который предусматривает, что содержащиеся в исполнительном документе требования должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем в двухмесячный срок со дня возбуждения исполнительного производства, за исключением некоторых требований. Данный срок не является пресекательным, а в большей степени служит основанием для признания действий судебного пристава-исполнителя незаконными ввиду несоблюдения вышеуказанного срока и нарушения принципа своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. Также следует отметить, что в отведенный срок судебному приставу-исполнителю зачастую не удается в полной мере установить имущественное положение должника, обратить взыскание на имущество должника или предпринять иные необходимые меры для фактического исполнения исполнительного документа. На наш взгляд, следует либо упразднить вышеуказанную норму Закона, либо увеличить срок, сделав его достаточным для выявления имущества должника и обращения на него взыскания.

3. Согласно п. 2 ст. 127 ГПК РФ в судебном приказе о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей указываются дата и место рождения должника, место его работы. Однако требование по указанию даты и места рождения не распространяется на иные судебные приказы. Неуказание данных реквизитов в судебных приказах приводит к необходимости идентификации должников, пропуску сроков принудительного исполнения, а зачастую и к невозможности принудительного исполнения данных исполнительных документов. Реквизиты даты и места рождения обязательны для установления имущественного положения должника. Предлагаем внести изменение в п. 1 ст. 127 ГПК РФ, дополнив к перечню реквизитов дату и место рождения должника.

Вышеуказанные нормы права можно расценивать как несовершенные нормы права, нуждающиеся в преобразовании с учетом правоприменительной практики и эффективности правоприменения. Мониторинг правоприменительной практики способствует совершенствованию правовой системы Российской Федерации, изменению подходов к законотворческому процессу, установлению единого правового механизма, позволяющего реализовывать предложения в законотворческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Принудительное исполнение судебных решений и актов других органов в отношении юридических лиц (Проблемные аспекты): Сб. материалов научно-практ. конф. г. Воронеж, 4–8 июня 2012 г. / Отв. ред. А. О. Парфенчиков и Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2013. 352 с.
2. Треушников М. К. Гражданский процесс: Учебник. М.: Городец, 2007. 672 с.
3. Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов иных органов: Сб. материалов научно-практ. конф. г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8–11 июня 2011 г. / Отв. ред. А. О. Парфенчиков и Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2011. 430 с.

Sukhanova T. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PROCEEDINGS EXERCISED BY EXECUTIVE AUTHORITIES (CASE STUDY OF THE RUSSIAN FEDERAL AGENCY OF COURT BAILIFFS)

The state government should pay special attention to the development of proper legal foundation and effective mechanisms assisting executive authorities in their proceedings. The article is devoted to the analysis of law enforcement practice exercised by the executive authorities. The experience of the Federal Service of court bailiffs of Russia was studied. The problem of compulsory law enforcement is very important at all times; therefore, the system of compulsory enforcement of court judgments and acts of other official authorities needs to be improved. While developing legislation of executive enforcement, improving the system of executive enforcement measures, and increasing accountability for the non-enforcement of courts' decisions, it's necessary to continue development of the law enforcement effectiveness and to eliminate legislation gaps. Analysis of the law enforcement practice exercised by the executive authorities is instrumental in the improvement of the legal system existing in the Russian Federation. It will also help to establish a unified legal mechanism facilitative in realization of new competent proposals on legislation improvement.

Key words: analysis of enforcement, enforcement, enforcement organization

REFERENCES

1. *Prinuditel'noe ispolnenie sudebnykh resheniy i aktov drugikh organov v otnoshenii yuridicheskikh lits (problemnye aspekty): Sbornik materialov Mezdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Voronezh, 4–8 iyunya 2012 g.* [Enforcement of court judgments and acts of other official authorities against the legal persons (problematic aspects): Publications of the International scientific conference] / Editors – in-chief A. O. Parfynchikov and D. Kh. Valeev. Moscow, Statut Publ., 2013. 352 p.
2. Treushnikov M. K. *Grazhdanskiy protsess* [Civil proceedings]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 672 p.
3. *Effektivnost' prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh resheniy i aktov inykh organov: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kazan', Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet, 8–11 iyunya 2011 g.* [Efficiency of enforcement proceedings of court judgments and acts of other official authorities: Publications of the International scientific conference, Kazan, Kazan (Volga region) Federal University. June 8–11 2011] / Editors in-chief A. O. Parfionchikov and D. Kh. Valeev. Moscow, Statut Publ., 2011. 430 p.

Поступила в редакцию 10.06.2015

Август, № 5 **Дискуссии** **2015**

УДК 930.1

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Петрозаводске (Петрозаводск, Российская Федерация)
pivoev@mail.ru

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКОЙ?

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи[1], на первый взгляд любому историку покажется странным, потому что существует стереотипное представление о том, что поскольку история изучает человеческое общество в развитии, то, разумеется, она должна называться гуманитарной наукой. Однако латинское слово humanitas использовалось в двух значениях – *гуманный* (человечное отношение к человеку) и *гуманитарный* (имеющий объектом человеческий дух, выраженный в слове). Первое значение имеет моральный смысл и нас сейчас не интересует, а вот со вторым нужно разобраться. Книга британского историка науки Р. Смита «История гуманитарных наук» [11] рассматривает историю представлений о человеческой природе в европейской науке. Здесь термин «гуманитарный» используется не вполне корректно, правильнее бы следовало перевести название как «история изучения человеческой природы». С другой стороны, Фернан Бродель в «Грамматике цивилизаций» неявно относит историю именно к социальным наукам [2]. Однако российские историки думают иначе: «…История должна быть наукой *антропоцентричной*» [4; 6]. Неявное смешение социальных и гуманитарных наук содержится в содержательной книге В. М. Розина «Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке» [10]. В коллективной монографии под редакцией И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, посвященной проблеме «классики», статьи поделены на разделы: социальные науки, гуманитарные и искусствознание. В первом разделе статьи о классике в социологии, экономике, политологии и психологии. Во втором разделе – история, филология и лингвистика, философия. В третьем – искусство и культура. Таким образом, история отнесена к разделу гуманитарных наук [5; 294–331]. Вместе с тем начинается различение классов наук в соответствии с вычленением разных подходов и точек зрения на объект и предмет научного изучения. Например, «для технических наук ведущим стимулом выступает производство, для естественных – базовые потребности человека, для общественных – социальные проблемы, для гуманитарных – познание человека» [8; 4].

Начало различения естественных (наук о природе) и социальных (наук о духе) наук принадлежит В. Дильтею и М. Веберу, затем их идеи развил Г. Риккерт. Они полагали, что социальные науки являются идеографическими, им свойственны индивидуализирующая концептуализация и поиск единичных утвердительных суждений, в то время как естественные науки являются номотетическими, для них характерны обобщающая концептуализация и поиск всеобщих достоверных суждений. Естествоиспытатели имеют дело с постоянными отношениями, которые могут быть формализованы, величина их может быть измерена, могут проводить эксперименты, в то время как ни измерение, ни эксперимент (хотя иногда и пытаются их использовать) не обеспечивают столь же надежную фактическую основу для социальных наук. Словом, сторонники этой школы утверждают, что естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, социальные же науки – с психологическими и интеллектуальными и что, следовательно, методом первых является объяснение, вторых – понимание.

Как утверждал А. Шопенгауэр, «история – это знание, а не наука» [13; Т. 1, 68]. Здесь имеется в виду представление о науке и научности, выработанное в рамках естествознания. «Только одна *история* не имеет права вступить в… ряд наук, ибо она не может похвалиться теми же достоинствами, что другие: в ней отсутствует основной признак науки – субординация познанных фактов; вместо этого она предлагает их простую координацию. Поэтому не существует никакой системы истории, хотя и есть системы всех других наук. Она представляет собою знание, а не науку. Ибо она нигде не познает частного посредством общего, но должна брать частное непосредственно как таковое и, следовательно, словно бы ползти вперед на почве опыта, между тем как действительные науки над этой почвой поднимаются, ибо они вырабатывают себе такие всеобъемлющие понятия, посредством которых овладевают частностями и по крайней мере в известных границах угадывают возможные в данной области явления, так что они могут быть спокойны и по

© Пивоев В. М., 2015

отношению к тому, что еще может когда-нибудь возникнуть в этой сфере. Науки, будучи системами понятий, всегда говорят о родах вещей, история же – об индивидуальных фактах. Ее можно было бы назвать наукой об индивидах, но ведь это – противоречивое сочетание слов. Из родового характера наук вытекает еще и то, что все они говорят о том, что существует всегда, история же повествует о том, что свершается только однажды и затем исчезает» [13; Т. 2, 368].

Легко догадаться, что здесь сыграло свою роль мнение Аристотеля, который в трактате «Поэтика» писал: «...задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. ...Один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, а история – о единичном. Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то [характеру] подобает говорить или делать...» [1; 655]. Нужно отметить далее справедливое утверждение А. Шопенгауэра, что историку не интересен отдельный человек, но важно через него понять дух общества, народа, социальные проблемы. Сущность искусства, по его словам, схожа с историей в том, что искусству «один случай заменяет тысячи, так как при своем заботливом и подробном изображении индивидов оно всегда имеет в виду лишь раскрытие *идеи* всего рода; так, событие, сцена из человеческой жизни, рассказанные верно и полно, т. е. с точным изображением участвующих индивидов, дают возможность глубоко заглянуть с какой-нибудь стороны в идею самого человечества» [13; Т. 5, 325].

Ф. Ницше, размышляя «о пользе и вреде истории для жизни», замечает, что в отличие от животного, которое живет всегда только настоящим, человек отягощен прошлым опытом, памятью, он не способен забывать. Прошлое своими цепями сковывает человека, ограничивает его свободу, поэтому, находясь в настоящем времени, он живет прошлым [7; 88–89]. Иначе, чем на Западе, относятся к истории на Востоке, где время полагается движущимся по кругу, производящим «вечное возвращение». Такое представление не чуждо Ницше. Ибо есть «исторические» люди, которые «оглядываются назад только затем, чтобы путем изучения предшествующих стадий процесса понять настоящее и научиться энергичнее желать будущего» [7; 95]. Еще Полибий замечал, что политическая история может быть великолепным учебником для политических руководителей, но на самом деле история не может повторяться в точности так, как это было в прошлом. По словам Ф. Ницше, «в азартной борьбе будущего и случая никогда не выпадет до конца одинаковая комбинация» [7; 101]. Поэтому не стоит преувеличивать подготовленность человека, знающего историю, к будущим событиям.

И все же пользу от истории Ницше не отрицал: «История трояким образом служит живущему: как существу деятельному и стремящемуся, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать *монументальный*, *антикварный* и *критический* род истории» [7; 97]. Поясняя свои мысли, он писал: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквара, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какою бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, то есть судящей и осуждающей, истории» [7; 103–104].

Французский социолог П. Бурдье в наши дни задает вопрос: имеют ли право социология и история называться науками: «С тех пор, как существуют социальные науки, они уже не раз становились предметом методологического сомнения, а некоторые философы даже сделались глашатаями их априорной ненаучности в силу аргумента, неустанно повторяемого во всех курсах философии, – будь то во Франции или в Гарварде, – согласно которому ученый, погруженный в изучаемую им реальность, принципиально не может иметь “объективного” воззрения на свой предмет. В канонической форме мы встречаем такого рода критику у Раймона Арона, но ее постоянно воспроизводят множество других аналитиков, которые уверены, что тем самым раз и навсегда покончили с претензией социальных наук на научность. Действительно, социолог находится В обществе, а историк – В истории» [3]. Такая точка зрения, как мы уже знаем, обусловлена господствующим представлением о научности, сложившимся в естествознании. Но если учесть, что существуют четыре класса наук: естественные, технические, социальные и гуманитарные, – и в каждом из них вырабатываются своя методология и критерии научности, то легко показать, что претензии естествоиспытателей для узурпирования прав на научность не вполне обоснованны.

Так, современные ученые высказывают справедливые сомнения в возможности обнаружения истины в истории (как и в других социальных науках), поэтому возможно говорить лишь о достоверности, оговаривая ее критерии в каждом случае. По язвительному замечанию А. Шопенгауэра, «муза истории Клио так же насквозь заражена ложью, как уличная проститутка – сифилисом» [13; Т. 5, 347]. Это сегодня можно в немалой степени отнести к украинским и польским историкам, которые по заказу политиче-

ского руководства переписывают и искажают историю своей страны и отношений украинского и польского народа с Россией. «Многие люди приучены к ненарушимой честности в каком-либо *одном* отношении и в то же время не могут похвастаться этим во всех остальных. Так, иной не станет красть денег, но ворует все непосредственно съедобное. Иной купец обманывает безо всякой щепетильности, но красть он не стал бы ни под каким видом» [13; Т. 5, 346].

Как заметил еще В. Дильтей, естественнонаучное познание стремится все новое соотнести с уже известным и на этой основе *объяснить* данное новое и обнаружить причины, чтобы впоследствии пытаться прогнозировать возможные последствия от человеческих действий. Науки о духе действуют иначе: они пытаются все новое соотнести с потребностями человека и *понять,* какие потребности можно с помощью этого нового удовлетворить. Поскольку речь идет о потребностях человека, то и возникла традиция такие науки называть *гуманитарными.* Однако потребности можно разделить на два больших класса: общие социальные и индивидуальные. Поэтому возникает необходимость различать науки, которые занимаются общественными потребностями, и называть их социальными, и науки, которые занимаются потребностями человека-индивида, – гуманитарными (в узком смысле слова).

История как наука не интересуется потребностями отдельного человека, разве что этот человек и его потребности являются типичным, характерным выражением той исторической эпохи, в которой он жил. История, как и социология, изучает то, что является одинаковым в разных людях. Их неповторимое разнообразие отбрасывается. Подобный подход усвоен от естествознания. Так, современная медицина, будучи, главным образом, воспитана в духе естественнонаучных подходов, полагает всех пациентов одинаковыми «биороботами», поэтому и пытается лечить их соответственно так называемым «протоколам», разработанным в медицинских институтах биохимическим программам, отходить от которых врачу не дозволяется. Главное для врача – на основе биохимического анализа крови и других объективных данных правильно установить диагноз болезни и лечить ее так, как предусмотрено утвержденным «протоколом».

И второе исключение – историк проявляет интерес к выдающейся личности, которая оказала на свою эпоху в силу сложившихся удачных обстоятельств особенно большое влияние.

В основе исторической науки лежит представление о том, что социальная реальность имеет темпоральный характер. Это связано с привычкой «левополушарного» рационального сознания членить события на отдельные эпизоды, которые рассматриваются по очереди, выявляя следующие характеристики:

- Континуальность и дискретность;
- Равномерность и неравномерность;
- Линейность и цикличность;
- Плотность и пустоту;
- Обратимость и необратимость.

Существуют попытки объяснить социальное поведение на основе примитивных представлений о «дрессированности» человека. Такова теория социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау, которая явно связана с бихевиоризмом Б. Ф. Скиннера:

- чем чаще поступок вознаграждается, тем чаще он повторяется;
- если в прошлом происходило вознаграждение в некой ситуации, люди хотят воссоздать эту ситуацию;
- если вознаграждение велико, люди готовы на большие жертвы для его получения;
- если потребности человека почти полностью удовлетворены, люди меньше готовы тратить дополнительные усилия для их удовлетворения (то есть материальные стимулы для повышения производительности труда имеют свои пределы) [12].

В социальных науках можно использовать методологию герменевтики: ее основатель Ф. Шлейермахер считал, что понять исторический текст – значит проникнуть в духовный мир творца этого текста и повторить его творческий акт. Для его последователя В. Дильтея понимание было специфическим методом общественных наук, методом психологической реконструкции духовного мира человека прошлого и переноса его в настоящее.

Методология исторического знания основывается на следующих подходах:

- Поиск исторических условий и причин;
- Изучение и описание исторических условий и событий;
- Объяснение условий, причин и закономерностей;
- Ретроальтернативистика [6].

Однако изучение причин не может быть главной целью историка, поскольку причинные связи очевидны и проявляются достаточно четко лишь в материальном мире. Но поскольку историк изучает не столько материальную историю (природный мир в его эволюции), сколько сферу социальную (отношения людей во времени), то гораздо важнее изучение потребностей, мотивов, обычаев, традиций, моральных и правовых устоев, мифологических основ и религиозных верований, идейных установок и убеждений, характера патриотизма, менталитета и духа народа.

Историческое знание должно отвечать принципам: объективности, разумности, целесообразности, многосторонности, целостности (обнаружения общего в различном и различного в общем). Объективность исторического исследования заключается в том, что, во-первых,

историк, устанавливающий хронологию событий прошлого, всегда стремится выявить и сопоставить множество независимых исторических свидетельств, выступающих для него в функции данных наблюдения. Во-вторых, для установления факта необходимо истолкование выявляемого в наблюдениях инвариантного содержания. В процессе такого истолкования широко используются ранее полученные знания. При этом историк применяет в некоторой степени типичный для естествоиспытателя метод – соотносит неизвестное с уже известным. При этом, конечно, достичь полной объективности никогда не удается, система ценностных установок историка обязательно вносит свои коррективы и искажения.

Немецкий философ истории Кеселек показал в своей книге «Будущее прошлое», что прошлое имеет будущее – его новое понимание, отличающееся от существующих в настоящем представлений о нем. Структура повествования во времени основывается на отношении ожидания будущего, с одной стороны, и обращения к наследию прошлого – с другой. Это напряженное соотношение между упованиями на будущее, возможно утопическими, и опорой на наследие прошлого, возможно отягощенной консерватизмом, и будет характеризовать настоящую эпоху. Можно сказать, что дух новизны заключается в переоценке грядущего будущего с позиции достижений прошлого. Молодое поколение живет в будущем времени, старшее поколение живет в прошлом, а кто живет в настоящем?

В процессе восприятия каких-либо сообщений каждый слушатель не вполне осознанно производит верификацию воспринятой информации, оценку ее достоверности, соотнося ее с имеющимся в его памяти багажом знаний. Если она не противоречит тому, что он знает, то информация воспринимается с доверием, признается достоверным знанием. Если же нет, он относится к ней без доверия. Если он не может вынести о ней никакого суждения, то степень достоверности ее он оценивает в процентах 50 на 50 (или «да», или «нет»). Если же из другого источника поступает сообщение, подтверждающее достоверность первого, то степень доверия к нему может увеличиваться до 60 % и выше, пока не дойдет до 100 %, после чего он считает первое сообщение вполне заслуживающим доверия, то есть достоверным знанием или истиной. В сфере практической, а также в естественных и технических науках можно пользоваться знанием, чья достоверность является не менее 100%-ной, а в гуманитарной сфере вполне можно пользоваться информацией, которая не имеет еще статуса 100%-ной достоверности, разумеется, отдавая себе отчет в ее не полной достоверности, например в ранге мнения или гипотезы. В связи с этим можно говорить, что в социальных и гуманитарных науках категория «истина» не вполне применима, предпочтительнее использовать категорию «достоверность», отдавая себе отчет в степени ее подтверждения реальными фактами.

Отдельного разговора заслуживает вопрос о причинности в социальном и гуманитарном знании. А. Шопенгауэр справедливо говорил о роли причинности в материальном мире, поэтому для естественных и технических наук изучение причин имеет крайне важное значение. Другое дело науки социальные и гуманитарные. Одна и та же причина в разных социальных условиях срабатывает неодинаково. Так, методика «цветных революций» успешно была реализована в Грузии и на Украине, но не дала результатов в России. В основе иллюзий о «дрессированности» человека, возникших на основе опытов с голубями, лежит идея об однозначной, линейной причинности. В социальной и гуманитарной сферах трудно достичь такой однозначности. Здесь действует множество факторов: социально-психологических, духовных, культурных, идеологических, этнических и национальных традиций и т. п. Говорить о причинности в узком смысле слова при этом невозможно, но и даже попытаться построить какую-то схему параллелограмма сил не представляется возможным. Поэтому лучше отказаться от рационально-наглядного метода как такового.

Объектом социальных наук является социальная реальность, энергия действий народных масс, а предметом – общественные отношения. Объектом гуманитарных наук мы считаем духовную реальность, духовную субстанцию и энергию, а предметом – душу и дух человека. Различия четырех классов наук можно наглядно представить в таблице [9; 171].

Таким образом, термин «гуманитарный» в современном русском языке используется в нескольких значениях: 1) как выражение обеспеченности/необеспеченности базовых потребностей человеческого существования в социальной сфере (гуманитарная катастрофа, гуманитарная помощь); 2) для выражения ценностного аспекта в различных социально-экономических сферах (гуманного отношения к человеку); 3) в широком смысле слова гуманитарные науки – это науки, направленные на изучение человеческого общества (на самом деле, это социальные науки); 4) в узком смысле – науки, связанные с изучением субъективной сферы, духовной культуры, сознания, души и духа отдельного индивида.

В социальных и гуманитарных науках однозначные ответы на вопросы не желательны, поскольку выражают односторонний взгляд на предмет. Так, требование создать единый учебник истории России является симптомом господства рационального (по сути, естественнонаучного) методологического подхода в общественном сознании, что также не отвечает методологии этих наук. Поэтому на поставленный вопрос:

Естественные науки	Технические науки	Социальные науки	Гуманитарные науки
Объект – естественная материальная природная реальность (материальная субстанция)	Объект – искусственно переработанная материальная реальность (материальная субстанция)	Объект – социальная реальность (поле социальных отношений, социальная реальность)	Объект – духовная реальность (духовная субстанция)
Объективность	Объективность	Релятивистская объективность	Субъективная объективность
Биохимическая и физическая энергия	Механическая и электрическая энергия	Социальная энергия масс	Духовная энергия
Стремление к математизации знания	Максимальная математизация знания	Минимальные возможности математизации	Проблематичность математизации знания
Однозначный детерминизм	Однозначный детерминизм	Многозначная обусловленность	Ценностный телеологизм
Практика как критерий истины	Практика как критерий истины	Польза как критерий достоверности	Ценность как критерий достоверности

является ли история гуманитарной наукой? – нельзя ответить, не впадая в односторонность, «да» или «нет». С одной стороны, она рассматривает историю человека и человечества, сближаясь с гуманитарной наукой, с другой стороны, для историков важнее не сам человек, а отношения людей, народные массы, социальная реальность, поэтому история как наука в бóльшей степени должна быть отнесена к сфере социальных наук. В процентах это можно выразить так: на 30 процентов она может считаться гуманитарной наукой, а на 70 – социальной. Разумеется, речь не идет о противопоставлении, изолировании социальных и гуманитарных наук, а о правильном понимании их соотношения и осознанном и корректном использовании соответствующей методологии для решения тех или иных задач исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Пока статья готовилась к печати, стало известно о публикации статьи И. М. Савельевой на близкую тему, автор которой рассматривает вопрос с позиций историка и делает схожие выводы. См.: Савельева И. М. Стала ли история социальной наукой? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. М.: ИВИ, 2015. С. 9–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 552 с.
3. Бурдье П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма’97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996. С. 9–29.
4. Евтушенко С. А. Убийство сыновей Владимира Святого: Борис, Глеб, Святослав. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 194 с.
5. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с.
6. Модестов С. А. Бытие несвершившегося. М.: Московский общественный научный фонд: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. 176 с.
7. Ницше Ф. Несвоевременные размышления. Ч. 2. О пользе и вреде истории для жизни // Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Культурная Революция, 2014. Т. 1, ч. 2. С. 83–172.
8. Орлов И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 172 с.
9. Пивоев В. М. Философия и методология науки. 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 321 с.
10. Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
11. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
12. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 82–91.
13. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011.

Поступила в редакцию 14.04.2015

Август, № 5 **Рецензии** **2015**

УДК 338.2

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ШЕВЧЕНКО
кандидат технических наук, доцент кафедры туризма Института физической культуры, спорта и туризма, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kron.sh72@gmail.com

Рец. на кн.: **Кирилина, Валентина Михайловна. Развитие сельского туризма в Республике Карелия на основе трансграничного сетевого взаимодействия / В. М. Кирилина, Н. В. Колесникова, Н. Г. Колесников ; ПетрГУ. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. – 88 с.***

Процессы глобализации экономики сопровождаются формированием социально-экономических условий, в которых сохранение традиционных форм организации труда становится все менее эффективным. К числу отраслей, наиболее чувствительных к данным процессам, относятся сельское и лесное хозяйство как основа экономики сельских поселений Европейского Севера России, и в частности Республики Карелия. Опираясь на анализ известных исследований, авторы монографии отмечают, что несвоевременная адаптация к новым условиям приводит к отрицательным социально-экономическим последствиям. Поэтому актуальны задачи диверсификации региональной экономики, создание и поддержка новых форм занятости населения. Эти задачи актуальны не только для России, но и для Финляндии, где сокращение числа фермерских хозяйств регистрируется с момента вступления в Евросоюз в 1995 году. Таким образом, проблема заключается в развитии альтернативных форм занятости населения в регионе или в отдельных его частях. Один из путей решения данной проблемы авторы рецензируемой монографии видят в развитии туризма в различных его формах, однако внимание фокусируют на трансграничном сотрудничестве. Такой выбор представляется обоснованным, поскольку в наибольшей степени соответствует известным, но недостаточно используемым в настоящее время возможностям трансграничного сетевого взаимодействия в данном виде деятельности. Республика Карелия имеет ряд преимуществ, привлекательных для развития туризма: большой рекреационный потенциал и общую границу с Финляндией. Первоочередной интерес представляет развитие тех видов туризма, которые не требуют больших стартовых инвестиций. Важно отметить, что в Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года сельский туризм признан одним из перспективных направлений развития экономики. Сельский туризм рассматривается в Республике Карелия как одно из направлений роста качества жизни в соответствии с Постановлением Правительства РК от 06.12.2012 № 372-П «О долгосрочной целевой программе “Развитие туризма в Республике Карелия на 2012–2015 годы”». Реализация данной Программы активизировала внимание научной общественности к решению актуальных задач развития сельского туризма в регионе. В настоящее время доля туризма в формировании валового регионального продукта республики составляет примерно 5 % (http://karelinform.ru/?id=20335). Однако сохраняет свою актуальность проблема совершенствования форм и методов трансграничного взаимодействия в приграничных регионах с целью развития туризма. В книге приведено обоснование возможностей создания трансграничной партнерской сети в сельском туризме. Определены иерархия потребностей предпринимателей и этапы формирования трансграничной партнерской сети в сфере туризма. Рассмотрена методика оценки эффективности сетевых объединений в этой отрасли.

Монография представляет своего рода отчет по одному из направлений научной работы кафедры туризма как структурного подразделения Института физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ. Работа является частью продолжающихся исследований по совершенствованию подходов к развитию системы туризма и рекреации в регионе, содержит анализ публикаций известных в данной области специалистов ПетрГУ, Института экономики и Института геологии Карельского научного центра РАН, Института проблем региональной экономики РАН, Балтийской академии туризма и предпринимательства, а также других учреждений науки и образования. Их публикации указаны в списке литературы к монографии, который включает 234 пункта. Как результат анализа приведено обоснование рекомендаций по развитию туризма в Республике Карелия. Материалы исследования были использованы при подготовке магистерской программы «Проектирование в индустрии туризма» в Петрозаводском государственном университете. Результаты рецензируемой работы могут быть использованы при обосновании предложений по развитию туризма в регионе.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса научных мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

Поступила в редакцию 25.06.2015

© Шевченко В. И., 2015

ХРОНИКА

■ 7–8 апреля 2015 года состоялась 17-я международная научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» в Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия).

■ 13–15 апреля 2015 года состоялась Четвертая международная научная конференция «Россия и страны Северной Европы: личность в истории России и стран Северной Европы» в Российском центре науки и культуры (Хельсинки, Финляндия).

Организаторами первой конференции выступили Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, Российская национальная библиотека, Русская христианская гуманитарная академия (РХГА), кафедра истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. География конференции была очень широка: Московский, Петрозаводский и Белорусский государственные университеты, Новгород и Кронштадт, пригородные музеи Петербурга – Петергоф, «Пенаты»; Государственный Русский музей, Академия художеств. Конечно, большая часть докладчиков представляла различные учебные, научные, музейные и архивные учреждения Петербурга, в особенности Санкт-Петербургский университет. Но приятно отметить, что в конференции приняли участие и представители технических направлений (например, в секции «Балтийское море: сотрудничество и противостояние») – значительно расширился круг обсуждаемых вопросов, повысился и статус самой встречи ученых. Большая часть докладов, как это было и на предыдущих конференциях, была посвящена Финляндии, и петербуржцы с радостью приветствовали постоянного финского гостя, известного правозащитника Йохана Бекмана. Он выступил с докладом «Страны Северной Европы и отношения США и России на современном этапе». Регулярно проводимые в Петербурге встречи ученых-скандинавистов собрали постоянный круг участников: Б. С. Жаров, Т. А. Шрадер, В. Е. Возгрин, С. Г. Веригин, В. И. Мусаев, М. В. Шкаровский, О. А. Кривдина, С. Е. Ивлева, В. Г. Бурков. Здесь же делают свои первые шаги и дебютанты – аспиранты и молодые научные сотрудники. Особо хочется отметить инициатора и бессменного руководителя конференций – доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ В. Н. Барышникова. РХГА – гостеприимный хозяин и стремится, чтобы все участники встречи чувствовали себя в стенах Академии комфортно.

Меньше чем через неделю в Хельсинки в Российском центре науки и культуры состоялась IV международная научная конференция «Россия и страны Северной Европы: личность в истории России и стран Северной Европы», одним из организаторов которой выступила кафедра истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. Хорошая университетская традиция достойно поддерживается университетом города Хельсинки, который 27 марта этого года отметил свой 375-летний юбилей. В Хельсинкском университете одиннадцать факультетов, на которых обучается около сорока тысяч студентов. На конференции Хельсинкский университет был представлен четырьмя докладчиками, финские ученые из других городов – Тампере, Турку – составили костяк конференции. Приятно отметить, что, с одной стороны, круг участников конференции постоянно обогащается новыми именами, с другой – многие исследователи участвуют в международной встрече не впервые. Так, например, доктор наук Плат Тильман из университета Грайфсвальд (ФРГ). Заявленная на конференции тема подразумевала максимально широкий охват событий и связанных с ними личностей, среди которых фигурировали К. Г. Маннергейм, У. К. Кекконен и О. В. Куусинен. Но в научный обиход вводятся и не столь известные широкому кругу имена. В частности, мое выступление было посвящено М. И. Стеблин-Каменскому, патриарху отечественной скандинавистики, основателю кафедры скандинавской филологии в Ленинградском государственном университете. Я была приятно удивлена, что его имя, специально не занимавшегося Финляндией (сферой его интересов были скандинавские страны, и в особенности Исландия), оказалось хорошо знакомо финским ученым – именно в связи с историей изучения исландского языка и культуры, исландских саг и поэзии скальдов. Введение в научный обиход новых имен, нетрадиционное освещение уже известных фактов, взаимное обогащение актуальной информацией стало доброй традицией скандинавских встреч.

Т. Михалкова, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, член-корреспондент Академии гуманитарных наук
v51@printsburg.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Представляемые в журнал рукописи должны соответствовать тематике журнала и содержать материалы, не опубликованные ранее в других изданиях. Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами. Статья должна состоять из следующих элементов на русском и английском языках: УДК в левом верхнем углу. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный и почтовый адреса, контактные телефоны). Название статьи жирным шрифтом заглавными буквами.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Ключевые слова – от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке.

В тексте статьи ссылка дается в квадратных скобках, через точку с запятой – цитируемая страница, если это необходимо.

Законодательные акты, постановления, архивные и исторические источники оформляются в виде Примечаний.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Более подробная информация для авторов дана на сайте журнала: **uchzap.petrsu.ru**.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, редакция не рассматривает. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Krotov P. A., Pashkov A. M.
ON THE DATE OF PETROZAVODSK FOUNDATION . . 7

Roman'ko O. V.
NAZI PROPAGANDA IN OCCUPIED CRIMEA (1942–1944): BODIES AND FORMS OF THEIR ACTIVITY 11

Maksimova L. A.
RELATIONSHIP MODELS OF MIGRANTS AND INDIGENOUS POPULATION IN KOMI REPUBLIC IN 1930s – 1950s 17

Chudova T. I.
LOCAL FOOD TRADITIONS OF VASHKINSKIE KOMI 22

Shorokhova I. V.
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY AT THE END OF THE 1950s – FIRST HALF OF THE 1960s (FOLLOWING THE NEWSPAPER MATERIALS "PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY") . . 27

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gazizova A. I.
IN SEARCH OF WAYS FOR EFFECTIVE INTERACTION AMONG SCIENCE, EDUCATION AND INDUSTRY. 35

Sherekhova O. M.
PRINCIPLES OF INTERSUBJECTIVE CREATIVE ACTIVITY DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF HIGHER EDUCATION BASED ON DRAMA GAMES. 41

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bubnova N. V.
REGIONAL ONOMASTIC "CHRONICLE": BASIS FOR IMPARTIAL DESCRIPTION OF NATIONAL ONOMASTIC SPACE 46

Romanov Yu. A.
ON F. M. DOSTOEVSKY'S TRADITIONS IN W. FAULKNER'S WORKS 52

Urvantseva N. G.
CELEBRATION OF GOGOL'S ANNIVERSARIES ON PAGES OF PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS OF PETROZAVODSK 57

Kotova A. V.
ON SOURCES OF PAIRED SIMILES IN VALERIUS FLACCUS' "ARGONAUTICA" (V, 343–349; 366–372). 61

Matashina I. S.
ON THE HISTORY OF THE FIRST SWEDISH TRANSLATIONS OF F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVELS 66

All-Russian scientific conference "Language and poetics of Russian folklore: the 120th anniversary of the birth of Vladimir Propp (1895–1970)"

Zemtsovsky Izaly
"DO IT WITH PROPP!" (MEMOIRS FROM THE SERIES: "V. Ja. PROPP IN AMERICA") 70

Zolyan S. T.
THE PLOT STRUCTURE OF ARMENIAN EPIC "DAREVILS OF SASSOUN": INVARIANTS AND TRANSFORMATIONS 73

Loyter S. M.
ON LITERARY LEGACY OF V. Y. PROPP (BACK TO CHILDREN'S DREAMLAND "SHVAMBRANIYA" AS FOLKLORE PHENOMENON). 82

Patroeva N. V.
KARELIAN MOTIVES AND FOLKLORE ELEMENTS IN R. ROZHDESTVENSKII LYRICS 87

ECONOMIC SCIENCES

Gladkikh E. G.
COSTS OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN RUSSIAN ECONOMY 92

Kuchits I. O.
IMPORTANCE OF INSTITUTIONAL APPROACH IN ECONOMY REGULATION 99

LEGAL SCIENCES

Chernov S. N.
SPECIFICS OF LEGAL REGULATIONS IN ECONOMIC, POLITICAL, AND SOCIAL SPHERES OF THE ARCTIC ZONE 103

Sidorov Yu. V.
DIFFERENCES IN UNDERSTANDING OF THE E-JUSTICE ESSENCE IN RUSSIA AND ABROAD . . 108

Sukhanova T. P.
ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PROCEEDINGS EXERCISED BY EXECUTIVE AUTHORITIES (CASE STUDY OF THE RUSSIAN FEDERAL AGENCY OF COURT BAILIFFS) 112

Discussions

Pivoev V. M.
Does history belong to humanties?. 116

Reviews

Shevchenko V. I.
Kirilina, Valentina Mikhaylovna. Farm tourism development in the Republik of Karelia based on cross-border netcooperation 121

Scientific information 122

INFO FOR THE AUTHORS 123